

378

70

ИННОВАЦИИ

НА РАЗНЫХ
ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра английской филологии

И Н Н О В А Ц И И
НА РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ

Межвузовский сборник научных трудов

Под ред. Л.Я. Орловской

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1978

И/5453

188

В статьях сборника авторы рассматривают новые языковые явления, появившиеся в русском, латышском, английском, немецком и французском языках.

Сборник рассчитан на преподавателей-филологов, аспирантов и студентов различных филологических специальностей.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ЛГУ им. П. Стучки от 16 июня 1978 года.

© Латвийский государственный университет им. П. Стучки, 1978

И 70104-083у 170-78
М 812(II)-78

gramatiski saistītiem vienkopas teikumiem, ne arī par patstāvīgu vienkārša teikuma tipu — bezkopas teikumiem.

Statiskā un dinamiskā aspekta nošķiršana tātad izvirza jautājumu par teikuma strukturālās tipoloģijas un strukturālās klasifikācijas principiem katrā no šiem aspektiem, kā arī par šo principu savstarpējām attiecībām. Šis jautājums savukārt saskaras ar plašāku jautājumu par sintakses un tās vienību strukturāciju.

Dinamiskajā aspektā, kā jau iepriekš noskaidrots, būtisku nozīmi iegūs dažādi apkaimes jeb distribūcijas faktori. Pareizi norāda V. Koduhovs, ka "runas situācija un konteksts, t. i., dialogiska un monologiska tipa frāzkopa (сверхфразовое единство) ir tā tiešā sfēra, kurā funkcionē teikuma modeļi un kura tos pārvērš frāzēs, izteikumos (высказывание) (22, 39. lpp.). Konteksta, situācijas vai konsituācijas ietvaros katrs atsevišķs izteikums jeb komunikāts piedalās kāda šaurāka vai plašāka teksta veidošanā. Teksts tādējādi uzskatāms par īpašu, patstāvīgu sintakses mikrosistēmu, citiem vārdiem, sintakses ietvaros izdalāma tāda mikrosistēma kā t e k s t a s i n t a k s e. N. Švedovas ieteiktajā sintakses strukturācijā teksta sintakse ir viena no sintakses mikrosistēmām jeb līmeņiem (sal. Švedova N., 26, 25. lpp.) un ir izvirzīta kā ceturta aiz vārda, vienkārša teikuma un salikta teikuma sintakses. Rodas jautājums, kāda ir šo četru sintakses mikrosistēmu attiecība ar statisko un dinamisko aspektu.

No iepriekš teiktā izriet, ka būtu lietderīgi trīs pirmās sintakses mikrosistēmas attiecināt uz sintakses statisko aspektu, bet ceturto, teksta sintaksi, — uz sintakses dinamisko aspektu. Tādējādi sintaksē atbilstoši izpētes aspektiem vispirms būtu šķirama s t a t i s k ā s i n t a k s e u n d i n a m i s k ā s i n t a k s e.

Statiskās sintakses kompetencē būtu izziņāt, raksturot, sistematizēt katras valodas t i p i s k ā s organizējamās vienības un t o t i p i s k o s gramatiskās un semantiskās struktūras m o d e ļ u s, minimālās un maksimālās s t r u k t ū r a s š ē m a s katras mikrosistēmas (vārda, vienkārša teikuma, salikta teikuma sintakses) ietvaros.

Dinamiskās sintakses kompetencē savukārt būtu, pirmkārt, izziņāt, raksturot, sistematizēt šo modeļu un shēmu funkcio-

TEIKUMA STRUKTŪRAS PARVEIDOJUMI KONSTITUĀCIJAS
IETEKMĒ

(Par dažām latviešu valodas sintakses attīstības
tendencēm)

O.O. Jautājuma nostādne. Teikums kā sintakses vienība ir gan noteiktas uzbūves (strukturāras), gan arī saziņas (komunikatīva) vienība. Kā komunikatīva vienība teikums parasti nav izolēts, bet funkcionē kopsakarā ar citām komunikatīvām vienībām, kas veido teikuma valodisko apkaimei jeb kontekstu. Teikuma funkcionēšana ir saistīta arī ar nevalodisku (ekstralingvistisku) vidi - ar saziņas situāciju. Šie apkaimes jeb uistribūvijas faktori katrs par sevi vai visai bieži abi kopā, t. i., konsituācijā, var ietekmēt teikumu kā strukturāras vienību, vairāk vai mazāk pārveidot tā uzbūvi.

Konteksts un situācija resp. konsituācija pareizi jānovērtē sintakses teorijā, izvirzot un raksturojot teikuma strukturālos tipus. Konsituācijas nosacītās teikuma strukturāras pārveidojumi ievērojami arī, pētījot valodas sintaksiskās strukturāras attīstības tendences, jo konsituācijas ietekme uz teikuma strukturāru neizpaužas vienādi visos valodas attīstības posmos.

Šī raksta mērķis ir, vērtējot apskatāmā jautājuma izpēti latviešu valodniecībā (O.1), akcentēt tos teikuma strukturāras raksturošanas aspektus, kas līdz šim ievēroti mazāk, bet kas ir būtiski svarīgā teikuma uzbūves interpretācijā (O.2). Raksta apcerētas arī dažas problēmas, kas rodas konsituatīvi saistītu sintaktisku konstrukciju analizē (1.0), un norādīts uz konsituatīvi saistītu konstrukciju lietošanas tendencēm mūsdienu latviešu literārajā valodā. (2.0)

O.1. Konsituatīvi saistītu sintaktisku konstrukciju interpretācija latviešu valodniecībā. Aizsākumi teorijai par tādās uzbūves teikumiem, kuros nav to "pilnai" strukturārai nepieciešamu locekļu, arī latviešu valodniecībā meklējami dažādos uzskatos par t. s. nepilnajiem (arī eliptiskajiem) teikumiem (tuvāk par tiem sk. Ceplītis L., 1, 112.-117.lpp.). Nepilno teikumu skaidrojumā tiešāk vai netiešāk jau ir minētas norādes

uz kontekstu vai situāciju kā teikuma struktūras nepilnuma cēloņiem, tomēr neviens no šiem faktoriem nav īpašas izpētes objekts. Nepilnus resp. eliptiskus teikumus parasti izdala un apskata atsevišķā teikuma tipā.

Pieņemamīto gadu sākumā, kad latviešu valodniecībā nostiprinās uzskats par vienkopas teikumiem kā patstāvīgu vienkārša teikuma tipu, rodas vajadzība tuvāk izvērtēt arī konteksta un situācijas lomu teikumu strukturālajā tipoloģijā. Šajā laikā ir izteikta doma, ka "eliptiskiem teikumiem nevar būt patstāvības kā teikumu tipam". "Eliptiski teikumi ir tikai citu teikumu tipu — divkopu un vienkopas teikumu — paveids" (Karkliņš J., 5, 149.lpp.). Pašu elipsi nosaka konteksts un situācija (turpat, 150.lpp.). Jautājuma šādā nostādnē svarīga ir konteksta un arī situācijas lomas pasvitrošana un ievērošana teikumu strukturālajā klasifikācijā, tomēr tradīcijas ietekmē šajā darbā ir paturēts arī eliptisku teikumu jēdziens.

Janus meklējumus konteksta sintakses jomā sīdēz A.Ozola latviešu klasisko tautsadziesmu sintakses pētījumi. Par elementārāko konteksta sintakses vienību A.Ozols izvirza kondukciju, t.i., "tādus divus teikumus, kas konteksta sintaksē saistīti viens ar otru kā viens otra papildinājums" (15, 328.lpp.; retinājums māsu —J.K.), un tādēļ "analīzē uz teikuma centru un teikuma kopām jāraugās kā saistījumu starp diviem teikumiem" (turpat, 328.lpp.). Jauna A.Ozola koncepcijā ir doma, ka kontekstā viena konstrukcija var p a p i l ņ i n ā t kādu citu konstrukciju un vairāku konstrukciju kontekstuālais saistījums ir attiecīgi vērtējams šo konstrukciju analīzē. A.Ozols, sekodams sintaksē iedibinātai tradīcijai, katru, arī kontekstuāli saistītu konstrukciju uzskata par t e i k u m u. Tādēļ A.Ozols kontekstuāli saistītu konstrukciju interpretācijā nevar istikt bez e l i p s e s. Raksturodams jautājumu un atbildi kā latviešu klasiskajās tautas dziesmas izplatītāko kondukciju tipu, A.Ozols atbildes teikumu kā kondukcijas otro komponentu arī vērtē par divkopu teikumu, ja kondukcijas pirmais komponents — jautājuma teikums — ir divkopu teikums. Atbildes konstrukcijā neatkārtotos abām kondukcijas daļām kopīgos locekļus A.Ozols skaidro ar šo neatkārtoto locekļu elipsi. Tādēļ, piemēram, kondukcijā — (1) Kas pūriņū pielocija Bajāriņū meitiņām?(2) Tēva sieki, cita nagi, Mātes

gudrais padomiņš. 7670, 3 — atbildes konstrukcija (2) saukta par **e l i p t i s k i e k s p l i c i t u** divkopu teikumu, bet konstrukcijā — (3) Gulēt iešu, kur gulēšu? (4) Rijiņā, rijiņā! 31553 — atbildes konstrukcija (4) savukārt dēvēta par **e l i p t i s k i i m p l i c i t u** divkopu teikumu, cītiem vārdiem, atbildes konstrukciju struktūra raksturota, par pamatu ņemot to divkopu teikumu struktūru, kas veido konstrukcijas pirmo daļu — jautājuma teikumu.

Pret šādu interpretāciju var iebilst.

Ja atbilde ir jautājuma **p a p i l d i n ā j u m s** un **a b a s k o p ā** veido konstrukciju, tad nav vajadzības atbildes konstrukcijas struktūrā saskatīt elpisi un nav arī pamata abbildī kā jautājuma papildinājumu (t. i., kā daļu no veselā) pielīdzināt teikumam.

Konstrukcijas otro komponentu un citu kontekstuāli saistītu konstrukciju pielīdzinājums teikumam ir arī par pamatu tam, kādēļ A. Ozolam šādu konstrukciju analizē nav izdevies realizēt iepriekš izvirzīto tēzi, ka kontekstā uz teikuma centru un teikuma kopām jārangās kā uz saistījumu **s t a r p d i v i e m t e i k u m i e m**. Gan ar atrunu (sal. 15, 330. lpp.), tomēr gadījumu vairumā A. Ozols kontekstuālās konstrukcijas ietilpinājis verbālo un nominālo vienkopas teikumu dominantu (vienkopas teikumu galveno locekļu) apskatā (sal. 15, 330., 331., 332., 334., 336. lpp.), tātad ir atkāpies no paša izvirzītā analīzes principa.

Par vienkopas teikumiem ir uzskatītas gan tādas konstrukcijas, kurās ir pievienoti teikuma priekšmeti, piemēram, (5) Kas pūriņu pielocīja Bajāriņu meitiņam? (6) Pupas, zirņi, raģentīņi, Tēva maizes gabaliņš. 7670 v; (šeit un turpnāk piemēros pasvitrojumi A. Ozola), un pat tādas konstrukcijas, kurās ir pievienoti tikai teikuma palīglocekļi, piemēram, (7) Zilīte zūbīte, kur tavi bērniņi? (8) Vīņpus Daugavas ozola zarā. 2092; (9) kur cirti, tēviņi, šūpuļa kārti? (10) Skaidrāi birzēi, novada malā. 1763.

Šāda kontekstuāli saistītu konstrukciju analīze padara pretrunīgu vienkopas teikuma izpratni — vienkopas teikumu tipā tiek apvienotas gan pamatstruktūrā — gramatiskā centra izveidē — kontekstuāli brīvas, gan kontekstuāli saistītas konstrukcijas. Tas nevajadzīgi paplašina arī paša teikuma

kā īpašas, patstāvīgas sintaksēs strukturālas vienības robežas -- teikuma atsevišķas sastāvdaļas jeb komponenti tiek pielīdzināti teikumam kā strukturālam veselumam.

A. Ozola latviešu klasisko tautandziesmu sintakses pētījumi mūsu rakstā apceramās problēmas sakarā ir nozīmīgi ar to, ka A. Ozols jau folklorā (latviešu klasiskajās tautas dziesmās) konstatējis vairākus kontekstuāli saistītu konstrukciju tipus. Pirmkārt, tās ir konstrukcijas, kuru struktūru nosaka kāda cita blakus esoša konstrukcija (sk. piemērus iepriekš), otrkārt, pašā konstrukcijā (saliktā teikumā) prepozitīva komponenta struktūra ietekme tālāko (postpozitīvo) komponentu struktūru (sal. Ozols A., 15, 330. lpp.). Tātad daži kontekstuāli saistītu konstrukciju tipi latviešu valodā ir visai seni. Tie pārstāv divus galvenos šādu konstrukciju tipus -- konstrukcijas, kuru struktūru pārveido t. s. makrokonteksts, t. i., ārpusteikuma konteksts, un arī konstrukcijas, kuru atsevišķu komponentu struktūru nosaka t. s. mikrokonteksts, t. i., pašas konstrukcijas resp. teikuma konteksts.

Mūsdienu latviešu literārās valodas materiālā konteksta sintakses problēmas risinājis L. Ceplītis darbos par bēz kopas konstrukcijām (1; 25). Viņš ir pirmais, kas latviešu sintaksē tik plaši raksturojis daudzu konstrukciju saistījumu ar to distributīvo vidi un skaidri nošķīris kontekstuāli gramatiskos un situatīvos saistījumus (sal., piemēram, 1, 136.-137. lpp.). Arī L. Ceplīša koncepcijā visas kontekstuāli un situatīvi saistītās konstrukcijas ir uzskatītas par teikumiem. Tomēr starp A. Ozola un L. Ceplīša koncepciju ir būtiska atšķirība. A. Ozols uz vienkārša teikuma vienkopas tipu (resp. dominanti) attiecinā gan tādas kontekstuālas konstrukcijas, kurām ir predikatīvs sakars ar prepozitīvo konstrukciju (sal. iepriekš (2), (6)), gan arī tādas konstrukcijas, kurām ar prepozitīvo konstrukciju ir nepredikatīvs sakars (sal. iepriekš (4), (8), (10)). L. Ceplītis turpretim abus šos kontekstuāli saistītu konstrukciju tipus šķir.

Kontekstuālas konstrukcijas, kurām ir predikatīvs sakars ar kādu prepozitīvu konstrukciju, L. Ceplītis uzskata par vienkopas teikumiem (sal., piemēram, (11) Saule svīrs pil-

nīgi piepaka zemei. (12) Gandrīz iesācās taņī. A.Grig. 1, 40; Ceplītis L., 1, 141.lpp.; izcēlumi piemēros L.Cepliša). Šī L.Cepliša uzskata realizējums visplašāko izpausmi guvis Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatikas sintakses daļā (turpmāk saīsināti Mgr II). Nodaļu par vienkopas teikumiem šajā darbā rakstījuši L.Ceplītis un A.Blinkena. Kontekstā predikatīvi saistītās konstrukcijas šajā darbā aplūkotas gan pie vienkopas nominatīvteikumiem (sal. 14, 492.-494.lpp.), gan pie (noteiktas personas) vienkopas teikumiem (sal. 14, 507.-512.lpp.). Kontekstuāli saistītu konstrukciju iekļaušana vienkopas teikumu tipā radījusi vajadzību šķirt gramatiski saistītus vienkopas teikumus un gramatiski nesaisītus vienkopas teikumus (sal., 14, 482.lpp.). Tādējādi vienā strukturālā tipā ir apvienotas nekontekstuālas un kontekstuālas resp. strukturā patstāvīgas un strukturā nepatstāvīgas konstrukcijas. Tāda pieeja nesekmē konsekventas un nepretrunīgas teikumu strukturālās tipoloģijas sistēmas izveidi (tuvāk par to O.2, 1.0).

Kontekstuālās struktūras, kam ar distribūcijas konstrukcijām ir nepredikatīvs sakars, L.Ceplītis nošķir īpašā vienkārša teikuma tipā -- bezkopas konstrukcijās resp. bezkopas teikumos (sal. 1, 147.lpp.; 14, 538.lpp.) un izvirza tos par trešo vienkārša teikuma strukturālo tipu līdzās divkopu un vienkopas teikumiem. Šādai interpretācijai ir tie paši trūkumi, kas minēti iepriekš, vērtējot gramatiski saistītu vienkopas teikumu iekļāvumu vienkopas teikumu tipā (tuvāk par to sk. nārkliņš J., 6, 108.-110.lpp.; 21, 106.lpp.).

Par kontekstuāli saistītu konstrukciju izpratni Mgr II nav īpaši jārunā, jo, kā redzams no iepriekš teiktā, Mgr II kontekstuāli (un arī situatīvi) saistītu konstrukciju raksturojumā pamatos izmantota L.Cepliša koncepcija.

Vērtējot kopumā konsituatīvi saistītu konstrukciju interpretāciju latviešu sintaksē, ir jāsecina, ka visas tekstos sastopamās diskrētās sintakses vienības ir uzskatītas par teikumiem un neatkarīgi no to strukturālās patstāvības visas kā izolētas vienības ņemtas par pamatu (vienkārša) teikuma strukturālajā tipoloģijā. Šāda sintakses vienību interpretācija ir nepietiekama un nepilnīga, tādēļ arī vienpusīga. At-

sevišķas no teksta kopsakara izņemtas konstrukcijas struktūra ne vienmēr ietver pietiekami daudz tādu diagnosticējošu pazīmju, kas ļauj noteikt šīs konstrukcijas strukturālo tipu. Acīmredzot ir lietderīgi sintaktisko konstrukciju interpretācijā un līdz ar to arī strukturālajā tipoloģijā ņemt vairākus aspektus.

0.2. Par diviem teikuma struktūras interpretācijas aspektiem. Teikumu kā sintakses vienību mūsdienu sintaksē parasti raksturo no vairākiem aspektiem. Ar teikuma kā noteiktas gramatiskas uzbuves resp. strukturālas vienības interpretāciju vistiesāk ir saistīti divi aspekti -- **s t a t i s k a i s a s p e k t s** un **d i n a m i s k a i s a s p e k t s** (tuvāk par tiem — Belošapkova V., 17, 14.-15.lpp.; Prokopovičs N., 23, 11.-12.lpp.; Kārkliņš J., 6, 106.-108.lpp.). Abu minēto aspektu izdalīšana un norobežošana sintaktisko konstrukciju interpretācijā ir būtiski svarīga vairāku iemeslu dēļ.

Pirmkārt, statiskā un dinamiskā aspekta kā divu dažādu aspektu atzišana ļauj nošķirt **t e i k u m u u o i z t e i k u m a** (arī izsacījuma — **ВКЛАСИВАНИЕ**, citā terminoloģijā — **к о а u n i k ā t a**, sal. Kārkliņš J., 9, 12.lpp.). No sintakses vienību strukturālās tipoloģijas viedokļa šādā skatījumā vispirms principiāli svarīgs ir atzinums, ka izteikumam jeb komunikātam var arī nebūt teikuma gramatiskās formas (sal. Belošapkova V., 18, 157.lpp., par daļiem šādu komunikātu raksturīgākajiem tipiem latviešu valodā sk. Kārkliņš J., 8, 447.lpp.; 6, 108., 110.lpp.). Tātad ir revidējams tradicionālais uzskats par teikumu kā vienīgo minimālo teksta vienību. Teikuma strukturāli neatbilstošu komunikātu statistiskais īpatsvars tekstā parasti ir visai neliels. Bez tam tie nav pārstāvēti visos funkcionālos stilos, tātad ir funkcionāli ierobežoti. Teikuma strukturāli neatbilstoši komunikāti lietoti galvenokārt saziņas emocionāli ekspresīvajā sfērā (piemēram, izsaukmes vārdi, arī uzruņa kā komunikāti) vai subjektīvi modālajā sfērā (piemēram, partikulas, arī modālie vārdi kā komunikāti). Ar to izskaidrojams, ka šādi komunikāti sastopami galvenokārt daiļliteratūrā, kurā visai spēcīga ir valodas mutvārdu formas ietekme.

Otrkārt, un tas šajā rakstā apceramā jautājuma sakarā ir īpaši svarīgi, statistiskā un dinamiskā aspekta norobežošana palīdz nošķirt paša teikuma kā sintakses vienības uzbūves **v i s p ā r i g o s** nosacījumus un likumības resp. teikumu kā **s t r u k t u r ā l u** paraugu (statistikajā aspektā) no **k o n k r ē t a** teikuma kā komunikāta (dinamiskajā aspektā).

Ar teikumu kā strukturālu paraugu statistiskajā aspektā saprotam katras valodas tipiskās iespējas teikuma izveidē (sal. Koduhovs V., 22, 39.lpp.) neatkarīgi no konteksta un situācijas resp. konsituācijas (sal. Belošapkova V., 17, 15.lpp.). Šīs tipiskās iespējas vispirms ir attiecināmas uz teikuma struktūras shēmu kā predikatīvu (resp. gramatisku) minimumu (sal. Belošapkova V., 18, 101.-110.lpp.) vai teikuma struktūras shēmu kā nominatīvu (resp. semantisku) minimumu (sal. Belošapkova V., 18, 111.-117.lpp.), t.i., uz teikuma struktūras shēmu šaurāka vai plašāka izpratnē. Struktūras shēmas kā teikuma statiskās struktūras reprezentantes ir noderīgas, lai katras valodas konkrēto teikumu daudzveidībā izzinātu to veidošanas galvenos modeļus un tos varētu sniegt šaurāka vai plašāka saraksta veidā. Tomēr ne predikatīvais minimums, ne nominatīvais minimums neaptver visu potenciālo teikuma statisko struktūru. Teikuma statiskās struktūras reprezentanti var būt arī (parasti) gramatiski vai un semantiski **n e o b l i g ā t i** komponenti. Tādi ir t.s. **d e t e r m i n ā n t i** jeb situanti, arī **s e k u n d ā r i** predikatīvie komponenti. Predikatīvais minimums un nominatīvais minimums katrs savā veidā pārstāv teikuma **m i n i m ā l o** struktūru statistiskajā aspektā, turpretim teikuma struktūra, kurā ir arī determinanti un sekundāri predikatīvie komponenti — teikuma **m a k s i m ā l o** struktūru. Šādā izpratnē teikuma statisko struktūru resp. teikumu kā strukturālu paraugu reprezentē ne tikai, piemēram, shēma¹ $N_{1/3}$ -Vf^{tr} (sal. (11) Vētra pārsteidza) kā

¹Shēmu simboliskajā pierakstā — N — nomena, Vf — verba finitā (personas) forma; indeksi 1/3, 4, 6 pie N norāda locījumu (nominatīvu, datīvu, akuzatīvu, lokatīvu), bet indekss det — determinantu, obj — objektu un sek pred — sekundāri predikatīvu komponentu; indekss tr pie Vf norāda, ka Vf ir transitīvs. Šeit un turpmāk teikuma locekļa pasvītrojums izmantoti praktiskajā (skolas gramatikā) pieņemtie apzīmējumi (sal. 11, 43., 45., 66., 73., 77.lpp.). Ar pasvītrojumu... norādīts arī uz apstākļu nozīmes determinantiem, bet ar pasvītrojumu $x \times x \times x$ — uz sekundāri predikatīviem komponentiem.

predikatīvs minimums vai shēma $N_{1/3}^{-Vf^{tr}-N_4}$ (sal. (11a) Vētra pārsteidza zvejniekus) kā nominatīvs minimums, bet arī paplašināta shēma $N_6^{det} - N_{1/3}^{-Vf^{tr}-N_4^{obj}}$ (sal. (11b) Vakarā vētra pārsteidza zvejniekus) vai arī paplašināta shēma $N_6^{det} N_{1/3}^{-Vf^{tr}-N_4^{obj}} - N_1^{sek pFed}$ (sal. (11c) Vakarā vētra pārsteidza zvejniekus negaidīti), t. i., paplašinātas shēmas, kuru sastāvā ir vai nu determinants (11 b), vai determinants un sekundāri predikatīvs komponents (11c). Šāda teikuma statistiskās struktūras izpratne ir vajadzīga ne tikai tadēļ, lai vispusīgi interpretētu teikuma statistiskās struktūras potences, bet jo sevišķi tadēļ, ka teikuma struktūras pārveidojumi konteksta, situācijas vai konsituācijas ietekmē, t. i., dinamiskajā aspektā attiecas gan uz teikuma minimālo, gan maksimālo struktūru.

Atsevišķa komunikāta (kā konkrēta teikuma) struktūra var atbilst teikuma strukturālajam paraugam, t. i., šis strukturālais paraugs var būt realizēts pilnā veidā, bet atsevišķa komunikāta struktūra konteksta, situācijas vai abu šo faktoru ietekmē var būt arī dažādi pārveidota. Atsevišķā komunikātā var nebūt realizēts viss teikuma strukturālais paraugs. Teikums kā statistiska struktūra un izteikums resp. komunikāts kā dinamiska struktūra var nesakrist arī tadējadi, ka teikums kā statistiska struktūra var būt sadalīts pa vairākiem komunikātiem (sal. Belošapkova V., 18, 157. lpp.). Tātad teikuma statistiskā struktūra var būt dažādi realizēta tā dinamiskajā struktūrā -- teikuma dinamiskā struktūra var atbilst tā statistiskajai struktūrai resp. būt realizēta vienā komunikātā, bet teikuma dinamiskā struktūra tā statistiskajai struktūrai var arī neatbilst resp. būt realizēta vairākos komunikātos.

Teikuma statistiskās un dinamiskās struktūras nesakrīdamaļ var būt vēl arī citas izpausmes. Konsituācijas ietekmē teikuma dinamiskā struktūra var neatbilst statistiskajai struktūrai arī tad, ja teikuma dinamiskā struktūra nav sadalīta pa vairākiem komunikātiem (tuvāk par dažām šādām teikuma dinamiskās struktūras īpatnībām sk. 1.0).

Treškārt, statistiskā un dinamiskā aspekta atšķirība nevar palikt neievērota, nosakot un izvirzot teikuma strukturālos pamattipus. Tas nozīmē, ka teikumu strukturālo tipoloģiju nevar veidot, pielīdzinot dinamisko aspektu statistiskajam aspektam. Abu šo aspektu vienādošanas neizbēgamas sekas ir

a t s e v i š k ā (komunikāta) pielīdzināšana v i s p ā-
r i g a j a m (teikumam kā strukturālam paraugam). Statiskā
un dinamiskā aspekta nepietiekama norobežošanas, kā izriet
no iepriekš teikta (sal. 0.1), ir visai raksturīga līdzšinējai
latviešu sintaksei. Ilustrēsim mūsu nostādni ar dažiem piemē-
riem.

Uz vienkārša teikuma vienkopas tipu nevar attiecināt komu-
nikātus, kuros teikuma priekšmeta pozīcija palikusi nerealizē-
ta tādēļ, ka tā jau ir iepriekš fiksēta kādā no konteksta komu-
nikātiem, piemēram, (12a) Klinta nesmaida. (12 b) Neabild.
Indrāne I., 21, 32.lpp. (sal. ar pretēju interpretāciju 14,
507.-512.lpp.). Tāpat pie vienkopas tipa nav piederīgi arī tie
komunikāti, kuros līdzīga iemesla dēļ palikusi nerealizēta iz-
teicēja pozīcija, piemēram, (13a) Viņu izglāba pārdrošība.
(13 b) Risks. Niedre J., 33., 19.lpp. (sal. ar pretēju inter-
pretāciju 14, 494.lpp.). Šādas un līdzīgas konstrukcijas re-
prezentē vienkāršu teikuma predikatīvā kodola (gramatiskā cent-
ra) pārdalījumu konstitūcijas ietekmē. Komunikāti (12b), (13b)
ir divkopu teikuma strukturā veidotu komunikātu (12a), (13a)
turpinājums, tādēļ tos nevar uzskatīt par patstāvīgiem teiku-
miem resp. par vienkopas teikumiem.

Ir arī tādi komunikāti, kuru predikatīvais kodols (grama-
tiskais centrs), t.i., teikuma priekšmeta un / vai izteicējs
(divkopu teikumu tipā) vai galvenais loceklis (vienkopas tei-
kumu tipā) ir manifestēts kādā no konteksta komunikātiem un tā-
dēļ nav atkārtots, citiem vārdiem, atsevišķā komunikātā (vai
komunikātos) ir nodalīts kāds teikuma predikatīvā kodola pa-
plašinājums kā konteksta komunikāta formāli gramatisks un/vai
semantisks turpinājums, piemēram, (14a) Nākamajā rītā brokas-
tīs viņa Romualdu bagātīgi paēdināja (14b) A r o l ā m, a r
kūpinātu z u t i, a r mikstu, uzsildītu b a l t m a i z i
un k a f i j u. Niedre J., 31, 11.lpp.; (15a) Ļst un ļst.
(15b) Gan dienā, gan nakti. (15c) Jau veselu nedēļu. Komunī-
kāts (14b) ir objekta nozīmes paplašinātājs divkopu teikuma
strukturā veidotam komunikātam (14a), bet komunikāti (15b),
(15c) savukārt ir adverbiālas (temporālas) nozīmes paplai-
nātāji vienkopas teikuma strukturā veidotam komunikātam (15a).
Šādus strukturā un semantiskā nepastāvīgus komunikātus nebūtu
pamata izdalīt īpašā patstāvīgā vienkārša teikuma tipā --

veikopas teikumos. Tas ir darīts Mgr II un L.Cepliša darbos (sal.O.l).

No iepriekš pārrunātā izriet vairāki secinājumi.

Pirmkārt, teikums kā sintakses vienība ir raksturojams gan statiskā, gan dinamiskā aspektā. Tā kā tie ir dažādi aspekti, tad teikuma statiskā un dinamiskā struktūra var nesakrist. Tādēļ teikumu strukturālajā tipoloģijā ir šķirama teikuma statiskā un teikuma dinamiskā struktūra. Statiskā un dinamiskā aspekta norobežošanas pamatā ir konsituācijas ietekmes ievērošana teikuma struktūras raksturojumā. Teikumu dinamiskā aspektā no teikuma statiskā aspektā šķir ne tikai strukturālā puse, bet arī vairākas citas pazīmes -- intonativais noformējums, aktuālais dalījums u.c. (sal.Belošapkova V., 18, 143.lpp.). Tie ir īpaši apcerami jautājumi un šajā rakstā nav aplūkoti.

Otrkārt, konsituācijas ietekme uz teikuma statisko struktūru visai spilgti izpaužas kā teikuma statiskās struktūras sadalīšana vairākos atsevišķos komunikātos. Teikuma statistiskajai struktūrai kā strukturālam veselumam tad atbilst teikuma dinamiskā struktūra kā dalīta struktūra, kas ietverta vairākos komunikātos. Teikuma dinamisko struktūru var veidot bāzes struktūra un no bāzes struktūras nodalīti teikuma struktūras elementi. Teikuma statiskās struktūras pārdalīšanai mūsdienu sintakses teorijā jau ir pieņemts savs apzīmējums -- parcēlācija (citus šīs parādības raksturošanai lietotos terminus sk. Lisičenko R., 12, 9.lpp.). No bāzes struktūras atdalītie segmenti ir saukti par parcelātiem.

No bāzes struktūras atsevišķā komunikātā var būt nošķirti teikuma predikatīvā kodola (gramatiskā centra) locekļi, piemēram, (16a) Gunta gul, segu pār galvu pārvilkusi. (16b) Neruna (16c) Nešd, Indrāne I., 22, 168.lpp. (citus līdzīgus piemērus sk. iepriekš -- (12a), (12b); (13a), (13b); sal. arī (1), (2); (5), (6) un arī ārpuscentra locekļi, piemēram, (17a) Kā kopumu, kā stropu ar savu valodu, dunēšanu, kā nedalāmo ar no teiktām īpašībām es atceros ļaudis. (17b) Cilvēkus. (17c) Celtniekus, šoferus, komjauniešus, medniekus, daudzu tautību bērņus, Avotiņš V., 4, 2.lpp. (citus līdzīgus piemērus

sk. (14a), (14b); (15a), (15c); sal. arī -- (3), (4); (7), (8); (9), (10)).

Saliktā teikumā atsevišķā komunikatīvā (vai komunikātos) var būt nodalītas arī veselas predikatīvas vienības kā salikta teikuma komponenti, piemēram, (18a) Emma paplunčāsies, pabrādās. (18b) Kamēr uzradīsies kāds gājējs vai braucējs. Niedre J., 33, 107.lpp.; (19a) Jāgāda, lai neviena kapeika neieslidētu viņas kabatā. (19b) Lai stāvokli neizmantotu pašlabumnieki vadītāji, brigādieri, darba norīkojumu izrakstītāji. Niedre J., 31, 107.-108.lpp.; (20a) Citas sievietes arī ap piecdesmit tūras līdzī jaunajām. (20b) Dzīvo pilnasinīgi, un viņas negrauz nekāds iekšēja nemiera ķermis. Niedre J., 31, 69.lpp. Teksta fragmentā (18) no virsteikuma (18a) ir atsevišķā komunikātā nošķirts palīgteikums (18b), resp., minimāla salikta pakārtota teikuma struktūra ir sadalīta pa diviem komunikātiem. Teksta fragmentā (19) komunikāts (19a) reprezentē virsteikumu un palīgteikumu, tātad arī minimālu saliktu pakārtotu teikumu. Tomēr šī komunikāta statistiskā struktūra nav pārbaigta. Komunikātā (19b) ir pievienots vēl viens (paralēls) palīgteikums, tātad arī šī saliktā teikuma statistiskā struktūra aptver divus komunikātus, resp., viena statistiskā struktūra pārstāvēta divās dinamiskās struktūras konstrukcijās. Teksta fragmentā (20) salikta sakārtota teikuma statistiskā struktūra arī aptver divus komunikātus -- saliktā sakārtotā teikuma pirmā komponenta (20a) turpinājums pārcelts uz komunikātu (20b), kurā tad pievienota šī saliktā sakārtotā teikuma otrais komponents. Parcelācijas iespējas saliktos teikumos, īpaši saliktos pakārtotos teikumos, ir ļoti dažādas. To tuvāks aplūkojums došams īpašā apcerējumā (par dažiem raksturīgākajiem parcelācijas gadījumiem saliktā teikumā sk. Karkliņš J., 7, 67.-71.lpp.).

Parcelāti kā bāzes struktūras sastāvdaļas ir strukturāli un arī komunikatīvi nepatstāvīgi. Tie ir piedēxīgi pie attiecīgas (vienkārša vai salikta) teikuma statistiskās struktūras. Būdami tikai atsevišķi komponenti no kāda vesela, parcelāti nevar pārstāvēt īpašu patstāvīgu (vienkārša vai salikta) teikuma strukturālu tipu (vai tipus). Vienkārša teikuma strukturālajā tipoloģijā šim atzinumam ir īpaši svarīga nozīme -- parcelātus nevar uzskatīt ne par vienkopas teikumu paveidu --

nēšanas noteikumus, ietverot atsevišķo modeļu resp. shēmu tipiskos pārveidojumus un tipiskos savstarpējās saistīšanas paņēmienus. Teikuma struktūras raksturojumā šajā dinamiskās sintakses daļā centrālais ir jautājums par teikumu statistiskās struktūras modeļu un shēmu dažādu (pilnu un nepilnu) realizāciju, ieskaitot struktūras shēmu pārdalījumus (parcelāciju). No parcelācijas kā būtiskas dinamiskās sintakses parādības ir nošķirami citi teikuma struktūras pārveidojumi konsituācijas ietekmē. Par dažiem no tiem šajā rakstā būs vēl runa (sk.1.0).

Parcelātu strukturālā tipoloģija rādama, par pamatu ņemot gan teikumu strukturālos tipus, kuru ietvaros parcelācija veidojas, gan parcelātu gramatisko un semantisko saistījumu ar bāzes struktūru (šādas tipoloģijas pamatmetus latviešu valodas materiālā sk. Kārklīš J., 7, 60.-71.lpp.; par predikatīvo attieksmju parcelātiem sk. arī Kārklīš J., 9, 452.-455.lpp.).

Dinamiskās sintakses kompetencē, otrkārt, ir apzināt un raksturot tās specifiskās kompleksas sintakses vienības (piemēram, t. s. saliktos sintaktiskos veselumus; latviešu sintaksē par tiem pirmā rakstījusi I. Kārklīša, 4), kas raksturīgas tikai teksta sintaksē.

Dinamiskās sintakses uzdevums, treškārt, ir sistematizēt tos komunikātus, kam nav teikuma gramatiskās struktūras.

Dinamiskās sintakses redzeslokā tādējādi ir gan tādas sintakses vienības, kas ar pārveidotu vai nepārveidotu struktūru pārstāv statisko sintaksi, gan tādas, kas pamatos balstās uz statisko struktūru, bet veido jauna tipa kompleksas sintakses vienības (piemēram, jau pieminētos saliktos sintaktiskos veselumus), gan arī tādas, kas funkcionē tikai teksta sintaksē, t. i., nav atvedināmas no teikuma statistiskās struktūras modeļiem. Kā jau cita sakarā atzīmēts, dinamisko sintaksi no statiskās sintakses šķir vēl arī citas pazīmes resp. citi izpētes uzdevumi, taču tie neattiecas uz sintakses vienību strukturālo tipoloģiju.

Teikuma statistiskās struktūras un dinamiskās struktūras norobežošanai ir svarīga nozīme ne tikai sintakses teorijā. Pievēršanās teikuma dinamiskās struktūras īpatnībām k o n t e k s t a s i n t a k s e s (vai vēl plašāk -- teksta sintakses) ietvaros ļauj vērīgāk ielūkoties arī valodas sintaktiskās struktūras attīstības tendencēs. Konsituācijas ietekme uz tei-

kuma struktūru resp. teikuma struktūras dažādiem pārveidojumiem nav vienādi aktīva visos kādas valodas attīstības posmos.

Visi, kas pētījuši, piemēram, iepriekš pieminēto parcelāciju, norāda uz parcelācijas īpatsvara īpašu pieaugumu tieši mūsdienu literārajā valodā un tajos literāras valodas funkcionālajos stilos, sevišķi dailliteratūrā, kuros ir visdzīvākā valodas mutvārdu formas ietekme. Par parcelācijas parādību aktivizēšanos krievu valodā interesantus novērojumus devusi, piemēram, E. Ivančikova (20, 277.-301.lpp.; sk. arī G. Ribakovas, T. Silmanes, J. Vaņņikova u.c. darbus). R. Lisičenko, salīdzinājuma parcelāciju mūsdienu vācu, angļu, franču un krievu valodā, atzīst, ka par parcelāciju var runāt ne tikai kā par universālu parādību mūsdienu literārajās valodās, bet to var pat uzskatīt par mūsdienu literāro valodu universāliju (12, 10.lpp.). Šo R. Lisičenko spriedumu balsta arī mūsdienu latviešu literāras valodas fakti. Pēc šī raksta autora domām, parcelācijas un tai līdzīgu teikuma dinamiskās struktūras parādību aktivizēšanās attiecināma uz literāras valodas demokratizēšanās tendenci mūsdienās. Šo literāras valodas attīstības izpausmi raksturo literāras valodas un sarunvalodas vai, precīzāk, literāras valodas kodificētās rakstu formas un kodificētās, kā arī nekodificētās mutvārdu formas tuvināšanās. Visticīšāk un visspilgtāk šī tuvināšanās izpaūšas tieši sintaksē.

1.0. Dažas konsituatīvi saistītu konstrukciju interpretācijas problēmas. Viens no dinamiskās sintakses centrālajiem uzdevumiem, kā jau iepriekš (0.2) noskaidrots, ir sistematizēt statiskās struktūras modeļu un shēmu tipiskos pārveidojumus un tipiskos savstarpējās saistīšanas paņēmienus, citiem vārdiem, izstrādāt konsituācijas ietekmē parveidotu sintaktisku konstrukciju strukturālo tipoloģiju. Šādas tipoloģijas radīšanā un jo sevišķi tās pamatprincipu noteikšanā ir daudz problemātiska. Šī raksta ietvaros iespējams aplūkot tikai dažas atsevišķas problēmas, jo latviešu valodas sintaksē dinamiskās sintakses problematika tikpat kā nav risināta.

Interpretējot kontekstuāli saistītas konstrukcijas, mūsdienu sintakses teorijā galvenokārt pārspriests jautājums par kompleksiem kontekstuāliem veidojumiem — salikto sintaktisko veselumu, frāžkopu, rindkopu, kā arī pievērsta uzmanība tādi konteksta sintakses parādībai kā parcelācija. Arī šī raksta

autors sešdesmito gadu beigās un septiņdesmito gadu sākumā, liekot latviešu sintaksē pamatus frontālas teksta sintaktiskās struktūras analīzes sistēmai (sk. Karkliņš J., 6), konsituatīvo saistījumu grupā īpaši izdalījis dažādus parcelāto konstrukciju veidus. Kopš šī laika uzkrātais valodas faktū materiāls (tas aptver 250 -- 1000 teksta vienību lielas izlases no vairāku desmitu autoru darbiem ar aptuveni 200 000 teksta vienībām), kā arī pirmie parcelācijas parādību pētījumi studentu diplomdarbos (Upeniece A., 16, Docīte V., 2, Karkliņa I., 4) vedina domāt, ka no parcelētajām ir nošķiramas citas dinamiskās sintakses konstrukcijas. Gan daļlīteratūras, gan publicistiskā stila tekstos arvien biešāk sastopamas konsituatīvi saistītas konstrukcijas, kuru ietilpināšana parcelētajās liekas problemātiska. Lai tiktu šajā jautājumā skaidrībā, acīmredzot vispirms precizējama pašas parcelācijas izpratne.

Ar parcelāciju parasti saprot tadu teikuma (statiskās) struktūras sadalījumu jeb pārdalījumu, kurā teikuma (statiskā) struktūra un ar to izsakāmais saturs realizējas ne vienā, bet divās vai vairākās strukturālās un intonatīvi jēdzieniskās runas vienībās resp. divos vai vairākos komunikātos (sal. Rozentāls D., Teļenkova M., 24, 272.-273.lpp.), piemēram, (21a) Viņš patiesi neieredzēja lielamību, iedomību, godkāribu. (21b) Nebija savtīgs un sīkumains. (21c) Par garām runām sacīja: mutes dzesēšana un muldēšana. (21d) Izmēja ārišķīgas, formālas izdarības. (21e) Visādi vairījās no goda amatiem un cildinājumiem. (21f) Nenēsāja nekādas nozīmes, kategoriski atteicās sēdēt prezidijos. Skujiņš Z., 41, 16.lpp.). Šajā teksta fragmentā, ko veido seši komunikāti, ar pirmā komunikāta (21a) teikuma priekšmetu viņš gramatiski un semantiski saistīts ne tikai šī paša komunikāta izteicējs neieredzēja, bet arī visu pārējo komunikātu izteicēji -- nebija savtīgs un sīkumains, sacīja, izmēja, vairījās, nenēsāja, atteicās, tādēļ kā statiska struktūra šis teksta fragments ir vienots veselums -- viens teikums. No dinamiskās struktūras viedokļa pirmais komunikāts ir b ā z e s s t r u k t ū r ā, jo tā teikuma priekšmeta viņš gramatiski un semantiski apvieno visu teksta fragmentu. Komunikāti (21b) -- (21f) ir bāzes struktūras predikatīvā sakara p a r c e l ā t i. (Citus parcelācijas piemē-

rus sk. (12a), (12b); (13a), (13b); (14a), (14b); (15a), (15b); (16a), (16b), (16c); (17a), (17b), (17c); (18a), (18b); (19a), (19b); (20a), (20b).

Parcelācijas vispārīgā pazīme tāda ir tādā teikuma statiskās un dinamiskās struktūras sakarība, kurā vienai statiskās struktūras vienībai atbilst divas vai vairākas teikuma dinamiskās struktūras vienības, no kurām viena vienmēr ir bāzes struktūra, bet visas pārējās (parcelāti) -- bāzes struktūras tiešās sastāvdaļas, citiem vārdiem, parcelācijas gadījumos bāzes struktūra un parcelāti kopā veido vienu strukturālu un semantisku veseliņu. Šāds strukturāls un semantisks veselums konsituācijas apstākļos vistiešāk un visakaidrāk konstatējams tad, kad bāzes struktūra un tās parcelāti seko cits citam, t.i., kad bāzes struktūra un parcelāti ir tieši kontaktā. Tas, ka vairāku parcelātu virknē otrais, trešais utt. parcelāts neatrodas tieši blakus bāzes strukturai (sal. parcelātos izteicējus (21c), (21d), (21e), (21f)), kontaktumu neietekmē. Ar bāzes struktūras un tās parcelātu kontaktu saistījumu saprotams tāds teikuma dinamiskās struktūras komponentu izvietojums, kurā bāzes struktūru no tās parcelātiem nešķir kādi citi komunikāti.

Visbiežāk uz bāzes struktūru attiecas vairāki viena tipa resp. vienas sintaktiskās funkcijas parcelāti (sk. piemērus iepriekš). Iespējamas arī tādas parcelētas konstrukcijas, kurās ar bāzes struktūru vienlaikus tieši saistīti vairāki dažāda tipa resp. dažādas sintaktiskās funkcijas parcelāti. Šādi parcelāti var būt dažādas semantikas ārpuscentra komponenti, piemēram, (22a) Viņš palīdzēja mān (22b) Un arī maniem draugiem. (22c) Vienmēr. (22d) Visur. (23a) Pipvietā puīši kvērn un tērgā. (23b) Par šo un to, vispār -- par dzīvī. (23c) Garlāi koti, ja utri. Ulpēna I., Vuškāns J., 44. Šajos teksta fragmentos parcelāti (22b) (23b) ir ar objekta nozīmi, bet parcelāti (22e), (22d) un (23c) -- ar adverbiālu nozīmi.

Mūsdienu daļliteratūrā un publicistikā it bieži sastopams ir arī tāds sakarīga teksta veidojums, kurā starp bāzes struktūru un ar to konsituatīvi saistīto, bet strukturā un semantikā nepatstāvīgo komunikātu ir vēl kāds vai pat vairāki komunikāti. Šādi iestarpināti komunikāti visbiežāk ir struktū-

rā patstāvīgas teksta vienības. Teksta organizācija pie tam var būt ļoti dažāda.

Bāzes struktūru no komunikātiem, kas ar to saistīti, var šķirt viens vai vairāki a u t o r a t e k s t a komunikāti, piemēram, (24a) Vecais ir augstsirdīgs un netriumāš par gūto uzvaru. (24b) Jau atkal saulīte atplūkst platajā sejā. (24c) Smaida. (24d) Priecīgs tomēr, pagāns, ka ar delikāto štāba misiju viegli ticis galā un mani pielauzis, Samsons V., 36. komunikātos (24c) un (24d) nodalītie izteicēji smaida, priecīgs tāpat kā bāzes struktūras (24a) izteicēji augstsirdīgs un netriumāš attiecas uz bāzes struktūras teikuma priekšmetu vecais un kā vienas izteicēju virknes sastāvdaļas predikatīvi raksturo visiem komunikātiem k o p š j o un v i e n ī g o teikuma priekšmetu. Predikatīvā sakara turpinājums komunikātos (24c), (24d) tuvina šos komunikātus (predikatīvā sakara) parcelātiem, turpretim, distants novietojums (no komunikāta (24a) teikuma priekšmeta vecais izteicēja funkcijas komunikātus (24c), (24d) šķir patstāvīgas struktūras komunikāts (24b)) tiem piešķir lielu patstāvību.

Distantā novietojuma situācijas var būt ļoti dažādas. Starp bāzes struktūru un ar to saistītiem komunikātiem distanču var būt lielāka dialogā, ja viena runātāja teikto tieši vai netieši pārtrauc cits sarunas biedrs. Dialogā bez tam var būt iestarpināts arī autora teksts, piemēram, (25a) -- Krēslīgā teica, ka šobrīd lidriķis esot dūsmīgs.¹ (25b) -- ? (25c) Ziņkārīgs klusums, // (25d) -- Nevarot sagaidīt rindu uz auto. Ulpēna I., Vuškāns J., 44. Distanču starp motivētājkonstrukciju un ar to saistītiem komunikātiem var radīt teksta uzbūves pretēja situācija -- autora tekstu pārtrauc tieša runa vai leksējais monologs, piemēram, (26a) -- Lai visi batu tik istikuši kā mēs, -- (26b) viņš atkal iesaucās, skatīdamies uz lielekrāna televizoru, ko pa atvērtajām durvīm varēja redzēt otrā istabā. // (26c) Kāpēc es kļiedzu? (26d) Gribu dzirdēt savu balsi? (26e) Gribu sevi pārliecināt. (26f) Par ko? // (26g) Un aplūsa kā nokaunējies. Kolbergs A., 24, 28. lpp. Minētajā teksta fragmentā komunikāti (26c), (26d), (26e), (26f) leksējās runas formā turpina fragmenta pirmajā komunikātā (26a)

¹ // norāda uz rindkopu robežām.

tiešajā runā aizsākto monologisko izteikumu un šķir komunikāta (26g) izteicēju aplūsa no piebildes formā veidotā komunikāta (26b) teikuma priekšmeta višā.

Vēl citādu teksta veidošanas situāciju reprezentē šāda komunikātu virkne — (27a) Višā pārdos Lindas d z i v o k l i par tik un tik, kāzas izmaksās tik un tik, un tad par trīsistabu kooperatīvo dzīvokli būs atliots maksāt tik un tik. // (27b) Linda sarauca tumšās usacis. // (27c) Višas d z i v o k l i t i, kurā kādreiz aiz laimes ir skanējušas dziesmas un smieklis, kurā aiz bēdām ir bijušas asaras. (27d) Višas p a g ā t n i un a t m i p a s. Kūlis E., 25, 6. lpp. Šajā teksta fragmentā objekta nozīmes komunikātu (27c) dzi-
vokliti, kuram vēl pakārtoti divi palīgteikumi, un objekta nozīmes komunikātu (27d) pagātni un atmiņas (abi šie komuni-
kāti ir pirmajā komunikātā (27a) esošā verba pārdos pārvaldi-
ti, tāpat kā šajā komunikātā esošais objekta nozīmes kompo-
nents dzīvokli) no pirmā komunikāta formāli šķir patstāvīgas
struktūras komunikāts (27b). Komunikātu (27c), (27d) lielaku
patstāvību šajā teksta fragmentā nosaka ne tikai to distan-
tais novietojums, bet arī teksta īpatnā uzbūve. Arēji kā auto-
ra teksts gan pasniegti visi minētie fragmenta komunikāti, ta-
ču no saturā viedokļa tāds ir tikai komunikāts (27b). Komuni-
kāts (27a) un komunikāti (27c), (27d) iekšējās runas formā at-
veido divu dažādu personu domas. Jāpiebilst, ka pēdējais fak-
tors pats par sevi vēl nenosaka konsituatīvi saistīto komuni-
kātu patstāvību vai nepatstāvību. Īpaši dialogiskā tekstā sa-
runas partneri var pamīšus veidot vienu sintaktisku konstruk-
ciju, piemēram, (28a) Mikus. Nāks laiks — (28b) Ilze. Un atde-
stis man baltus m a t u s. (28c) Mikus. Varbūt arī baltas
diēnas. Blaumanis R., 8, 155. lpp. Pēdējā piemērā komuni-
kāti (28b) un (28c) ir komunikāta (28a) parcelāti un kopā ar
to kā bāzes struktūru ir viens sintaktiski strukturāls un arī
semantisks veselums.

Iepriekš minēto teksta fragmentu (24), (25), (26), (27) interpretācija izvirza teksta dinamiskās struktūras izpratnē un tād arī analizē vairākus principiālus jautājumus. Pirm-
kārt, vai tekstā distanti novietotās konsituatīvi saistītās,
t. i., strukturā un semantikā nepatstāvīgās konstrukcijas arī
var uzskatīt par parcelātiem. Otrkārt, kā parcelāciju ietek-

mē teksta organizācijas dažādi paņēmieni -- vēstījums autora teksta formā, vēstījums tiešās runas (vai tai līdzīgā) formā, kā arī dažādi šo vēstījuma formu kombinējumi.

No daiļliteratūras un arī publicistikas tekstu analīzes jāsecina, ka parcelācijai tipisks ir parcelātu un bāzes struktūru kontakts novietojums, kā arī parcelācijas liekojums pārsvarā autora teksta vai arī tādā tiešajā runā, kas kā monoloģisks vēstījums pamatos līdzinās autora tekstam. Tomēr tieši mūsdienu daiļliteratūras un arī publicistikas teksti liecina, ka no šīm, ja tā varētu teikt, parcelācijas "klasiskajām" formām, ir arī dažādas atkāpes. Tam ir vairāki iemesli. Pats galvenais no tiem ir valodas runas formas organizācijas paņēmienu arvien lielāks iesaistījums t. s. autora teksta, citiem vārdiem, valodas runas formas "stilistikas" ietekme uz valodas rakstu formās "stilistiku". Šo ietekmju veidi vēl vispusīgi pētījami gan lingvistiskā, gan arī stilistiskā aspektā.

Konstitūtiīvi saistītas konstrukcijas atvirzījumu no bāzes struktūras autora tekstā var noscīt tāda strukturā patstāvīga komunikāta iestarpinājums, kas satur a ziņā ir kāda atkāpe no bāzes strukturā teiktā vai - tieši otrādi - kāds papildu paskaidrojums tam saturam, kas ietverts bāzes strukturā (sk. iepriekš (24b)). Šāds teksta veidošanas paņmiens pazīstams ar nosaukumu p a r e n t ē z e (sal., 10, 191.lpp.). Parentētiska parasti gan ir tāda konstrukcija, kas ir iekļauta kādā citā konstrukcijā (sal. 10, 191.lpp. - Schaltsatz), t. i., nav izdalīta patstāvīgā teksta segmentā. Taču parentētiska funkcija tekstā var būt arī patstāvīgam komunikātam. Atkarībā no teksta autora individuālā stila vienu un to pašu saturu var izteikt gan formāli nošķirtos komunikātos, gan arī šo atsevišķo komunikātu apvienojumā vienā konstrukcijā.

Tātad autora teksta parcelātu distantu novietojumu var sekmēt starp bāzes struktūru un parcelātu ievietota parentētiska konstrukcija (vai konstrukcijas). Šādu teksta veidošanas paņēmienu ilustrē teksta fragments (24).

Tiešajā runā, īpaši saziņas dialogiskajā formā, parcelātu distanto novietojumu var noteikt tāda sarunas situācija, kād sarunas partnera (vai partneru) reakcijas dēļ aizsāko konstrukciju iespējams turpināt tikai pēc lielākas vai mazākas atstarpes. Sarunas partneru reakcija var izpausties ne tikai vārdos,

t. i., valodiski, bet arī ar žestiem, mimiku u. tml. Teksta fragmentā (25) šī "nevalodiska" reakcija (25b) atveidota ar jautājuma zīmi. Šis pats teksta fragments (25) rāda vēl kādu citu rakstīta teksta īpatnību. Dialogu var pārtraukt autora teksts, kas pašķaidro, komentē tiešajā runā teikto. Teksta fragmentā (25) šāds runas situācijas raksturojums dots komunikātā (25e).

Teksta fragmentā (26) piebilces sākumu (26b), kas reprezentē autora tekstu, no piebilces beigām (26g), kas arī reprezentē autora tekstu, šķir parentētisks attēlotās personas iekšējais monologs, kurš teksta izdalīts atsevišķā rindkopā. Parentētiskās konstrukcijas gan tekstuali (trīs patstāvīgi komunikāti), gan grafiski (parentētisko konstrukciju izdalījums atsevišķā rindkopā) attālina un norobežo konsituitīvi saistīto komunikātu (26g) no tā bāzes struktūras (26b), tomēr starp tiem nezūd gramatiski formālais sakars (komunikāta (26g) isteicējs ir predikatīvi t i e š i saistīts ar bāzes struktūras (26b) teikuma priekšmetu), saturiskais sakars (viena darbības veicēja viņš divas dažādas secīgas darbības) un arī teksta kompozicionālais sakars (piebilces turpinājums autora teksta formā). Tieši tādēļ arī komunikātu (26g) ir pamats uzskatīt par (predikatīvā sakara) parcelātu.

Teksta fragmentiem (24), (25), (26) kopīgs ir tas, ka neatkarīgi no parcelātu distantā novietojuma formāli dažādi organizētā tekstā tie ir attiecīgās bāzes struktūras gramatisks un semantisks turpinājums, tātad ir piederīgi pie šīs bāzes struktūras un kopā ar to veido v i e n u (statisku) t e i k u m a s t r u k t ū r u .

Kā redzams no iepriekš aplūkotajiem parcelācijas gadījumiem, ir šķirami divi parcelācijas veidi — k o n t a k t ā un d i s t a n t ā p a r c e l ā c i j a . Distantās parcelācijas iespējas raksturotas ar dažiem tipiskākajiem sakarīga teksta veidošanas paņēmieniem. Distantās parcelācijas situāciju pilnīgas tipoloģijas izveidošana ir turpmāko latviešu valodas sintakses pētījumu uzdevums. Šādi pētījumi ir nepieņemami ne tikai tādēļ, lai labāk izprastu parcelācijas strukturāli semantiskās iespējas un pozicionālos nosacījumus tekstā, bet arī tādēļ, lai atklātu sakarīga teksta veidošanas paņēmienų attīstību.

No teksta fragmentiem (24), (25), (26) atšķirīga teksta organizācija ir teksta fragmentā (27).

Arī tajā komunikāti ir strukturāli atkarīgi no bāzes struktūras un it kā to turpina. Tomēr no teksta organizācijas viadokļa (divu dašādu personu iekšēja monologa formā atveidotās domas) šis "turpinājums" ir vairāk noskaidrots un tādēļ patstāvīgāks. Līdz ar to komunikāts (27a) ir netieša bāzes struktūra komunikātiem (27c) un (27d).

Šādu netiešu bāzes struktūru, kas saistīta ar teksta izveidi galvenokārt tikai pamato ar to strukturāli un semantiski saistīto komunikātu (vai komunikātus), būtu lietderīgi saukt par **motivētājs** struktūru. Terminoloģiski un jēdzieniski motivētājstruktūra būtu šķirama no bāzes struktūras, kas kopā ar tās parcelātiem veido vienotu strukturālu un semantisku veselumu -- vienkāršu vai saliktu teikumu. Motivētājstruktūra un ar to konsituatīvi saistītie komunikāti turpretim vienotu sintaktisko konstrukciju (vienkāršu vai saliktu teikumu) neveido. Tā kā konsituatīvi saistītie komunikāti šādos gadījumos nav motivētājstruktūras tieša konstruktīva sastāvdaļa, tos nevar kvalificēt par parcelātiem. Tie ir dinamiskās sintakses īpašas strukturālas vienības -- **reducētās konstrukcijas**. Konsituācijas ietekmē šādu komunikātu strukturā nav atkārtoti resp. ir reducēti kādi to "pilnai" strukturāli raksturīgi komponenti. Reducētās konstrukcijas tātad ir **struktūras nepilnas konstrukcijas**.

Reducēto konstrukciju atzišana par strukturāli nepilnām tomēr nenozīmē to pielīdzināšanu nepilniem teikumiem tradicionālās sintakses izpratnē. Reducētās konstrukcijas kā dinamiskās sintakses konstruktīvas vienības nereprezentē īpašu statiskās sintakses teikumu strukturālo tipu. Reducētās konstrukcijas līdzīgi parcelātiem (tikai citā veidā) pārstāv teikuma, statiskās struktūras dažādus pārveidojumus konsituācijas ietekmē, komunikātu kā dinamiskās sintakses vienību savdabīgu savstarpējās saistīšanas paņēmienus. Tātad reducētās konstrukcijas ir nepilnas ne tādā nozīmē, ka tās būtu kādā veidā papildināmas ar "trūkstošiem" strukturāli komponentiem vai arī ka šie komponenti būtu piedomājami. Reducētās konstrukcijas ir nepilnas tikai tajā ziņā, ka noteiktā distribūcijā to sastāvā **nav**

n e p i e c i e š a m i visi atbilstošas teikuma statistiskās struktūras komponenti.

Viens no reducēto konstrukciju strukturālās tipoloģijas resp. klasifikācijas principiem varētu būt reducētās konstrukcijas strukturāli semantiskā funkcija. Šādā aspektā būtu šķiramas predikatīvās funkcijas, objekta funkcijas, adverbialās funkcijas utt. reducētās konstrukcijas. Ja redukcija ir kādā salikta teikuma komponentā, reducēto konstrukciju sistematizācijā jānorāda gan uz reducēto locekli (vai locekļiem), gan uz saliktā teikuma komponenta tipu (salikta sakārtota teikuma komponents, virsteikums vai palīgteikums saliktā pakārtotā teikumā), kurā redukcija konstatēta. Tāpat kā parcelātu tipoloģijā, arī reducēto konstrukciju tipoloģijā bez tam ievērojams motivētājstruktūru tips (vienkāršs vai salikts teikums), reducēto konstrukciju kontaktais vai distantais novietojums, lietojums autora stāstījumā, personāža monoloģiskā vai dialogiskā runā. Šeit minēti tikai daži paši vispārīgākie iedalījuma un raksturojuma aspekti, galvenokārt tie, kas attiecas uz reducēto konstrukciju struktūru un distributīvo vidi. Ne mazāk svarīga ir šo konstrukciju semantikas interpretācija un vēl citi aspekti. Tie apcerami īpašā pētījumā.

Ģen fermas ziņā, gan ar strukturālo un semantisko saikni ar motivētājstruktūru reducētās konstrukcijas dažkārt atgādina parcelātus, tādēļ ne vienmēr no pēdējiem ir viegli nošķiramas. Bez tam starp abiem šiem konsituatīvi saistīto konstrukciju tipiem ir robežgadījumi. Arī iepriekš analizētais teksta fragments (27) reprezentē vienu no šādiem robežgadījumiem. Reducēto un parcelēto konstrukciju norobežošanas principi un kritēriji turpmākajos latviešu valodas teksta sintakses pētījumos ir precizējami. Šajā rakstā mēģināts izteikt tikai dažus apsvērumus. Kā redzams no iepriekš analizētajiem teksta fragmentiem (24), (25), (26), konsituatīvi saistīto komunikātu distantais novietojums, arī teksta organizācijas atšķirīgi pagēmieni -- autora teksta, tiešā runa, to dažāds apvienojums -- gan rada zināmus priekšnoteikumus parcelēto un reducēto konstrukciju nošķiršanai, tomēr ne viens no šiem faktoriem pats par sevi, nedz arī visi šie faktori kopā neveido noteiktu šķirtni starp parcelētām un reducētām konstrukcijām. Tātad šo konstrukciju atšķiršanai meklējamas vēl arī kādas citas pazīmes.

Viena no šādām pazīmēm, pēc šī raksta autora domām, ir motivētājstruktūras un ar to konsituatīvi saistītā komunikāta komunikatīvā plāna atšķirība, proti, motivētājstruktūras un ar to saistītā komunikāta piederība pie dažādiem komunikatīvi funkcionālajiem tipiem. Motivētājstruktūra šādos konsituatīvos saistījumos bieži ir jā u t ā j u m a formā, bet no motivētājstruktūras atkarīgais komunikāts — s t ā s t i j u m a formā. Iespējama ir arī pretēja situācija. Daži piemēri ilustrācijai:

(29a) — Saki — ko viņa darīs musmājas?// (29b) — Dzīvos.
(29c) Spēlēs klavieres. (29d) Ielīks puķes vāzēs. Indrane I., 21, 38.lpp. (komunikātos (29b) — (29d) ir reducēts teikuma priekšmets, kas šiem komunikātiem ir kopējs ar motivētājstruktūras (29a) teikuma priekšmetu viņa); (30a) Kas palika pāri? (30b). Saja garša mutē, neatgustama zaudējuma izjūta. Lāms V., 26, 104.lpp. (komunikātā (30b) pie tā abiem teikuma priekšmetiem ir reducēts ar motivētājstruktūru (30a) kopējais izteicējs palika); (31a); -- Ar tu bijī aizklīntis?// (31b) -- Varīšanās, — (...) ¹ Niedre J., 31., 17.lpp. (komunikātā (31b) ir reducēts ar motivētājstruktūru kopējais gramatiskais centrs tu bijī aizklīntis); (32a) — Nepieciešamas jaunas noliktavas, bet celtniekam tas ir neietilpīgs objekts. // (32b) — Kāda ziņa neietilpīga? Niedre J., 31, 23.lpp. (jautājuma formā izteiktajā komunikātā (32b) ir atkārtots motivētājstruktūras (32a) atributs, bet reducēti visi pārējie motivētājstruktūras otras daļas komponenti); (33a) — Romualds tos pīrīt redzēja starta laukumā.// (33b) — Ko tad? Niedre J., 31, 24.lpp. (arī šeit jautājuma formas komunikāts seko aiz stāstījuma formas motivētājstruktūras; komunikātā (33b) paturēts objekta nozīmes komponents, jo ar to jautā pēc motivētājstruktūras objekta nozīmes komponenta saturā, visi pārējie motivētājstruktūras komponenti ir reducēti).

Ilustrācijai izraudzīti piemēri no tiešās runas, dialoga, jo tieši šāda saziņa sekmē komunikatīvā plāna maiņu motivētājstruktūrā un no tas atkarīgajā komunikātā. Kā redzams no teksta fragmenta (30), komunikatīvā plāna maiņa ir iespējama arī autora tekstā, īpaši tad, ja tā iekšējā uzbūve ir līdzīga dia-

¹(...) norāda, ka tekstā vēl seko piebilde.

logam. Aplūkotajos teksta fragmentos reprezentēts viens no biežāk sastopamajiem gadījumiem — motivētājstruktūras un no tās atkarīgā komunikāta kontakts novietojums. Lūsdienū daļ-literatūrā un arī publicistikā arvien biežāk lieto tādus aplūkotā tipa konstitūtiīvus saistījumus, kuros atkarīgais komunikāts ir distāntā novietojuma, piemēram, (34a) Kā dzimst šādi meistari? (34b) Vai mātes bīdmērus pagalvi likušas? (34c) kur viņām bija tos gēmt! (34d) Bērība, vecāki? (34e) Noteikti godājamu cilvēku bērni. (34f) Taču ne no dzeguzes olas nākuši. Ulpēna I., Vuškāns J., 44. Šajā teksta fragmentā komunikāti (34e) un (34f) ar to sastāvā esošajiem komponentiem bērni un nākuši predikatīvi raksturo motivētājstruktūras (34a) teikuma priekšmetu meistari, lai gan motivētājstruktūru no tās atkarīgajiem komunikātiem šķir trīs citi komunikāti, no kuriem vismaz divi (34b) un (34c) strukturāli ar motivētājstruktūru nav saistīti.

Dialogā relatīvu patstāvību iegūst ne tikai komunikatīvā plāna ziņā atšķirīgas partneru repblikas, bet arī vienādas komunikatīvās ievirzes replikas, īpaši tādas, kas ir izteiktas jautājuma formā. Ilustrācijai minēsim teksta fragmentu, kurā vairākas viena runas partnera jautājuma formā izteiktas replikas kā reducētās konstrukcijas mijas ar otra runas partnera replikām kā reducētām konstrukcijām stāstījuma formā. Dialogu pārtrauc divi autora teksta parentētiski komunikāti. (35a) — Tā mācies? // (35b) — Jā. // (35c) — Kur? // (35d) — Universitātē. (35e) Ķīmijas fakultātē. // (35f) Tā bija tieši tā fakultāte, kurā es gribēju iestāties. (35g) Mēldros pēras meža pilēs. // (35h) — Un kādā kursā? // (35i) — Tagad piektajā. Kļavis A., 23, 9. lpp. Komunikāti (35c), (35d), (35e), (35h), (35i) ar motivētājstruktūru (35a) ir saistīti gan strukturāli, gan semantiski. Strukturālā atkarība izpaužas tā, ka motivētājstruktūras (35a) verbe mācies kā verbālās vārdkopas centrālais komponents nosaka ar to pieklāvuma sakarā esošos komponentu kur un tagad un vājā pārvaldījuma sakarā esošos komponentus universitātē, fakultātē, kursā. Visi šie komponenti arī semantiski (pirmie četri — lokāli, piektais — temporāli) raksturo to pašu verbu mācies. Komunikāts (35i) bez tam strukturāli un semantiski ir saistīts arī ar komunikātu (35h) — kursā - piektajā.

Iepriekš aplūkotās reducētās konstrukcijas galvenokārt raksturīgas dialogam vai tam saturā tuvam saziņas veidam. Tālāk minams reducētu konstrukciju tips, kas var būt vienādi raksturīgs gan tiešajai runai, īpaši dialogam, gan autora tekstam. Tās ir reducētās konstrukcijas, kam ar motivētājstruktūru ir natiēša, transformējams struktūras un semantiska sakars. Šādu konstrukciju vidū vistipiskākās ir konstrukcijas ar natiēšu predikatīvo sakaru. Par natiēšu šis sakars saucams tādēļ, ka potenciālais otrs predikatīvā sakara komponents (visbiežāk teikuma priekšmets) motivētājstruktūrā reprezentēts vai nu kā citādas formas teikuma priekšmets, vai arī kā kāds ārpuscentra komponents, citiem vārdiem, predikatīvais sakars starp motivētājstruktūru un no tās atkarīgo komunikātu realizējas tikai attiecīga motivētājstruktūras komponenta formāla pārveidojuma jeb transformācijas ceļā. Tiešā tādēļ šādu motivētājstruktūras un no tās atkarīgā komponenta saistījumu var saukt arī par transformējamu predikatīvo sakaru. Transformējams predikatīvais sakars var būt gan kontakts, gan distants. Daži piemēri ilustrācijai:

(36a) Bet viņas tur vairs nav. (36b) Droši vien iejukusi dejojāju pulkā. Niedre J., 31, 131.lpp. (komunikāta (36a) teikuma priekšmets viņas komunikāta (36b) ir transformējams par viņa resp. konstrukcijā (36b) iespējamais TP₁ ir konstrukcijas (36a) TP₂ vieta); (37a) — Viņam nabadziņam laikam gribas ēst. // (37b) — Tad ir labi. (37c) Tad dzīvos. Indrāne I., 21, 89.lpp. (komunikāta (37a) TP₃ vieta komunikāta (37c) ir iespējams tikai TP₁); (38a) Zupuriene izvelk Balto dārzā pie stalliem — labi tālu no mājas. (38b) Lei nevaukš!, lai netraucē jaunajai saimniecei izgulēties. Indrāne I., 22, 35.lpp. (komunikāta (38b) iespējamais TP₁ transformējams no komunikāta (38a) objekta nozīmes ārpuscentra komponenta Balto); (39a) Lukjanova brīgādi Andrejs Jurjevičs personīgi aprūpē. (39b) Iriecienbrigāde! (39c) Celtniecības pārvaldes slava. (39d) Avižu un goda dēļu varoņi. Niedre J., 31, 215.lpp. (komunikātos (39b), (39c) un (39d) iespējamais TP₁ arī transformējams no komunikāta (39a) objekta nozīmes ārpuscentra komponenta — brīgādi). Ir arī vēl citi transformējamo predikatīvo sakaru veidi. (par dažiem no tiem sk. Kārklis J., 8, 454.-

455.lpp.; sk. arī Upeniece A., 16, 30.-42.lpp.; Docīte V., 2, 55.-67.lpp.; minētajos darbos reducētās konstrukcijas vēl nav šķirtas no parcelācijas).

Reducētajām līdzīgas ir arī tādas konstrukcijas, kurām predikatīvais sakars ir nevis ar kādu atsevišķu komponentu motivētājstrukturā, bet arī visu motivētājstruktūru kopumā. Visbiežāk šādu konstrukciju sastāvā ir substantīvs nominatīvā vai substantīva vārdkopa, retāk adverbs vai adverba vārdkopa. Šādi substantīvu nominatīvi resp. to grupas, arī adverbī resp. to grupas predikatīvās saiknes dēļ ar kādu konteksta konstrukciju vai konstrukcijām būtu dēvējami par p r e d i k ā t a n o m i n a t ī v i e m resp. p r e d i k ā t a a d v e r b i e m un nebūtu kvalificējami par vienkopas teikumiem (sal. 14, 493. lpp.). Daži piemēri ilustrācijai:

(40a) Skrīveros kādreiz arī palika vienmuļīgi un reizu reizēm iznāca satīkties un pasēdēt ar skrīveriešu plēguriem.
(40b) Velti pavadīts laiks, Upīts A., 46, 7.lpp.; (41a) Velti vien es mēģināju sev un arī Tev iestāstīt, ka tikpat jau ar cilvēkiem jāsaietas un ka arī tur var šo un to interesantu novērot un piedzīvot. (41b) Tukša cerība! Upīts A., 46, 7.lpp.; (42a) Salīkuši dekseletāji kā pūsvāzti naži, katrs savu skaitu palikšanu ligzdu nolīdzinājuši, cits par citu neatvairāmi lien uz priekšu. (42b) Ists sacensības gājienis. Caune A., 12, 14.lpp.

Motivētājstruktūra var būt gan vienkāršs teikums (sal. (42a)), gan salikts sakārtots vai salikts pakārtots teikums (sal. (40a), (41a)).

Predikatīvi lietotajās konstrukcijās parasti ir izteikts kāds raksturojums, arī vispārinājums par motivētājstrukturā ietvertu saturu kopumā. Šis raksturojums vai vispārinājums bieži ir emocionāli un ekspresīvi piesatināts, tādēļ nepeti ir ietverts izsaukuma konstrukcijā. Raksturojuma semantika tās predikatīvās konstrukcijas, kuru sastāvā ir substantīva nominatīvs, atšķir no gramatiskajā formā līdzīgajiem t. s. potenciāli verbālajiem teikumiem (par tiem sk. Kārkliņš J., 7, 49.-52. lpp.), kurus arī veido substantīvs nominatīvā, bet kuriem atkarībā no to formālā un arī leksiskā sastāva ir eksistenciāla vai situatīva nozīme (sal., piemēram, (43) Vēl agrs rits. Rihters O., 35, 5.lpp.; (44) Aiz upes slaidis egļu mežs. Rihters O., 35, 92.lpp. — konstrukcija (43) ir ar eksistenciālu, bet

konstrukcija (44) ar situatīvu nozīmi). Šādu konstrukciju eksistenciālo resp. situatīvo nozīmi lielā mērā nosaka to sastāvā esošo substantīvu semantika (tie ir substantīvi, kas nozīmē -- vārda plašā nozīmē -- dažādus eksistenciālus nojēgumus) un arī paplašinājumu raksturs un semantika (piemēram, situatīva nozīme var realizēties konstrukcijas ar lokālas nozīmes paplašinātāju). Predikatīvas konstrukcijas un potenciāli verbālos teikumus bez tam šķir arī to sintagmātikas un paradigmatiskās iespējas. Potenciāli verbālie teikumi ir teikumi bez izteicēja un reprezentē verbālu vienkāršu teikumu struktūras shēmas $N_1 - V_f$ ^{eks./sit.} _{but} nepilnu realizāciju N_1 . Tiem var būt paralēlas konstrukcijas ar eksplīcitu eksistenciālas vai situatīvas nozīmes verbu but izteicēja funkcijā (sal. (43) Vēl agrs rits) un (43a) Vēl ir agrs rits; (44) Aiz upes slāids egļu mežs un (44a) Aiz upes ir slāids egļu mežs). Šo teikumu divējādā sintagmātikā struktūra (ar eksplīcitu vai implīcitu verbu but) parasti (vismaz tagadnes izteikšanai) ir konsituatīvi neatkarīga. Reducētās predikatīvas konstrukcijas sintagmātikiski vienmēr ir atkarīgas no konteksta konstrukcijas. Tajās nemēdz būt eksplīcits (saiņņas funkcijas) verbs. Potenciāli verbālie teikumi bez tam ir tikai viena no attiecīgās verbālu teikumu struktūras paradigmas formām (sal. (44) Aiz upes ir (bija, būs, ir bijis, bija bijis, būs bijis) egļu mežs). Šādu paradigmatisku iespēju nav reducētajām predikatīvajām vienībām.

Reducēto predikatīvo konstrukciju un potenciāli verbālo teikumu salīdzinājums ir uzskatāms piemērs tam, ka konstrukciju morfoloģiskais sastāvs vien (abās salīdzinātajās konstrukcijās to predikatīvo kodolu veido substantīva nominatīvs) ir nepietiekama pazīme konstrukcijas strukturālā tipa noteikšanai. Butiski svarīga ir arī konstrukcijas semantika un konteksta ietekmēta vai neietekmēta komunikatīvā funkcija.

Jāpiebilst, ka reducētās predikatīvas konstrukcijas iz ^o nošķiramas ne tikai no potenciāli verbālajiem teikumiem, bet arī no t. s. tēmas jeb p r i e k š s t a t a n o m i n a t ī v i e m (par tiem sk. Karkliņš J., 7, 72.-74.lpp., Karkliņš J., 8, 449.-450.lpp.).

Musdienu daļliteratūrā un arī publicistikā aizvien plašāku lietojumu gūst tāds teksta sintaktisks veidojums, kurā pa-

aišus ir iesaistīti parcelāti (kontakta un distanta novietojumā) un arī dažādas reducētas konstrukcijas (to motivētājstruktūra bieži vien ir distanta novietojumā), pie tam autora teksts mijas ar dialoga replikām. Šādu kombinētu sintaktisku pagāmienu lietošanai teksta veidošanā ir ļoti plašas iespējas. Latviešu sintakse tas vēl ir nepētītas. Ilustrācijai viens piemērs no kāda apraksta:

(45a) Vīri cenā spriež. (45b) Par vienu: // (45c) -- Dug
lietas koks // (45d) Par otru: // (45e) -- Nopelnīt grib. (45f)
Strādā. (45g) Bet sirds nav klāt. (45h) Āriena pamas. (45i)
Aizies d'neņatā un neatpriežisies. // (45j) -- Paldies die-
vam. (45k) Varbūt doferis vai celnieks innaks? // (45 l) --
Žēl valsts naudas, tērētā laika. // (45 m) -- Dabiskai atlasēi
jābūt... (45n) Zudumiem. // (45p) Par trašoi: // (45r) -- Nav cil-
vēka. // (45s) -- Un nebūs. Ulpēns I., Vuškans J., 44.

Šajā teksta fragmentā komunikāti (45b), (45d), (45p) ir bāzes struktūras (45a) objekta nosīmes parcelāti. Tos nosaka (pārvalda) bāzes struktūras verbe spriež. Komunikāti (45c), (45e), (45f), (45i) ir reducētas konstrukcijas un transformējamā predikatīvā sakarā attiecas uz atbilstošiem objekta nosīmes parcelātiem (45b) un (45d). Komunikāti (45g) un (45h) formāli ir patstāvīgas konstrukcijas un pārstāv katra citu adverbialu divkopu teikumu struktūras shēmu. Semantiski ar kontekstu šos komunikātus vieno reducēts sekundārs subjekts datīvā -- viņam. Komunikāts (45k), tāpat kā komunikāti (45e), (45f), (45i), ir transformējamā predikatīvā sakarā ar komunikātu (45d). Komunikāti (45l), (45m), (45n) komentē, vērtē iepriekšējos komunikātos teikto. Strukturā tie ir dažādi -- komunikāts (45 l) ir nepilnas struktūras adverbials teikums (struktūras shēmas N_3 -Adv_{pred} nepilna realizācija), komunikāts (45m) - pilnas struktūras verbāls teikums (struktūras shēmas $N_{1/3}$ -Vf_{tot} viena paradigmas forma), bet komunikāts (45n) -- šī paša teikuma predikatīvā sakara parcelāts (parcelēts TP₃). Komunikāti (45r) un (45s) ir reducētas predikatīvas konstrukcijas un transformējamā predikatīvā sakarā attiecas uz parcelēto komunikātu (45p).

Mūsdienu daļliteratūrā arvien biežāk ir sastopama arī tāda kontekstu la reducēja, kuras rezultātā saliktā teikumā ārpuskonstrukcijas kontakta ietekmē netiek atkārtots kāds ar

motivētājstruktūru kopējs teikuma loceklis. Visai bieži tāda neatkārtots kopējs loceklis ir TP. Daži piemēri ilustrācijai:

(46a) Sevišķi apmierināts Vagoliņš. (46b) Viņš neticēja, ka var vēl izturēt tādu piepuli. (46c) Diez kādas būs sekas, bet pašreiz, pamatīgi izsvīdis, jūtas atvieglots. Caune A., 12, 10.lpp.; (47a) Vagoliņam vakarā sap rokas, dauzās sirds, naktī pamostas gluži nosvīdis. (47b) Skaidrākās — pirmās tri dienas, vēlāk pierod. Caune A., 12, 10.lpp.

Teksta fragmentā (46) pie izteicēja jūtas atvieglots komunikātā (46 e) (pēc uzbūves tas ir salikts sakārtots teikums) reducēts ir TP viņš, jo tas ir kopējs ar iepriekšējā komunikāta (46b) teikuma priekšmetu. Šajā teksta fragmentā bez tam reducēts ir arī TP komunikātā (46b), jo virsteikuma un palīgteikuma izteicējiem savukārt ir kopējs teikuma priekšmets. Šāda redukcija, ko nosaka paša saliktā teikuma mikrokonteksts, ir visai izplatīta saliktos pakārtotos teikumos. Reducēti var būt ne tikai gramatiskā centra, bet arī ārpuscentra locekļi. Par redukciju saliktos pakārtotos teikumos rakstījis M.Mose (Moze M., 13.) un diplomdarbā arī A.Elmere (Elmere A., 3.). Teksta fragmentā (47) reducēts ir komunikātā (47b) izteicēja pierod TP viņš resp. Vagoliņš. Šāda redukcija ir iespējama tādēļ, ka izteicējam pierod ir transformējams predikatīvais sakars ar komunikāta (47a) sekundāro TP₃ — Vagoliņam. Arī šajā teksta fragmentā ir vēl otra, paša saliktā teikuma mikrokonteksta nosacīta redukcija — salikta sakārtota teikuma formā veidotā komunikāta (47a) trešā komponenta izteicējam pamostas nav eksplīcīta TP; izteicējam pamostas ir transformējams predikatīvais sakars ar šī paša komunikāta pirmā komponenta sekundāro TP₃ — Vagoliņam. Pēdējais teksta fragments ir raksturīgs ar to, ka tajā konstatējama teikuma locekļa redukcija arī saliktā sakārtotā teikumā.

Redukcija līdzās parcelācijai ir visai plaši izplatīts parādīšanās sakarīga teksta veidošanā mūsdienu latviešu literārajā valodā, īpaši daļlīteratūrā un publicistikā. Šajā rakstā pievērsta uzmanība tikai dažiem šādu konstrukciju tipiem un akcentēta nepieciešamība no parcelācijas šķirt reduciju kā īpašu konteksta sintakses parādību. Gan redukcijas, gan parcelācijas veidu strukturālās tipoloģijas izstrādāšana, arī šo konstrukciju stilistisko funkciju skaidrošana ir turpmāko

latviešu valodas konteksta sintakses un funkcionālās stilistikas pētīšanas uzdevums.

2.0. Dažas konsituatīvi saistītu konstrukciju lietošanas tendences mūsdienu latviešu literārajā valodā. Uz pašām ziņīgākajām tendencēm un to cēloņiem jau norādīts iepriekš. Pilnīgāku ieskatu konsituatīvi saistīto konstrukciju attīstības virzienos būs iespējams dot tad, kad būs vispusīgi izpētīti ne vien latviešu literārās valodas visi posmi, bet arī tās dažādie stili. Raksta autora rīcībā ir ziņas galvenokārt par daiļliteratūru, īpaši par prozu, pie tam vairāk par latviešu literārās valodas jaunāko posmu, mazāk par tās agrākajiem periodiem. Tomēr arī no jau apkopotā materiāla var izdarīt dažus, kaut pagaidām tikai provizoriskus secinājumus.

Pirmkārt, ir vērojama tendence, ka daiļliteratūrā (protā) konsituatīvi saistītas konstrukcijas visvairāk lieto vidējās un jo sevišķi jaunākās paaudzes rakstnieki. Salīdzināšanai lai noder šādi skaitļi (procentos norādīts konsituatīvi saistīto konstrukciju lietojums 1000 teksta vienību lielās izlasēs):

Āpsīšu Jēkabs (1)	- 1,6%
V.Brutāne (11)	- 1,7%
Aspazija (2)	- 1,8%
A.Bels (6)	- 3,3%
A.Saulietis (38)	- 5%
E.Birznieks-Upītis(7)	- 5%
A.Bels (5)	- 6,1%
Z.Grīva (19)	- 7,4%
J.Kauliņš (30)	- 8%
B.Saulītis (37)	- 8,1%
Z.Skujiņš (39)	- 9,5%
C.Ēinere (15)	- 9,7%
A.Upītis (45)	- 9,8%
J.Rasa (34)	- 10%
H.Galiņš (18)	- 10,1%
A.Brigadere (10)	- 11%
A.Stankēvičs (43)	- 12%
Z.Grīva (20)	- 12,7%
R.Ēzera (17)	- 13%
J.Niedre (32)	- 14,5%

I. Lubējs (28)	- 14,5%
D. Avotiņa (3)	- 16,5%
L. Brīdaka (9)	- 17,7%
G. Cirulis (13)	- 18,4%
T. Vaidars (47)	- 19%
I. Indrāne (21)	- 20,9%

Iepriekš minētie skaitļi rāda konsituatīvi saistīto konstrukciju lietošanas pieaugumu sešdesmitajos un 70. gados septiņdesmitajos gados. Caur daļlīteratūras prizmu ir iespējams vērot vispārīgas latviešu literārās valodas sintakses attīstības tendences. Piemēram, ka izriet no analizēta materiāla, šīm tendencēm aizsākumi meklējami jau šī gadsimta pirmajā pusē. Tā, piemēram, A. Brigāderes "Trilogija" (1000 teksta vārdi) konstatēts 11% konsituatīvi saistītu konstrukciju (Brigādere A., 10). Ļoti daudz konsituatīvi saistītu konstrukciju lieto J. Nidre. Viņu nevaram pieskatīt ne pie vidējās, ne jaunākās paaudzes rakstniekiem. Piemēram, J. Nidre romānā "Katrs ar savu laimi dzimst" (Nidre J., 32) konstatēts 14,5% konsituatīvi saistītu konstrukciju. Visai daudz šādu konstrukciju lietojis arī latviešu prozas lielmeistars A. Upīts. Viņa darbā "Sīnu ciema zēni" (Upīts A., 45) atrodams 9,8% konsituatīvi saistītu konstrukciju. Savukārt ir ne mazums rakstnieku, kuri parstāv vidējo vai pat jaunāko paaudzi un kuru darbos konsituatīvi saistīto konstrukciju ir pamaz. Tā, piemēram, A. Bēla romānā "Izmeklētājs" (Bēls A., 5) ir tikai 6,1% konsituatīvi saistītu konstrukciju, bet darbā "Es pats līdzināmu" (Bēls A., 6) tikai 3,3% šādu konstrukciju. Ne visai šādas konstrukcijas iecienījis M. Birze (viņa "Smilšu pulksteņi" ir tikai 4,6% konsituatīvi saistītu konstrukciju), maz tās lietojusi V. Brutāne (viņas darbā "Uz Ligatni brauciet man līdz" - Brutāne V., 11 - ir tikai 1,7% konsituatīvi saistītu konstrukciju). Varētu minēt vēl citus līdzīgus piemērus. No teiktā izriet nākamais secinājums.

Otrkārt, konsituatīvi saistīto konstrukciju īpatsvaru tekstā nosaka ne tikai literārās valodas attīstības vispārīgās tendences, bet arī katra rakstnieka individuālais stils. Atkarībā no katra darba specifikas konsituatīvi saistīto konstrukciju lietojuma biežums var būt vairāk vai mazāk atšķirīgs arī viena rakstnieka daļradē. Tā, piemēram,

2. Grīva, kas visumā iecienījis konsituatīvi saistītas konstrukcijas, tās neizmanto vienādi plaši visos darbos. Darbā "Dzūngļu upe Mellakore" (Grīva 2., 19) konstatēts 7,4% konsituatīvi saistītu konstrukciju, turpretim darbā "Cilvēks gaida rītu" (Grīva 2., 20) — 12,7%, t. i., turpat divreiz vairāk. Tātad ir nepieciešams no sintakses viedokļa pētīt rakstnieku individuālo stilu, tā attīstības tendences gan uz literārās valodas attīstības vispārīgā fona, gan saistījumā ar atsevišķu darbu saturu, stāstījuma veidu, darba adresātu un citām īpatnībām. Šāds rakstnieku individuāla stila izvērtējums sintakses aspektā ir turpmāko pētījumu uzdevums.

Treškārt, par literārās valodas attīstības vispārīgu tendenci atzīstama arvien plašāka konsituatīvi saistīto konstrukciju lietošana tieši autora tekstā. Autora tekstu parasti pretstata personāža runai resp. domas izteikumam tiešas runas forma. Personāža runa var būt monologiska, bet visbiežāk ir dialogiska. L. Ceplītis, kurš konsituatīvi saistīto konstrukciju pētīšanai pievērsies bezkopas teikumu aspektā, norādījis, ka bezkopas konstrukcijas vairumā lietotas autora stāstījumā un monologā (ap 60%), bet mazāk dialogā (ap 40% — sal. Ceplītis L., 1, 164. lpp.) un, tāpēc "nedrīkstētu pārāk uzvērt bezkopas konstrukcijas kā specifisku dialoga sintakses īpatnību" (turpat, 164. lpp.). Šādu L. Ceplīša spriedumu apstiprina arī šī raksta autora izdarītie pētījumi, tomēr par dialogu teikto nevar vienādi attiecināt uz personāža runu kopumā. L. Ceplīša apkopotais materiāls (izmantotam tikai viņa datus par prozas tekstu) liecina, ka visos 10 prozas darbos, kuros katrā statistiskai analīzei izmantotas 2500 konstrukcijas, bezkopas konstrukcijas bez izņēmuma pārsvarā lietotas tomēr personāža runā, ne autora stāstījumā (sal. ar 4. tabulu citētajā darbā). L. Ceplītis statistiskajai analīzei izmantojis E. Birznieka-Upīša, R. Blaunaga, A. Čaka, A. Grigūļa, Kaudzišu, V. Lāča, A. Sakses, J. Sudrabkalna un A. Upīša darbus, tātad pārsvarā vecākās paaudzes rakstnieku prozu. Līdzīgus datus iegūvis arī šī raksta autors. Piemēram, Aspazijas darbā "Zila debess zelta mākoņos" (Aspazija, 2) personāža runā ir 72,2% konsituatīvi saistīto konstrukciju, bet A. Saulieša darbā "Aiz sniega un tumsas" (Saulietis A., 38) pat 80%. Citāds samērs konsituatīvi saistīto konstrukciju lietojuma vērojams sešdesmito un septiņdesmito

gadu prozā. Lai gan arī šajā laika posmā ir ne mazums autoru, kas konsituatīvi saistītās konstrukcijas galveņokārt lietojuši personāža runā (Brīdaka L., 9, 54, 3%, Ģirulis G., 13, 65, 2%, Lubējs I., 28, 69, 6%, Lēmanis I., 27, 78, 8%, Lukjanskis B., 29, 79, 5%, Grīva Z., 19, 97, 3%), tomēr ir noteikta tendence šādas konstrukcijas arvien vairāk lietot tieši autora stāstījumā. Šo tendenci apliecina daudzu musdienu rakstnieku prozas darbi. Piemēram, I. Indrānes romānā "Udensnesējs" (Indrāne I., 21) autora stāstījumā ir 58,1% konsituatīvi saistīto konstrukciju, T. Vaidara stāstu krājumā "Ragu mūzika" (Vaidars T., 47) — 66,7%. J. Mauliņa stāstu krājumā "Rita nigla" (Mauliņš J., 30) — 67,8%, V. Spāres romānā "Vecās dzirnavas" (Spāre V., 42) — 69,6%, A. Dripes "Ceļa ziņās" (Dripe A., 16) — 72%. Ir arī tādi rakstnieki, kuru dažos darbos konsituatīvi saistītās konstrukcijas pārsvarā lietotas personāža runā, piemēram, C. Dinēres darbā "Starts" (Dinere C., 14) — 62,2%; Z. Skujiņa stāstu krājumā "Zebas āda" (Skujiņš Z., 39) — 66,3%, bet citos — autora stāstījumā; sal. C. Dinere "Meiteņu divkauja" (Dinere C., 15) — 58,8%, Z. Skujiņš "Balzams" (Skujiņš Z., 40) — 58,4%. Arī no šiem dažiem statistiskajiem datiem redzams, ka literārās valodas attīstības tendences saaužas ar rakstnieku individuālā stila iezīmēm. Atkarībā no vēstījuma specifikas dažādots var būt arī rakstnieka individuālais stils. Aktivizējoties konsituatīvi saistīto konstrukciju lietojumam autora stāstījumā, kā jau iepriekš konstatēs, arvien vairāk sazarojas arī konsituatīvi saistīto konstrukciju veidi: līdzās parcelācijai biežāks un daudzveidīgāks kļūst reducēto konstrukciju lietojums, īpaši saliktā teikumā.

Ceturtkārt, par bāzes strukturu vai motivētājstrukturu konsituatīvi saistīto konstrukciju lielum lielajam vairuma ir vienkāršs teikums. Tādu konstrukciju ir apmēram 80-85%.

LITERATŪRAS SARAKSTS

1. Cepītis L. Bezkopas konstrukcijas mūsdienu latviešu literārajā valodā. — Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas Valodas un literatūras institūts. Raksti. XVII. Teikuma uzbūve. R., 1964, 111.-195.lpp.
2. Docīte V. Teikuma struktūras predikatīvā parcelācija kā teksta veidošanas paņēmieni. Diplomdarbs. R., 1977.
3. Elmere A. Predikatīvo vienību redukcija saliktos pakārtotos teikumos. Diplomdarbs. R., 1977.
4. Kārklīša I. Teikuma struktūra un konsituatīvi saistījumi I. Ziedoņa prozā. Diplomdarbs. R., 1977.
5. Kārklīšs J. Galvenie vienkopas teikumu tipi mūsdienu latviešu literārajā valodā. Kand. disert. R., 1952.
6. Kārklīšs J. Teikuma struktūras raksturošanas aspekti. — Grām.: Latviešu valodas un literatūras problēmas. R., 1970, 103.-113.lpp.
7. Kārklīšs J. Praktiskums mūsdienu latviešu literārās valodas sintaksē. I daļa. R., 1970. Otra papild. izd. R., 1974.
8. Kārklīšs J. Dažas teksta sintaktiskās struktūras īpašības. — Grām.: Veltījums akadēmiķim Jānim Endzelīnam 1873.-1973. R., 1972, 445.-457.lpp.
9. Kārklīšs J. Vienkāršs teikums sintakses sistēmā, izpētes aspekti, diferencialās pazīmes. Liepāja, 1976.
10. Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini. Leipzig, 1975.
11. Latviešu valoda 7.-9.klasei. R., 1974.
12. Liatschenko R. Gibt es einen Grund für die "Unruhe um den deutschen Satz". — Sprachpflege, 1972, Nr. 1, S.8-10.
13. Moze M. Palīgteikumi ar divkopu shēmas kodolu. (Jautājums par palīgteikumu formu un funkciju). — Grām.: Valodniecības un literatūrzinātnes teorijas un prakses jautājumi. R., 1976, 102.-137.lpp.
14. Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. II, Sintaksē. R., 1962, 538.-565.lpp.
15. Ozols A. Latviešu tautasdziesmu valoda. R., 1961.
16. Upeniece A. Parcelācija kā teksta veidošanas paņēmieni. Diplomdarbs. R., 1976.

17. Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке. (Некоторые вопросы теории). М., 1967.
18. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
19. Грамматика современного русского языка. М., 1970.
20. Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции. - В кн.: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1966, с.277-301.
21. Карклиньш П.Д. Некоторые теоретические проблемы интерпретации синтаксической структуры латвийского языка. - Изв.АН Латв. ССР, 1972, №10, с.105-116.
22. Кодухов В.Н. О двух основных аспектах предложения. - В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с.33-40.
23. Прокопьевич Н.Н. К вопросу об аспектах анализа предложения. - Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы докладов. Л., 1971, с.11-12.
24. Розенталь Р.Э., Теленкова М.А. Словарь - справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е, испр. и допол. М., 1976.
25. Цеплитис Л. Бессоставные конструкции в современном латвийском литературном языке. Авт. канд. дисс. Р., 1963.
26. Тведова Н.Д. О синтаксических потенциях формы слова. - Вопросы языкознания, 1971, №4, с.25-35.

AVOTU SARAKŠIS

1. Apsīšu Jēkabs. Austrenī. R., 1975.
2. Aspazija. Zila debess zelta mākoņos. R., 1968.
3. Avotiņa D. Nenogaliniet stirau...R., 1970.
4. Avotiņš V. Galaktikas riba. -- Lit. un Māksla, 1977, 30.sept., 2.lpp.
5. Bēls A. Izmeklētājs. R., 1967.
6. Bēls A. Es pats līdzināma, R., 1968.
7. Birznieks-Upītis E. Ņinas pasaciņas. R., 1967.
8. Blaumanis R. Kopoti raksti. IV s. R., 1958.
9. Brīdaka L. Portrets profila. R., 1971.
10. Brigādere A. Trilogija. R., 1957.
11. Brutāne V. Uz Līgatni brauciet man līdz. R., 1969.

12. Gaune A. Mazliet savdabji. R., 1977.
13. Cirulis G. Neticiet stārķis. R., 1972.
14. Dinere O. Starts. R., 1969.
15. Dinere C. Meiteņu divkauja. R., 1977.
16. Dripe A. Ceļa sīmes. R., 1966.
17. Ežera R. Aka. R., 1972.
18. Galiņš H. Ķarāsām jāķer lidakas. R., 1972.
19. Grīva Ž. Dzungļu upe Mellakore. R., 1966.
20. Grīva Ž. Cilvēks gaida ritu. R., 1967.
21. Indrāne I. Ūdensnesējs. R., 1971.
22. Indrāne I. Anemone. R., 1974.
23. Kļavis A. Kafējnicā zagtas karotītes. R., 1976.
24. Kolbergs A. Cilvēks, kas skrēja pāri ielai. -- Zvaigzne, 1976, Nr.18, 28.lpp.
25. Kalis E. Lielā un nopietnā mīlestība. -- Lit. un māksla, 1976, 25.sept.
26. Lāms V. Muža guvums. R., 1974.
27. Lemanis I. Izlase. I sēj. Pa dzīves ceļiem. R., 1967.
28. Lubējs ģ. Saltā rasa. R., 1969.
29. Lukjanskis E. Nekad nebeigsies. R., 1968.
30. Mauliņš J. Rīta migla. R., 1972.
31. Niedre J. Aiz loga aug dadzis. R., 1966.
32. Niedre J. Katrs ar savu laimi dzimst. R., 1968.
33. Niedre J. Es biju, esmu, būšu drīz... R., 1977.
34. Rasa J. Duets. R., 1972.
35. Rihters O. Meži šalc. R., 1959.

---

36. Samsons V. Lematas. -- Pad. Jaunatne, 1973. 9.maijs.
37. Saulītis B. Ošu gatve. R., 1969.
38. Saulietis A. Aiz sniega un tumsas. R., 1958.
39. Skujiņš Z. Zebras āda. R., 1968.
40. Skujiņš Z. Balzams. R., 1977.
41. Skujiņš Z. Rēta. Par Ēvaldu Vilku. -- Lit. un māksla, 1977, 16.sept., 15.-16.lpp.
42. Spāre V. Vecās dzirnavas. R., 1966.
43. Stankēvičs A. Līdz trešajam zvanam. R., 1972.

44. Ulpeņa I., Vāškāns J. Vīsaugstākais sliekšnis. -- Rīgas Balss, 1977, 27. okt.
45. Upīts A. Sīnu ciema zēni. R., 1967.
46. Upīts A. Vēstule sievai. — Zvaigzne, 1977, Nr.22, 7.lpp.
47. Vaidars T. Ragu muzika. R., 1972.

Резюме

И.Ю. Карлиньш

Преобразования структуры предложения под влиянием конситуации (О некоторых тенденциях развития синтаксиса латышского языка)

В статье коротко изложена история изучения в структурном отношении конситуативно обусловленных предложений в синтаксисе латышского языка.

Разграничение статического и динамического аспектов дает возможность вскрыть закономерности построения предложения, т.е. структурную схему минимального и максимального состава (статический аспект) и коммуникат как всякий отдельный отрезок текста (динамический аспект).

Делается попытка выделить в теории синтаксиса статический и динамический синтаксис. В статический синтаксис входит рассмотрение структурных и семантических возможностей типизированных организуемых синтаксических единиц, т.е. единиц построения. Динамический синтаксис рассматривает систематизацию условий функционирования статических структур, в том числе разных их структурных преобразований и обследование синтаксических единиц, характерных только для динамического синтаксиса.

Особым способом организации в структурном отношении конситуативно обусловленных (связанных) конструкций динамическое синтаксиса является редукция.

В статье изложены некоторые тенденции употребления конситуативно связанных конструкций в современном латышском языке.

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

В языке происходит образование словосочетаний и противоположный процесс - их редукция в слова /1, с.3-21/. Появление в английском языке новых фразеологических единиц, а также образование новых слов на почве фразеологических единиц являются объективными критериями развития и жизнеспособности фразеологического состава. Словообразование на основе фразеологических единиц получило в ряде работ терминологическое обозначение "фразеологическая деривация" /2/.

Общезвестно, что в процессе коммуникативной реализации ФЕ наблюдаются случаи их окказиональной модификации, создаваемые писателями в определенных стилистических целях, а также говорящими - для достижения высокого коннотативного эффекта в речи.

"Окказиональные стилистические изменения ФЕ... носят системный моделируемый характер, так как они могут регулярно воспроизводиться в речи для создания того же дополнительного стилистического эффекта" /3, с.26/.

В данной статье ставится задача рассмотреть такие способы окказионального образования слов-омонимов на базе ФЕ, как словосложение и залиписис.

Словосложение

В сложных словах, являющихся результатом сложения слов-компонентов ФЕ, слова-компоненты соединяются в том синтаксическом порядке и в тех формах, в которых они употребляются в составе ФЕ. Сложные слова образуются как от ФЕ со структурой словосочетания, так и от ФЕ со структурой предложения.

Приведем несколько примеров:

above board - честный (-о), открытый (-о)¹

Couple of letters from her sister in Washington. Quite straight and aboveboard.

¹ (A. Christie, *13 at Dinner*, L., 1962, p.27)

¹ Объяснение значения фразеологических единиц взято из словаря А.В.Кунина.

God damn it! - Черт побери!

"Goddammit! Lea' ne alone, men!

(N. Mailer. The Naked and the Dead. L. 1965, p. 523)

В последнем примере имеет место фонетическое написание, т.е. нарушение нормативной орфографии; сложное слово содержит aa потому, что a в сочетании aa не произносится.

Некоторые сложные слова, образованные от одних и тех же ФЕ, имеют разные написания. Например, на почве фразеологической единицы son of a bitch - вулг. сукины сын, возникшее сложное слово может быть написано слитно:

The miller started to yell, "You crazy little sonofabitch". (S. Bellow. Henderson the King. L., 1965, p. 88)

слитно, но с изменением общепринятого написания предлога of (вместо of употребляется uv):

I just let the sonuvabitch drip.

(J. D. Salinger. The Catcher in the Rye. Moscow, 1968, p. 158)

с дефисом:

Son-of-a-bitch. When Jake had been to Dr. O'Brien about his own rectal bleeding he had been told not to worry, it was hemorrhoids.

(M. Richler. St. Urbain's Horseman. N.-Y., 1972, p. 12)

Множественное число сложного слова sonofabitch образуется при помощи присоединения морфемы множественного числа -s, указывающей на цельнооформленность слова, в то время как множественное число фразеологической единицы son of a bitch образуется при помощи присоединения морфемы -s к ее обоим компонентам - son и bitch, что является показателем раздельнооформленности фразеологической единицы.

'Yeah,' he sighed, 'they're sonofbitches just like the rest of us'.

(N. Mailer. The Naked and the Dead.

L., 1965, p. 82)

"You dirty sons of bitches, I'll get a court order."

(V. Malamud. The Tenants. N.-Y., 1972, p. 155)

Есть случаи, когда коммуникативные ФЕ употребляются в функции препозитивного определения, что говорит о нарушении их "синтаксической валентности" /4/. Показателем цельнооформленности здесь является дефисное написание.

still waters run deep - в тихом омуте черти водятся;
тихие воды глубоки

"The still-waters-run-deep women often hardest to solve in the matter".

(A. Sillitoe. Saturday Night and Sunday Morning.
N.-Y., 1958, p.128)

Словосложение может сопровождаться суффиксацией. Слова-компоненты ФЕ соединяются в одно сложное слово без нарушения порядка следования, в котором они находятся в структуре ФЕ, с добавлением словообразовательных суффиксов. Образование сложнопроводных слов на основе ФЕ - продуктивный прием в современном английском языке.

Для иллюстрации даны примеры с разными суффиксами.

...in only twenty-three more years he could go up to some sonofbitching general or colonel or something and say, "kiss my -."

(K. Vonnegut. Player Piano. N.-Y., 1971, p.71)
black sheep - паршивая овца

The fact that Uncle Barnabas had also apparently taken to drink was almost welcomed as a more normal manifestation of blacksheepishness.

(I. Murdoch. The Red and the Green. N.-Y., 1965, p.12)
Tom fool - дурак, шут

In the third second he realized that of course this was only a piece of play-acting, a piece of Millie's usual tomfoolery.

(I. Murdoch. The Red and the Green. N.-Y., 1965, p.170)
Nosey Parker - человек, который всюду сует свой нос; не в меру любопытный

"That's what takes your time, my boy - doing your bit of nosy-parkering."

(J. B. Priestley. Angel Pavement. Moscow, 1974, p.151)

Присоединение к образованным от фразеологических единиц существительным суффиксов с агентивным значением не включает их в парадигму другой части речи, а превращает их в отвлеченные имена существительные, выражающие значение свойства, качества, состояния, поведения, действия. Собственные имена в последних двух примерах становятся нарицательными.

Словосложение может осуществляться с незначительным усе-
чением одного из складываемых слов - компонентов ФЕ, в резуль-
тате чего получаются сложно-сокращенные слова.

Christ Almighty! Боже всемогущий! = Christ+a(1)mighty
Christamighty, I thought it was way gone and buried.

(T. Capote. Other Voices, Other Rooms. N.-Y., 1965, p. 23)
for mercy's sake! Ради бога! = for + mercy('s)+sake
"Formercysake, hold it still. Imagine nerves at
your age!"

(T. Capote. The Grass Harp and a Tree of Night.
N.-Y., 1951, p. 21c)

Словосложение путем эллипсиса одного из компонентов фразео-
логической единицы:

the spit and image of somebody - точная копия кого-л.,
вылитый портрет = the spit-(and)-image

...here was the spit-image of Holly Golightly,...

(T. Capote. The Grass Harp. Breakfast at Tiffany's.
Moscow, 1974, p. 123)

Слова подобного рода в словарях не фиксируются. Для пони-
мания их следует установить, каким способом и по какой струк-
турной модели созданы данные образования и выяснить значения
исходных фразеологических единиц.

В ряде случаев дериваты по сравнению с базисными ФЕ приоб-
ретают новые семантические и грамматические свойства. Из худо-
жественных произведений и словарей можно привести немало при-
меров существительных, образованных от глагольных ФЕ и выража-
ющих результат действия: tell tales - 1) сплетничать, 2) доно-
сить = telltale (tell-tale); fly a kite - 1) запускать
змея; 2) перен. пускать пробный шар, зондировать почву; 3) (пы-
таться) получить деньги под фиктивные векселя = kite-flying;
drop a brick - допустить бестактность, проявить нескромность,
сделать ляпсус, промах = brick-dropping; touch wood - пытаться
умилостивить судьбу, предотвратить дурное предзнаменование =
touching-wood.

От базисных глагольных ФЕ производятся существительные с
агентивным значением, обозначающих лиц, занимающихся тем

видом деятельности, на который указывает фразеологическая единица. Например,

poke one's nose into somebody's affairs -

совать нос в чужие дела.

"You're an awful poke-nose."

(T. Capote. *Other Voices, Other Rooms*. N.-Y., 1965, p. 99)

Междометная фразеологическая единица God damn! Черт возьми! дала слово с семантико-грамматическими свойствами прилагательного.

"Where's my goddamn place card?"

(K. Vonnegut. *Player Piano*. N.Y., 1971, p. 57)

above board - честный (-о), открытый (-о)

"I am very unhappy, Hastings. This seems the plain sailing and the aboveboard."

(A. Christie. *13 at Dinner*. L., 1962, p. 153)

Из последнего примера видно, что сложное слово aboveboard получило статус существительного. Субстантивированное прилагательное не возникло для названия чего-то нового. Оно обозначает то же понятие, что и фразеологическое прилагательное.

На основе междометных ФЕ образуются сложные слова путем эллипсиса или усечения одного из компонентов и соединения остальных компонентов. В тексте эти слова выступают в качестве препозитивного определения с семантико-грамматическими свойствами прилагательного.

God in heaven! Боже мой! =(god) in-heaven

... she ripped the air with in-heaven shrieks.

(T. Capote. *The Grass Harp. Breakfast at Tiffany's*. Moscow, 1974, p. 91)

God damn! Черт возьми! =god+damn)

We got nothing to say to each other that the whole goddam town can't hear.

(I. Shaw. *Rich Man, Poor Man*. N.-Y., 1971, p. 112)

Подобные образования могут употребляться как эмоциональные усилители и могут рассматриваться как наречия меры и степени.

'We'll play our game any way we goddam please, and if you don't like it, I don't figure there's much you can do unless you want to mess with four of us'.

(N. Kazan. *The Naked and the Dead*. L., 1965, p. 13)

'We know you're pretty goddam smart, Hearn.'

(N. Mailer. *The Naked and the Dead*. L., 1965, p. 65)

При помощи эллипсиса союза *and* и путем соединения компонентов компаративная фразеологическая единица *mad as a hatter* 'совсем помешавшийся, слятивший' дала существительное *mad-hatter* со значением 'человек, который мчится вихрем, как сумасшедший'.

All these young mad-hatters dashing up and down the streets on their bikes.

(T. Wood. *English Colloquial Idioms*. L., 1975, p. 182)

Фразеологические единицы не могут иметь только дефисное написание. Дефисное написание ФЕ является лишь вариантом параллельно существующего раздельного написания /5, с. 169/.

Некоторое количество ФЕ пишутся как слитно, так и через дефис. Об этом свидетельствуют художественные тексты, публицистические и другие тексты, а также и фразеологические словари. Приведем несколько примеров из словаря А. В. Кунина: *at home* (тж. *at-home*) 'прием гостей, курфикс, званьи вечер'; *bear garden* (тж. *bear-garden*) 'место, где ведут себя слишком вольно и шумно, "базар"'; *half and half* 'пополам, поровну; да и нет (*at* *half-and-half*)'; *hole and corner* (тж. *hole-and-corner*) 'тайный, секретный, подпольный'.

Важно отметить, что в материале, взятом нами для наблюдений, гораздо чаще встречаются обороты с дефисным написанием, чем с раздельным (из двух возможных вариантов). В ряде случаев наблюдается дефисное написание ФЕ, еще не зарегистрированное во фразеологических словарях.

Являются ли данные образования фразеологическими единицами или сложными словами, по мнению А. В. Кунина, зависит от того, обладают ли они какими-либо признаками раздельнооформленности. Наличие лексической и синтаксической вариантности в сочетании со структурно-семантической немоделированностью является показателем раздельнооформленности, поскольку такое сочетание сложным словам не свойственно. Недостаток показателей раздельнооформленности создает тенденцию перерастания оборотов в сложные слова /5, с. 170-171/.

А. В. Кунин пишет, что есть основания полностью переосмысленные образования с возможным раздельным и подслитным написаниями:

(happy-go-lucky)' беспечный, и rough and tumble (rough-and-tumble) 'драка, свалка' - считать

промежуточными образованиями между фразеологическими единицами и сложными словами, так как они не имеют вариантов. От полного перехода в сложные слова их удерживает только лексическая немоделированность /5, с.256-257/.

Кажется, что те образования, которые кроме раздельного имеют и дефисное написание или встречавшиеся только в дефисном написании, причем эти написания зарегистрированы в словарях, находятся на пути своего превращения в сложные слова. Образования те, которые зафиксированы в словарях как в слитном, так и в дефисном написании или только в слитном написании, могут рассматриваться как сложные слова, возникшие на базе фразеологических единиц. Слитное написание, т.е. цельнооформленность, подобных оборотов также является показателем сложного слова. Общеизвестен факт, что отдельное слово не может считаться фразеологической единицей, хотя бы оно и обладало идиоматичностью.

Наблюдается различие в написании целого ряда оборотов. Во фразеологическом словаре А.В.Кунина, например, off hand (т.к. off-hand или offhand) '1) adv. без подготовки, сразу, экспромтом; 2) attr. импровизированный, сделанный без подготовки, сделанный экспромтом; 3) attr. бесцеремонный' дается в раздельном, дефисном и слитном написании, under hand '1) сдерживаемый, находящийся под контролем (обыкн. употр. с глаголом to get); 2) тайно, за спиной (т.к. underhand)' имеет раздельное и слитное написание, в то время как в некоторых других словарях эти обороты даны только в слитном написании /6/. В словаре А.В.Кунина swan song 'лебединая песня' зарегистрировано в раздельном написании, в Большом англо-русском словаре - в дефисном (swan-song), в словаре Л.Стоуна - в слитном написании (swansong) /7/. Все это свидетельствует об отсутствии регулярности в написании фразеологических единиц.

Эллипсис

В результате сокращения лексической протяженности ФЕ одно из слов-компонентов концентрирует в себе значение фразеологической единицы и выступает в качестве ее заместителя. У слов,

входящих в состав ФЕ, "возникают новые значения, сперва "потенциальные", как бы "поглощенные" суммарным значением сложного номинативного целого, но способные актуализироваться, выделиться, приобрести способность отдельного воспроизведения" /Е, с. 170/. Компонент перенимает как номинативную, так и синтаксическую нагрузку всей фразеологической единицы на основе сложного процесса редукции фразеологической единицы. Значение слова-компонента "растворяется в значении целого. Но вместе с тем оно и отражает значение целого, в связи с чем слово потенциально сохраняет способность к разрушению своих синтагматических ограничений и проявления "отраженного" значения в новых контекстах" /9, с. 266/.

В лингвистике существуют разные мнения по поводу анализа выделенного компонента фразеологической единицы в речи. Некоторые лингвистами данное явление рассматривается как аллюзия, т.е. "один из приемов окказионального преобразования ФЕ в речи" /10/.

Благодаря смысловой компактности подобных слов достигается эффект лаконичности, поэтому подобные случаи характерны, главным образом, для разговорной, диалогической речи, где часто требуется сказать многое в малый отрезок времени. О.С. Ахманова считает общепризнанной актуальность проблемы "оптимализации речевого сообщения посредством его сокращения, уменьшения физической протяженности речевого сигнала, придания ему большей компактности" /11, с. 13/.

Для иллюстрации приведем несколько примеров, в которых отдельные слова-компоненты ФЕ употребляются в определенном контексте и являются словами окказионального употребления, а не лексическими единицами языка. Они воспринимаются не изолированно, а на фоне исходных фразеологических единиц.

fish for compliments - напрашиваться на комплименты,
потвалы

"You're too pretty".

"Am I?"

"Oh, yes, you know it. No fishing."

(J. O'Hara. A Rage to Live. N.-Y., 1949, p. 90)

Chirchill cigar - большая, толстая сигара

He stepped outside into the coolish bright day, the big fat Chirchill resting between his teeth.

(J. Jones. *Some Game Winding*. N.-Y., 1956, p. 396)

she's cup of tea - то, что нравится

"I should have thought the Iron Curtain was more his tea than any old judging."

(M. Lane. *Night at Sea*. L., 1972, p. 55)

Fleashpots of Egypt - 1) материальное благополучие, довольство, богатая жизнь; 2) корыстные соображения

"But if you feel like another excursion to the fleashpots, I could be persuaded."

(J. O'Hara. *A Rage to Live*. N.-Y., 1949, p. 292)

It is the last straw that breaks the camel's back - последняя капля переполняет чашу.

The Air Force colonel decamped while her back was turned, and this was the straw too much: he'd asked her to dinner.

(T. Capote. *The Grass Harp*. Breakfast at Tiffany's. Moscow, 1974. p. 147)

Как видно из приведенных примеров, компоненты, вычлененные из состава ФЕ, возникли не для обозначения новых понятий. Они сохраняют те же значения, что и ФЕ, только выражат их в компактной форме. Здесь проявляется тенденция к сокращению лексической протяженности ФЕ, тенденция к экономии языка. Большое значение принципу экономии в языке придавал Бодуэн де Куртене /12/.

Как уже было отмечено, функционирование отдельных слов - компонентов ФЕ - явление речевое. Но нет исключения, что данные образования могут стать и единицами языка. Продуктивность позволит установить, закрепятся ли в языке образования такого рода либо, наоборот, выйдут из употребления как окказионализмы. Всякая возникающая лексическая единица первоначально является речевой /13, с. 22/. Так, например, слово - компонент *shipshape* в результате эллипсиса остальных компонентов фразеологической единицы *shipshape and Bristol fashion* 'в полном порядке' зарегистрировано в словарях со значением, свойственным всей фразеологической единице.

Everything in fact was as shipshape as could be expected, considering the antiquity of the machines.

(K. Vonnegut. *Player Piano*. N.-Y., 1971, p. 19)

Итак, компоненты ФЕ могут служить источником обогащения лексической системы языка. "Слова, возникшие на почве компонентов фразеологических единиц, обогащенные новыми значениями, осознаются как омонимы по отношению к тем своим "прототипам", которые известны вне фразеологических единиц /Г4, с.163/.

На базе фразеологических единиц по словообразовательным законам английского языка возникают как слова окказионального образования, так и новые лексические единицы языка. Исследование приемов образования слов на базе фразеологических единиц обогащает наши представления о фразеологической системе языка.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Дирмунский В.М. О границах слова. - ВЯ, 1961, №3.
2. Кунин А.В. Некоторые вопросы английской фразеологии. - Англо-русский фразеологический словарь. М., 1955; Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1962; Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
3. Кунин А.В. О стилистическом контексте во фразеологическом ракурсе. - Сборник научных трудов МГПИИЯ им.Мориса Тореза, 1976, вып.103.
4. Арнольд И.В. Синтаксическая структура слова в современном английском языке и методы ее исследования. Дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Л., 1966.
5. Кунин А.В. Английская фразеология. М., 1970
6. Например. Большой англо-русский словарь. М., 1972; Whitford H.C. and Dixon R.J. Handbook of American Idioms and Idiomatic Usage. N.-Y., 1953.
7. Stone L. Current English Idioms with Exercises. L., 1974.
8. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

9. Шмелев Д.В. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
10. Начисчионе А.С. Оказиональное стилистическое использование фразеологических единиц в речи (на материале произведений Дж.Чосера). Аис. на семск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1976, тл. 2, раздел "Аллэзия".
11. Ахманова О.С. Семантика человеческого общения. - Вопросы оптимализации естественных систем. М., 1971.
12. Бодуэн де Куртене М.А. Некоторые общкэ замечания о языковедения и языке. - Избранные труды по общему языковедению. М., 1963.
13. Торопцев И.С. Исходные моменты лексической объективации. - Проблемы ономастологии. Курск, 1975.
14. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М., 1976.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ НА БАЗЕ ГЕРУНДИАЛЬНОГО
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Производство сложных слов - одно из самых продуктивных видов словообразования в современном английском языке.

В данной статье рассматривается производство сложных слов, в компонентный состав которых входит существительное с окончанием -ing - герундиальное существительное.¹

Нашей задачей является проанализировать структурные словообразовательные модели, по которым создаются сложные слова, состоящие из двух компонентов, один из которых представлен герундиальным существительным.

Материалом исследования послужило 16 произведений современных английских и американских авторов.

Анализируя смысловые структуры сложных слов, мы пользовались данными толковых словарей /3,4,5/.

Анализируя семантических и синтаксических особенностей детерминантов были использованы трансформационные критерии.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу материала, необходимо ответить на вопрос: что такое сложное слово, в состав которого входит герундиальное существительное?

Лингвисты по-разному подходят к решению этой проблемы. Некоторые лингвисты, напр. Г.Марчауд /3, с.55/, О.Есперсен /7,

¹ Так как термин "отглагольное существительное" неоднозначен, мы разделяем мнение И.А.Наумовой и считаем целесообразным образование типа "building-a - здание", "meeting "- a - собрание" называть герундиальными существительными, т.е. существительными, которые появляются в результате лексикализации герундия. См./1, с.99-100/.

В связи с проблемой происхождения существительных на -ing небезинтересно сослаться на А.И.Смирницкого, который утверждает, что "...количество уже имеющихся в языке существительных на -ing меньше, чем количество герундиев, от которых в любую минуту легко и просто могут быть образованы и образуются соответствующие существительные. В связи с этим даже слова типа meeting, уже давно существующие как отглагольные существительные, начинают трактоваться как субстантивированные герундии."/2, с.255/.

с. 134/, рассматривает компоненты сложных слов как самостоятельные морфемы, т.е. слова.

Другие лингвисты, напр. А.И.Смирницкий /8, с.57-58/, И.В.Арнольд /9, с.60/, О.Д.Мещков /10, с.176/ и др., в своем определении сложного слова исходят из концепции, что сложное слово состоит из двух (или более) основ.

И.В.Арнольд определяет сложные слова как "слова, которые состоят, по крайней мере, из двух основ, встречающихся в виде свободных форм. В сложном слове непосредственно составляющие приобретают целостность и структурную слитность, что позволяет им функционировать в предложении в качестве самостоятельных лексических единиц" /9, с.60/.

И.В.Арнольд считает, что компоненты сложного слова могут функционировать в виде свободных, несвязанных форм, т.е. как слова, однако они не подвергаются грамматическим изменениям, которые характеризуют свободные лексемы. Эта аргументация нам представляется убедительной, и в нашей статье мы придерживаемся определения сложного слова, данного И.В.Арнольд.

Г.Марчанд считает, что образование сложных слов основывается на соотношении слова-детерминанта и слова-детерминантума (определяющего и определяемого) /6, с. II-14/.

В системе английского языка определяющее слово (детерминант) обычно находится перед определяемым (детерминантумом). Детерминантум - грамматически доминирующая часть сложного слова. Его семантическое значение суживается, так как оно конкретизируется детерминантом /6, с. II/.

Например, *Partly because of his own diffidence, partly because of his strong fellow-feeling, he took to me as we stood outside the bookshop.* (GNH, p.103)
There was no one else in the room and the only sound apart from the crying - was the faint hum of air-conditioning. (NA, p.23)

В предыдущих примерах детерминанты "fellow" и "air" семантически суживают значение детерминантумов "feeling" и "conditioning".

Возникает вопрос: эквивалентен ли детерминант определению? Посмотрим на примеры.

Чтобы установить некоторые особенности детерминанта, небезынтересно применить трансформационный критерий.

- 1) a steering wheel → a wheel for steering,
- 2) cabinet-making → the making of cabinets, —making cabinets,
- 3) broom-sweepings → sweeping with a broom,
- 4) handwriting → writing by hand,
- 5) homecoming → coming home,
- 6) street-fighting → fighting in the street.

Трансформы сложных слов высвечивают различные функции детерминанта. В данных примерах они ориентируют нас на синтаксические отношения, как например, обстоятельства цели - a steering - wheel, обстоятельства места - homecoming, street - fighting, обстоятельства образа действия - handwriting, определения - cabinet- making, предложного дополнения - broom-sweepings. Во многих примерах детерминант семантически отходит от идеи определения. Понятие детерминанта несколько шире нежели понятие определения. В значительной мере это объясняется тем, что многие сложные слова являются, по существу, производными от различного рода свободных синтаксических словосочетаний, на что ориентируют трансформы, приведенные выше: 1-6.

Как видно из предыдущих примеров, один из компонентов сложного слова может быть представлен герундиальным существительным - feeling, conditioning, steering, making, sweepings и др.

Все сложные слова с герундиальным существительным в их компонентом составе можно подразделить на две группы.

1) Сложные слова, первый компонент которых представлен герундиальным существительным - модель N ing + N.
Напр. ...I had to...work in his countinghouse¹ or his office as he called it... (НО, p.449).

The Sabraon was a sailing-ship² named after a battlefield in India. (СБС, p.70).

В данных примерах детерминант, выраженный герундиальным существительным "counting, sailing" семантически суживает значение детерминанта, выраженного существительным "house, ship". Хотя формально можно применить трансформацию "a

¹WCD: countinghouse - n. - a building, room or office used for keeping books and transacting business.

²БАРС: sailing-ship - n. - бухгалтерия (помещение)

БАРС: sailing-ship - n. - парусное судно.

countighthouse → a house for counting", "a sailing-ship → a ship for sailing семантическое значение детерминантума очень конкретизировано: "countighthouse" - "бухгалтерия" (помещение), "sailing-ship" - "парусное судно".

2) Сложные слова, второй компонент которых выражен герундиальным существительным. Вторая группа имеет несколько подгрупп.

а) Существительное + герундиальное существительное -

модель N + N_{ing}

Напр. ...armed with a pair of shears, a coil of wire and a roll of mesh wire-netting¹. I set to...make some very light yet strong travelling cages... (DDE, p.162)
wire-netting → netting made of wire.

Mr. and Mrs. Dale Ainsworth gave a formal reception as a housewarming...² (RF, p.111).

В сложном слове "wire-netting" происходит семантическое уточнение значения детерминантума "netting"; в последнем же примере наблюдается разрыв между семантическим значением сложного слова "housewarming" и компонентами сложного слова "house" и "warming". Трансформация ("housewarming → the warming of a house") не проходит.

в) Прилагательное + герундиальное существительное -

модель A + N_{ing}

Напр. ...I now had my doubts about how far a beating would deter him from further wrong-doing.³ (HC, p.47)

...Peter McDermott's record, including his Waldorf dismissal and subsequent black-listing, would be known.

(НН, p³⁶⁵)

В данных примерах детерминант выражен прилагательным "black" и "wrong", детерминантум - герундиальным существительным.

¹WCD: wire-netting - n. - a texture of woven wire coarser than wire gauge.

²BAFC: wire-netting - n. - сеть, сетка, сетчатый материал.

WCD: housewarming - n. - a party to celebrate taking possession of a house or premises.

BAFC: housewarming - n. - новоселье, празднование новоселья.

³WCD: wrongdoing - n. - 1. evil behavior or action.

2. an instance of doing wrong.

BAFC: wrong-doing - n. - 1. I) грех, проступок; преступление, дурное поведение.

тельным "doing" и "listing". Сложное слово "wrong-doing" значит "дурное поведение", "black-listing" можно перевести как "внесение в черный список".

Whatever shortcomings¹ the airport might have in other ways, he knew they were coping with the storm as any organization could. (НА, p.16)

Сложное слово "shortcomings" образовано от "come short of something".² В данном случае наблюдается осязаемый разрыв между значением компонентов сложного слова и значением сложного слова.

в) Наречие + герундиальное существительное - модель Adv + N ing³

Например. She was a healthy young woman and her feeling always in a hospital was that because of her obvious well-being she was resentful. (Э, p.115) (БАРС-I-1).

She was trying to prove to Martin, through me, that she was thinking of his well-being.⁴ (ЭМ, p.131) (БАРС-I-2)

Детерминант выражен наречием "well" детерминантом - герундиальным существительным "being".

В большинстве приведенных примеров сложные слова образовались путем соединения основ двух слов. Однако основой сложного слова может послужить и словосочетание.

Напр. We have built an entire civilization on the stiff upper-lip principle... Personally I've never found breast-beating and hair-tearing and teeth-gnashings very attractive... (Э, p.147)

В данном примере мы встречаем три сложных существительных

¹ WCD: shortcoming - n. - deficiency, defect.

БАРС: shortcoming - n.

² АРС: come short of something - 1) не хватить, иметь недостаток в чем-л.
2) не оправдать ожиданий, надежд, не достигнуть цели.

³ В Martin Lehnert. Reverse Dictionary of Present-day-English зарегистрированы следующие сложные слова, образованные по модели Adv.+Ning: "downgrading, everlasting, welling, well-doing, well-wishing."/16/

⁴ WCD: well-being - n. - the state of being happy, healthy or prosperous.

БАРС: well-being - n. - 1. здоровье.
2. материальное благополучие, процветание.

"breast-beating", "hair-tearing", "teeth - gnashings".

Одно из них, "hair-tearing" образовано от устойчивого словосочетания¹ нефразеологического характера "to tear one's hair"² два других - "breast-beating" и "teeth - gnashings" - от свободных словосочетания "to beat one's breast" и "to gnash one's teeth". Сложные слова "breast-beating", "hair-tearing", "teeth-gnashings" не зарегистрированы в словарях. Все три сложные слова вместе передают идею паники, контрастируя с "the stiff upper-lip principle". Логическая антитеза, использованная Р.Стерном в романе "Tower", усиливает сарказм, выраженный сложными словами окказионального характера: breast-beating и др.

Сложные слова окказионального характера, образованные от словосочетаний, могут обладать большой степенью выразительности. Они принадлежат перу того или много автора и, по сути дела, являются авторскими неологизмами /12, с.3/.

В ряде случаев мотивация таких сложных слов ясна и связь с синтаксическими словосочетаниями, от которых они образованы, можно легко проследить.

Напр. There would be no more breath-holding³, eye-blinking, nostril-twitching or sucking of teeth, and his plan would start tomorrow, if not today. (WBL, p.6).

Эти окказиональные образования "breath-holding", "eye-blinking", "nostril-twitching" выполняют определенную стилистическую функцию - они в данном случае помогают К.Ватерхаузу, автору романа "Billy Liar" дать яркую характеристику своего героя Билли, парня несколько озлобленного, настроенного скептически, который, стараясь уйти от неинтересного для него окружающего мира, строит воздушные замки.

Значение окказиональных сложных слов иногда становится ясным только в контексте.⁴

¹ Вслед за А.И.Смирницким и Н.Н.Амосовой мы считаем устойчивыми сочетаниями нефразеологического характера словосочетания, которые вследствие регулярного употребления стали устойчивыми формулами, не создаваемыми, а вносящимися в речь, в которых отсутствует семантическое обогащение. См.(8, с.223)(II.Гл. II §3).

² АРФС: tear one's hair - рвать на себе волосы.

³ АРФС: hold one's breath - задержать дыхание, задерживать дыхание.

⁴ Контекст - I. Лексическое окружение данной языковой единицы.

2. Законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы.(13, с.206)

Напр. We're about to start the teethlicking. All the three men smiled. (...) (ST, p.88)

Только контекст¹ помогает понять конкретное окказиональное значение слова "teethlicking" - это торжественные речи по случаю открытия небоскреба-гиганта (teeth-licking - разглагольствование).

Окказиональное значение часто может быть более конкретно нежели узуальное, оно может быть образным, метафорическим, как например: Though McQueen did not himself participate in the "housecleaning"² by the time LAFD got around to searching Sebring's residence, anything embarrassing had been removed. (BHS, p.27)

A "house-cleaning" was urged of other Negroes employed in air traffic control, before the same thing happens again. (НА, p.162)

В данных примерах уже кавычки показывают графически, что слово "house-cleaning" употреблено здесь не в своем узуальном значении. В первом примере слово "housecleaning" означает не уборку квартиры, а изъятие наркотиков из квартиры. В последнем примере значение слова "housecleaning" можно определить как "политическая чистка".

Как видно из примеров, сложные слова с герундиальным существительным в их составе могут быть образованы как от свободных, так и устойчивых словосочетаний.

Основой сложного слова может послужить не только свободное или устойчивое словосочетание, но и фразеологическая единица (ФЕ)³.

" В английском языке, не богатом продуктивными словообразовательными аффиксами, удельный вес фразеологической деривации весьма значителен.

¹ О контексте, в котором реализуются окказиональные значения, см. /14, с.3/.

² БАРС:housecleaning - н.- уборка дома или квартиры.

³ Фразеологическая единица - это устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением /15, с.210/

Фразеологическая деривация является одним из показателей тесной связи между словарным и фразеологическим составами языка (5, с.1260).

Напр.... the test... were usually serious, exhorting sessions... Too much was at stake... for any mutual back-scratching or for weaknesses to be overlooked. (НА, p.57)

Сложное слово "back-scratching" образовано от фразеологической единицы "scratch my back and I'll scratch"¹. Оно употреблено здесь в смысле "лакейство, подхалимство".

...their fortune-telling was always conducted in the lowest of voices. (СРН, p.25)

Сложное слово "fortune-telling" образовано от ФЕ "tell smb. his fortunes" (or "tell fortunes")². Оно зарегистрировано в БАРС, и оно, по-видимому, приобрело статус узуса.

...he was amused by his own hair-splitting.³ СР, p.294.

Сложное слово "hair-splitting" является производным от ФЕ "split hairs". В данном контексте "hair-splitting" не обозначает ссору между людьми. Герой — человек, который скрупулезно анализирует свои действия и старается разобраться, прав он или нет. Значение этого слова можно было бы определить как "самоанализ, спор с самим собой".

* Анализ 16 произведений современных английских и американских писателей убеждает нас в том, что образование сложных слов с герундиальным существительным в их составе — важный способ обогащения словарного состава английского языка.

Подведем итоги:

I. В данной статье мы рассмотрели главные структурные словообразовательные модели сложных слов с герундиальным существительным в их компонентном составе:

- ¹ АРФС: scratch my back and I'll scratch yours - рука / руку моет.
- ² БАРС: fortune-telling - н.- гадание, ворожба, предсказание будущего.
АРФС: tell smb. his fortunes - (тх). гадать, предсказать судьбу.
- ³ БАРС: hair-splitting - н.- спор, ссора из-за пустяков, казуистика, крохоборство.
АРФС: split hairs - вдаваться в чрезмерные тонкости, заниматься казуистикой, быть чрезмерно педантичным, спорить о мелочах.

- I N_{ing} + N
II 1) N + N_{ing}
2) A + N_{ing}
3) Adv + N_{ing}

2. Необходимо отметить три главных источника образования сложных слов этого типа:

- 1) свободные словосочетания, напр. to click one's teeth → teeth-clicking,
- 2) устойчивые словосочетания, напр. to tear one's hair → hair-tearing,
- 3) фразеологические единицы, напр. scratch my back and I'll scratch yours → back-scratching.

Сокращения

- ASS - Australian Short Stories. М., 1975.
BHS - Vincent Bugliosi with Curt Gentry. Helter Skelter. Bantam Books, 1975.
BRT - John Braine. Room at the Top. М., 1961.
CGH - Truman Capote. The Grass Harp. Breakfast at Tiffany's. М., 1974.
CBS - Frank Clune. Saga of Sydney. Australia, 1962.
DDF - Gerald Durrell. The Drunken Forest. Gr. Br., 1964.
HA - Arthur Hailey. Airport. N.Y., 1968.
HC - Susan Howatch. Cashelara. 1975.
HH - Arthur Hailey. Hotel. London, 1971.
RF - Ayn Rand. The Fountainhead. N.Y., 1972.
SNM - C.P. Snow. The New Men. London, 1963.
SIW - Irving Stone. Immortal Wife. London, 1971.
SSS - William Saroyan. Selected Short Stories. М., 1975.
ST - Richard Martin Stern. Tower. N.Y., 1974.
STH - C.P. Snow. Time of Hope. М., 1964.
WBL - Keith Waterhouse. Billy Liar. Gr. Br., 1964.
WCO - Webster's New Collegiate Dictionary. A Merriam Webster, 1974.
APFC - Кунив А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967.
БАРС - Большой англо-русский словарь. М., 1972.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Naumova L. The Semantic Aspect of the Lexicalization of the Gerund.
- В кн.: Учен. зап. ЛГУ им. П.Стучки, 1976, т.248, с.98-119.
Фонетика и лексикология английского языка, с.98-119.
2. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959, 440 с.
3. Webster's New Collegiate Dictionary. USA, 1974. 1536 p.
4. Гальперин И.Р. Большой англо-русский словарь. М., 1972. 8630.
5. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967. 1264 с.
6. Marchand H. The Categories and Types of Present-day English Word-formation. Wiesbaden, 1960. 379 p.
7. Jespersen O.A. Modern English Grammar. Part VI. London, 1954. 370 p.
8. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956, 260 с.
9. Arnold I. The English Word. L., 1973, 303 с.
10. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. М., 1976, 245 с.
11. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. М., 1963, 208 с.
12. Киселева Р.А. Структурные особенности авторских неологизмов и их семантические функции. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1970, 20 с.
13. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, 607 с.
14. Арнольд И.В., Бэнникова И.А. Лингвистический и стилистический контекст. - В кн.: Стыль и контекст. Л., 1972, с.1-13.
15. Кунин А.В. Английская фразеология. М., 1970, 343 с.
16. Lehnert M. Reverse Dictionary of Present-day English. Leipzig, 1973, 596 p.

К ВОПРОСУ ОБ АДЪЕКТИВИЗАЦИИ ПРИЧАСТИЯ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается один аспект адъективизации причастия, а именно - отличие адъективизации причастия от конверсии в современном английском языке.

Как проявление конверсии некоторые лингвисты /1/ рассматривают образования типа: *building* - *n.* (здание), *screaming* - *adj.* (*screaming farce* - уморительный фарс), *confused* - *adj.* (*confused memories* - обрывки воспоминаний), *broken* - *adj.* (*broken tea* - опитой чай).

Иначе говоря, конверсия трактуется широко, она захватывает случаи, которые следовало бы выделить как особый способ словообразования в современном английском языке - лексикализация грамматических форм.

0.0. Своеобразие статуса лингвистического явления в синхронном плане в значительной степени определяется мерой лексического и грамматического, заключенного в нем. Лексическое и грамматическое - два своеобразных лингвистических полюса, противостоящие друг другу.

В диахронном плане приближение лингвистического явления к одному из этих полюсов или отдаление от него составляет своеобразие его исторического развития. Лексикализацию грамматических форм и грамматикализацию лексических единиц следует рассматривать как две тенденции языкового развития, которые представляют интерес как в синхронном, так и в диахронном планах.

0.1. Грамматикализация лексической единицы - десемантизация лексем, появление у последней четко выраженного грамматического значения взамен "затухающего" лексического, это - превращение слова в грамматическую форму.

Лексикализация грамматической формы - это семантический "отрыв", отмежевание грамматической формы от её парадигмы, превращение формы в слово.

0.2. В современном английском языке лексикализация характеризует имя существительное (обособление множественного

числа имени существительного) и широко затрагивает неличные формы глагола: герундий, причастие I и причастие II. Понятие лексикализации - более широкое нежели субстантивизация герундия или адъективизация причастия. Последние можно рассматривать как частные случаи проявления лексикализации.

Такие случаи как: Yet my father's ratings¹ had made a coward of me where Elizabeth was concerned (BHP30).

The houseboat was slightly tipped over, drifts of waterlay sheddings² were like a rich rust on its roof and declining deck (TCGN 48) - примеры субстантивизации герундия.

Причастия "ragging", "jagged", "gone" подвергаются адъективизации в следующих случаях:

Then why the small ragging doubt? (RMST 6);

The car slowed down and through a large jagged gap Yates caught a glimpse of the christ (HC 37);

All the world knows Dolly Talbo is gone and you are gone too (TCGN 14).

0,3. Помимо адъективизации причастия мы встречаем любопытное явление, которое можно было бы назвать адвербиализацией причастия. Например:

Their leaves, bitten by frost, had turned fiery scarlet, smoldering red, blazing yellow; and my compassion against this flaming foliage put me in mind of demons, crawling blunderingly out of hell (KEMP73)

The bloke was cursed helpless (ASKD 92);

Mrs. Mark led the way along the narrow track which could still just be found in the middle of the encroaching grass, tall and bleached to a faded yellow (IMB 69).

Во всех этих случаях формы "smoldering", "blazing", "cursed" "faded" функционируют как наречные образования.

0. Есперсен называет формы типа "smoldering red" adjective subjunct/2/. Т. Вассер /3/ предпочитает термин квази-наречия (quasi- adverbs) и подчеркивает, что адвербиальный характер этих образований подтверждается тем обстоятельством, что последние могут легко заменяться формой с исходом на -ing + ly.

0.4. Итак, лексикализация неличных форм глагола может иметь различные формы проявления:

¹ rating -а. оценка (БАРС)

² sheddings -а. ил, водоросли (БАРС)

- 1) субстантивизация герундия;
- 2) адъективизация причастия I и II;
- 3) адвербиализация причастия I и II.

В результате адъективизации и адвербиализации причастная форма может иметь несколько фоно-морфологических вариантов, как например:

- 1) *curse* [kɜ:sɪ] - причастие II;
- 2) *curse* [kɜ:sɪd] - адъективизированное причастие;
- 3) *curse* [kɜ:sɪd] - адвербиализированное причастие
= *curse*dly.

I.0. В отличие от конверсии адъективизация причастия - не моментальный процесс. Можно, условно, наблюдать различные уровни, стадии адъективизации причастия II:

- 1) грамматический уровень;
- 2) семантический уровень;
- 3) фоно-морфологический уровень.

I.1. Грамматический уровень лексикализации причастия - самое начало процесса адъективизации. Причастие II на этом уровне, будучи семантически тесно связанным с соответствующим глаголом, в словарях не всегда выделяется, т.е. оно может не иметь пометы "adj" или *adj. part.* и своей собственной словарной статьи. Оно, как член парадигмы глагола, входит в семантическую структуру самого глагола.

На грамматическом уровне причастие II остается семантически "верным" глагольной парадигме. Однако глагольный признак, передаваемый собственно причастием II, переосмысливается в качественный у адъективированного причастия, в силу чего последнее может легко определяться наречными степенями (по терминологии Ч.Фриза функциональными словами группы D типа *so, very, a bit, rather, much, etc.*).

В этом плане представляет интерес высказывание Ф.Виссера /3, p.122/, который из наречий степени выделяет *very* как наиболее характерный признак адъективированности.

Yet from about the middle of the 16 century a tendency has developed for some past participles to be used without any verbal implication, and consequently as regular adjectives. In this case the past participle is not preceded by "much" or "very much", but by "very", which normally modifies an adjective; General The is not a very controled character (GGQA 182);

...perhaps I got a bit shocked (GDQA 184);

My sister will be so excited (GGQA 197).

Кроме того, адъективированное причастие II как и прилагательное, может образовывать степени оравнения. Например:

It was the restaurant most favoured in these days by members of the Surete' (GGQA 148); They had all packed their most valued possessions (GGQA 61).

Существенно отметить, что во всех случаях, приведенных выше, собственно причастие и адъективированное причастие семантически связаны между собой. Эта семантическая связь подтверждается трансформацией типа (a) the written document → to write a (the) document.

Последняя трансформация характеризует глаголы переходной ориентации.

Проверим разобранные выше примеры на данную трансформацию.

a controlled character → to control one's character;
the shocked man → to shock the man;
the excited man → to excite the man;
the favoured restaurant → to favour the restaurant;
the valued possessions → to value the possessions.

1.2. На семантическом уровне наблюдается семантический разрыв между адъективированным причастием и соответствующим глаголом. Например:

"Tatters who was immensely tall and bony and staring, and looked like a soured Victorian celebrity, had faced the most infuriated director at her office with a mere shrug (GPAP 170).

He was a powerful man - more he was conscious of it. Everything he (Farrish) did expressed this consciousness. His voice, manner, gestures even his appearance - were bent to it so that now, over the course of years, the studied effect had lost all affectation and had become part of him (HC 29).

В первом примере Дж. Пристли в романе "Angel Pavement", характеризуя некую властную мисс Тэтэзби, секретаря правления клуба для девушек в Лондоне, использует адъективированное причастие "soured" в качестве эпитета в значении "чопорная знаменитость викторианского периода". В сочетании "the studied effect" адъективированное причастие "studied" звучит несколько про-

нически¹ в устах Стефана Гейма в романе "Крестомосца", ром автор рисует выразительный образ воинствующего генерала Фарша.

Существенно отметить, что лексико-семантические варианты адъективированных причастий "sourced" (чопорный), "studied" (деланный, нарочитый)² не характеризуют семантические структуры соответствующих глаголов to sour и to study. В этом случае трансформация типа the written document - to write a document не проходит для глаголов переходной ориентации.

Этот трансформационный критерий является объективным формальным показателем семантического разрыва.

Трансформация не проходит и в таких случаях:

blasted nuisance → to blast nuisance

(ужасная досада);

blasted mess → to blast mess

(чертовая неразбериха);

a loaded man → to load a man

(амер. разг. "При деньгах");

a knotted garden → to knot a garden

(затейливо разбитый сад).

Эти примеры иллюстрируют явное семантическое размежевание между адъективированным причастием и глаголом.

На семантическом уровне можно наблюдать как адъективированное причастие II, равно как и любое прилагательное, имеет тенденцию к полисемии, напр.

raised adj. 1. a) done in relief

b) papped

2. leavened with yeast rather than baking powder or soda (WSCD)

wasted adj. 1. laid waste: ravaged

2. impaired in strenght or health: emaciated

3. obs: elapsed (the chronicle of wasted time - shak)

4. unprofitably used, made or expended (a wasted effort) (WSCD).

Филиация значений часто идет по линии метафоризации.

Часто наблюдаемое метафорическое использование адъективиро-

¹ "studied" (БАРС)

² деланный studied politiness - нарочитая лбезность.

ванных причастий, свидетельствует об интенсивном характере адъективизации причастия в современное английское языке.

Mist of the river, autumn haze, trailed moon - colors among the bronze, the blue trees and a halo, an image of winter, ringed the paling sun (TCGN 38). The judge lifted the candle. Night crawlers alighted away from its lurching light, a snowy owl flew between the trees (TCGN 38). Again the courthouse clock was floating its message, each note like a banner stirring above the chilled and sleeping town (TCGN 77). Venera illuminated in that sustained glare, was not anyone I knew, but some woman woebegone, wasted... (TCGN 84).

В этих примерах, взятых из повести Трумана Капоте "The Grass Harp", адъективированные причастия I и II являются метафорическими эпитетами, которые помогают автору создать яркие фантастические образы природы (the paling sun, its lurching light), города (the chilled sleeping town), помогают автору передать драматизм психологического настроения героини (that sustained glare, woebegone, wasted).

Метафорический эпитет "vested" в романе С.Гейма "Крестоносцы" Crear had begun to wish that there were some power to stop all this... that the God-damned leaflet would be fired just to spite Willoughby and his vested interests (HC 90) звучит обличительно - автор описывает ловкого карьериста майора Уиллоуби (here vested interests - private, special interests).

1.3. Семантические различия подчас становятся настолько ощутимыми, что адъективированное причастие может полностью отжелеваться от причастия II и по своим фоно-морфологическим характеристикам.

Сравним формы:

Причастие II	Адъективированное причастие - прилагательное
crooked [kru:kɪt]	<p>- crooked [kru:kɪd]</p> <p>а. I. кривой, изогнутый; hung crooked криво повешенный</p> <p>2. искривленный, сторбленный.</p> <p>3. 1) нечестный, бесчестный. 2) добный нечестным путем.</p> <p>4. диал. шутл. мрачный, угрюмый е.д. (БАРС)</p> <p>The racing was very crooked (ЭНЕТ. 363) He smiled again, an odd, crooked smile (САС40)</p>
crabbed [kræbd]	<p>а. I. crabbed [kræbid] раздражи- тельный.</p> <p>2. 1) о трудом понимаемый, неразбор- чивый (о почерке) 2) верховатый (о стиле) (БАРС)</p>
cursed [kə:st]	<p>cursed [kə:sɪd]</p> <p>а. I. 1) проклятый 2) проклятый, окаянный</p> <p>2. разг. упрямый cursed boy противный (упрямый) мальчишка</p> <p>3. эмоц. усил. cursed nuisance - уласная не- приятность what cursed weather! Какая гнусная погода!</p>
<p>cussed [kʌst]</p> <p>(to cuss vb-curse WSND)</p>	<p>4. уст. недоброежелательный, зловред- ный, злобный, гнусный (БАРС). cussed [kʌsɪd]</p> <p>а. амер. разг. проклятый, ненавистный; cussed fool проклятый дурак (БАРС)</p>

Причастие II	Адъективированное причастие= прилагательное
Jagged [dʒæɡɪd]	- jagged [dʒæɡɪd] а.1. зубчатый, негладкий; 2. амер.мор. уложенный в длинную бухту (о кабеле)
learned [lɜːnd]	- learned [lɜːnɪd] а.1. ученый, арудированный; learned scholar - ученый муж 2. научный, ученый; learned theory ирон. заумная теория 3. дрессированный (о животном)

В данном случае мы имеем дело с третьим уровнем лексикализации - фоно-морфологическим, на котором адъективированное причастие выступает как новая лексема - прилагательное, которое и семантически и фоно-морфологически отличается от соответствующего причастного образования.

В этом случае адъективированное причастие имеет полное право называться только омографом собственно причастия II и в словарях, безусловно, оно должно трактоваться как отдельная лексема.*

I.4. Итак, если при конверсии слово из одного лексико-грамматического разряда переходит в другой, при лексикализации грамматическая форма переходит в слово; в данном случае причастие II, как морфологический вариант глагольной парадигмы, переходит в прилагательное. В отличие от конверсии адъективизация причастия не является моментальным словообразовательным актом; при адъективизации причастия можно наблюдать уровни, определенные степени адъективизации: грамматический, семантический и фоно-морфологический.

Сокращения

- GAS - Crichton M. The Andromeda Strain. New York, 1970.
DRU - Davis M. The Room Upstairs. New York, 1970.
DGE - Delderfield R.F. God is an Englishman. New York. 1971.
HC - Heym S. The Crusaders. M., 1951.
GGQs- Greene G. Quiet American, M., 1968.
GMM - Gardiner E. The Case of the Moth-catenquink. New-York, 1962.
JD - Joyce J. Dubliners. New York, 1970.
JFAP- Priestly J. The Angel Pavement. M., 1975.
RNP - Roberts K. Northway Passage. New York, 1967.
SKD - Sillitoe A. Key to the Door. M., 1969.
SMS - Strong B. My Son, My Son. London, 1970.
SCR - Salinger J.D. The Catcher in the Rye. M., 1968.
TOGH- Capote T. The Grass Harp. New York, 1969.
WGS - Wells Lee E. Gun For Sale. New York, 1969.
WNS - Wright R. Native Son. New York, 1966.
EAPC - New English-Russian Dictionary in two volumes. M., 1972.
HD - Hornby A.S. Gotenby E.V. Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1960.
WSNOD-Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. New York, 1971.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Kennedy A. Current English. London, 1951; Sweet H. New English Grammar, London, 1872.
2. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical principles. Heidelberg, 1927, II, p. 366.
3. Visser F.Th. An Historical Syntax of the English Language. Leiden, 1963, p. 1128. Интерес представляет следующая историческая ссылка Виссера Ф. в цитируемой работе :
The usage is already quite common in Middle English, where the ending originally was -ande, -inde, -ende (wallinde hot, blusnande whyt, wedand wrop, passand gude) but where the ending -ing soon became preponderant. p.1128.

А.Я.БАНКОВ
ЛГУ им.П.Стучки(Рига)

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИННОВАЦИЙ
(на материале французского и латышского языков)

Лексика различных языков в ходе своего развития пополняется не только цельно-, но и раздельнооформленными лингвистическими единицами. Если цельнооформленная лексика уже давно служит объектом исследований, то раздельнооформленная лексика в целом еще мало изучена. Недостаточное ее изучение объясняется разными факторами, среди которых необходимо отметить:

- общее состояние изучения лексики отдельных языков;
- удельный вес самих аналитических единиц в том или ином языке.

Так, например, по сравнению с лексикой французского языка, лексика латышского языка находится только в начальном периоде изучения /1, с.15/. Следовательно, многие вопросы, относящиеся как к цельнооформленной, так и к раздельнооформленной лексике еще не изучены или изучены слабо. Степень изучения того или иного вопроса тесно связана с частотой употребления объекта исследования. Малоупотребительные формы, конструкции, сочетания и т.п. обычно подвергаются систематическому исследованию после того, как описаны и систематизированы наиболее типичные для данного языка явления.

Таким примером может служить аналитическая, в частности глагольная лексика французского и латышского языков. Во французском языке, где аналитические тенденции преобладают над синтетическими /2/ и где широко представлена аналитическая лексика /3/, систематическое изучение аналитизмов, хотя и началось сравнительно недавно, в настоящее время располагает данными синхронного /4/ и диахронного /5/ анализа, исследования перешли за рамки одного французского языка /6/.

В отличие от французского языка, аналитические глагольные единицы латышского языка еще не подверглись систематическому исследованию, главным образом из-за слабого изучения лексики в целом, а также из-за периферийного характера самих единиц. Латышские языковеды, ссылаясь на отрицательную оценку по данному вопросу, высказанную академиком Я.Эндзелином в 20-30 годах, относятся критически к возможностям употребления аналитических единиц, отдавая явное предпочтение цельнооформленной лексике. Лишь в последнее время, в связи со все возрастающим притоком аналитизмов, отношение меняется. Кроме того, если вопрос о "статусе" аналитических единиц французского языка в принципе решен, то в латышской научной литературе бытуют различные мнения. В учебном пособии "Сочетаемость глаголов и фразеология" /7/ в пределах только одной статьи утверждается, что *met astis* "бросить взгляд" не относится к фразеологии, а далее утверждается обратное. Не учитывается один из важнейших признаков аналитических единиц - их моделированный характер, т.е. образование по определенной структурно-семантической модели: глагол широкой семантики + существительное (чаще всего абстрактное): *met astis* "бросить взгляд", *met anu* "бросить тень", *met likumu* "одевать крок", *met krusti* "перекреститься", *met kulepus* "кувыркаться", *met mieru* "дать покой" и др.

Как составная часть лексической системы языка, аналитическая лексика французского языка образовалась постепенно. В настоящее время часть французских аналитизмов устарела и больше не употребляется: *donner part*, *avoir part*, *prendre liaison*, *se donner patience* и др. Часть аналитических единиц потеряла отдельные значения: *prendre part* "prendre intérêt"; *La part que vous prenez à sa convalescence*; *faire des mauvaises veilles* а qu. "lui faire un excellent accueil". У отдельных аналитизмов изменилась сочетаемость: *avoir peine de* - в классический период, *avoir peine à* - в современном французском и т.д./1/

В результате синонимической конкуренции полностью вытеснены аналитическими глагольными единицами цельнооформленные корреляты *se halter* (*faire halte*); *hommage* (*faire hommage*); *honte* (*faire honte*) и др. Однако, отмечает П.Гиро, во французском языке существует и противоположная тенденция, т.е.

аналитические глагольные единицы вытесняются цельными коррелятами. Это особенно характерно для разговорной речи: *faire une chute* = *chûter*; *faire route* = *router*; *avoir l'intention* = *intentionner*; *faire un rapport* = *rapporter* /8, с.57-58/

Как предполагает И.П.Микенайтэ, вытеснение синтетических глаголов аналитическими встречается гораздо чаще, чем вытеснение аналитических глаголов - синтетическими /9, с.158/. А это отвечает общему развитию аналитических тенденций в области образования аналитизмов - раздельнооформленных эквивалентов цельнооформленных слов.

Определенную трудность составляет фиксация времени появления аналитизма в лексике. Этимологические словари обычно регистрируют дату появления цельных слов, а не аналитических единиц. Лишь в последнее время в отдельных случаях французские словари (*Grand Larousse de la langue française*, *Lexis*) указывают, когда впервые встречена и аналитическая единица. Так, в словаре *Lexis* отмечено, что *faire bonne figure* появилось к 1050 г., *prendre son parti* - в 1664 г., *faire grief* к 1900 г. и т.д. Иногда приблизительную дату появления аналитизма можно установить, исходя из того, когда впервые зарегистрировано существительное-знаменательный компонент аналитической глагольной единицы. Такой прием может быть применен только к неологизмам, так как в противном случае могут быть допущены ошибки, не отражающие языковую действительность. Поясним сказанное на следующих примерах: этимологические словари французского языка отмечают, что слово *grief* впервые зарегистрировано в 1080 году, но аналитическая единица *faire grief* появилась только к 1900 г. Несколько иначе обстоит дело, если само существительное относится к неологизмам. Так, например, можно утверждать, что следующие аналитизмы появились, как и их знаменательные компоненты, в XX-ом веке:

faire le lob - (*lob* - 1907);

faire du lèche (*des vitrines*) - (*lèche* - 1910);

faire du lèche-vitrine - (*lèche-vitrine* - 1959);

faire une pause - (*café-pause* - 1960) и т.д.

Данный способ не обладает абсолютной точностью, он дает приблизительную картину о продуктивности той или иной словообразовательной микромодели и отражает некоторые общие явления, характерные для французского языка на современном этапе. Среди

таких явлений необходимо отметить усиливающееся влияние английского языка. Среди 4.000 новых слов, зарегистрированных "Малым Ларуссом" за период от 1949 по 1960 гг., 5% слов относятся к заимствованиям, половина которых /2,5%/ вошло во французский язык из английского /10, с.70/. Отметим, что новое слово включается в ежегодное издание "Малого Ларусса", если оно встречается в периодической печати не реже трех раз в неделю на протяжении пяти лет /II/.

Принято считать, что аналитизмы являются единицами собственно французскими по происхождению /I2/. Однако, в связи с ростом заимствований из других языков, и в первую очередь из английского, во французский язык проникают и аналитические единицы. Л.О.Коль считает, что созданию новых раздельноформленных единиц по сравнению с их цельноформленными коррелятами благоприятствуют следующие причины:

- легкость образования;
- определенная системность в восполнении свойств глагола;
- наличие в составе сложного коррелята именного компонента, определяющего появление новых свойств у образуемой единицы /I3, с.201/.

Благодаря моделированному характеру аналитизмов, легко образовать новые единицы по соответствующей структурно-семантической модели "глагол широкой семантики + абстрактное существительное". Самой распространенной во французском языке микро-моделью, по которой образуются все новые и новые аналитические единицы, является "глагол faire + абстрактное существительное" (см. предыдущие примеры).

Так как цельный глагол при заимствовании требует флексию инфинитива и личные окончания, то он заимствуется труднее, чем существительное. В таких случаях предпочтение нередко отдается аналитическими единицами (to clash д.ет не + clasher, а faire un clash). Кроме того, необходимо отметить, что аналитические единицы не просто дублируют свой синтетический коррелят (при наличии последнего), а вносят ряд дополнительных грамматических, семантических и стилистических характеристик /см.9 и I3/.

У аналитической глагольной лексики латышского языка есть много общих черт с французской. Но имеет она и ряд особенностей:

Во-первых, удельный вес аналитизмов, в частности глагольной намного меньше в латышском языке, чем во французском. Это объясняется некоторыми общими причинами, а именно:

- преимущественно синтетическим строем латышского языка с преобладающими синтетическими способами словообразования (аффиксация, словосложение);
- сравнительно небольшой семантической перегруженностью глагола;
- преимущественно мотивированным характером цельнооформленной лексики.

Во-вторых, по своему происхождению аналитические глагольные единицы латышского языка, как показывает предварительные данные, являются в своем большинстве кальками других языков. Как известно, для латышского языка основными контактными языками являются русский и немецкий, которые оказали влияние на формирование латышского литературного языка. Русский и немецкий, в свою очередь, скалькировали часть аналитизмов из французского языка. Дать ответ, какой из этих двух языков послужил языком-посредником, в каждом конкретном случае представляется весьма затруднительной задачей, так как вопросы о кальках в латышском языке еще мало разработаны. Задача усложняется также и тем, что, как в немецком языке, так и в русском существуют аналитические глагольные единицы с одинаковым набором компонентов, по образцу которых были воспроизведены соответствующие аналитизмы латышского языка. Ср., напр.:

фр. faire honneur	р. делать честь	лтш. darīt godu
?	нем. Ehre waschen	
фр. prendre part	р. принимать участие	лтш. ņemt dalību
	нем. Anteil nehmen	

И в этом обнаруживается тенденция к замещению тех аналитических единиц, которые проникли в латышский язык через немецкий, если последние по своей структуре не совпадают с аналогичными единицами русского языка. Так, например, darīt mieru уступил место кальке noslēgt mieru, которая, в свою очередь, взята либо из немецкого "Frieden schließen", либо из русского "заключить мир" (отметим, что во французском

существуют обе единицы *faire la paix* и *conclure la paix*).

В-третьих, в отличие от французского языка, где аналитические глагольные единицы свойственны всем языковым стилям, аналогичные единицы латышского языка чаще всего относятся к специальной лексике (научной, политической и т.п.) /14/.

В ходе развития латышского языка аналитическая лексика претерпела большие изменения как в количественном, так и в качественном отношении. Необходимо отметить в первую очередь большой приток аналитизмов, построенных по микромоделю "Глагол *izdarīt* "сделать" + абстрактное существительное". Несмотря на то, что в латышской лексикографии практически отсутствует этимологический словарь, есть основания полагать что большинство аналитических единиц данной микромоделю вошли в латышский язык в XX-ом веке: *izdarīt fotozņēmumu* "сделать фотоснимок", *izdarīt kodolizmēģinājumus* "провести ядерные испытания", *izdarīt kodolpētījumus* "провести ядерные исследования", *izdarīt lidojumus* "совершить полеты", *izdarīt atkāpi* "сделать отступление", *izdarīt aprēķinu* "провести вычисления" и др.

Продуктивной является также аналитическая словообразовательная модель "глагол *dot* "дать" + абстрактное существительное" типа *dot priekšstatu* "дать представление", *dot pārskatu* "дать обзор", *dot gandarījumu* "дать удовлетворение" и др.

Напротив, уменьшилась продуктивность единиц, построенных по микромоделю "глагол *darīt* "делать" + абстрактное существительное". Часть аналитизмов этой группы устарела и больше не употребляется: *darīt derību* "поспорить", *darīt zēlastību* "пожелеть", *darīt starpību* "создать разницу" и др.

В итоге можно сделать вывод, что в обоих языках аналитическая глагольная лексика жизнеспособна, но она относится к так называемой "наличной" лексике, т.е. представляет собой слова, присутствующие в сознании носит лей языка.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Lapa A. *Latviešu leksikologija*. R., 1969, 15.
2. Bally Ch. *Traité de stylistique française*. Gênéve-Paris, 1951.
Guiraud P. *Les locutions françaises*. Paris, 1961.
Гурмичева М.С. Основные пути развития словосочетаний во французском языке. - ВЯ, 1965, №6.
3. Парфёньев В.Н. Удельный вес аналитизмов в лексической системе современного французского языка. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Минск, 1975.
4. Девят В.Н. К проблеме аналитического слова в современном французском языке. Минск, 1968.
5. Дашкова С.А. Сопоставительный анализ устойчивых словосочетаний т.па VN во французском языке XVI и XX веков. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Минск, 1970.
Воротынец Е.Н. Развитие аналитической словообразовательной модели V + N в старофранцузском языке. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Минск, 1973.
6. Лавинкевич И.С. Сравнительно-сопоставительное изучение аналитических глаголов в романских языках (на материале французского, итальянского и румынского языков). Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Минск, 1975.
7. *Verbu un frazeologismu saistamība*. R., 1975.
8. Guiraud P. *Le français populaire*. Paris, 1969.
9. Микенайте М.П. О системном взаимоотношениях синтетических и аналитических глаголов современного французского языка. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Минск, 1970.
10. *Mittérand H. Les mots français*. Paris, 1968.
11. *Vie et langage*, 1971, janvier.
12. *Georgin R. Guide de langue française*. Paris, 1969.
13. Коль Л.О. К проблеме устойчивых коррелято- глагола в современном французском языке. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Горький, 1966.
14. Банкад А.Я. Некоторые различия в сфере употребления аналитических глагольных единиц в современном французском и латышском языках. - В кн.: *Иностранные языки в высшей школе*, Р., 1975, вып.2.

РОЛЬ АНАЛОГИИ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
ТИПА **WORK-IN** В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Развитие языка обусловлено, в первую очередь, развитием его словарного состава и словообразовательной системы.

Создание новых слов, пополнение словарного состава языка тесно связано с функционированием языка в обществе, с появлением новых понятий, которые связаны с научно-технической революцией, происходящей во всех областях человеческой деятельности, и с различными изменениями в общественно-политической и культурной жизни народа и даже всего мира, так как именно общественные потребности народа приводят к появлению новых слов, к обогащению словарного состава языка. Это, в конечном счете, играет большую роль в развитии и совершенствовании языка в целом.

Проблема развития современного английского языка, в том числе и проблемы пополнения словарного состава языка, за последние десятилетия исследовались многими отечественными и зарубежными лингвистами и описаны в специальных монографиях, диссертациях и научных статьях /1/. Изменения в словарном составе современного английского языка отражены и в новейших изданиях словарей, в дополнениях к ним и в специальных словарях неологизмов /2/. Проблема пополнения словарного состава современного английского языка регулярно рассматривается в некоторых лингвистических журналах (напр., "American Speech", "Lebende Sprache", "Word Study" и др.), обзор новых слов дается и в "Ежегоднике Британской Энциклопедии" ("Britannica Book of the Year..."). Однако, еще не все исследовано до конца, имеется еще много проблем (напр., роль некоторых словообразовательных моделей и некоторых групп словообразований в пополнении словарного состава и др.), которые ждут своего решения.

Практика и теоретические исследования показывают, что в определенное время различные формы словообразования прояв-

являются с различной интенсивностью, что весь язык не меняется сразу, а в различное время изменяются лишь отдельные элементы или группы элементов языка, в том числе и словообразовательные. Но, как правило, новое в языке обычно опирается на старое, т.е. в создании новых слов используются уже существующие в языке словообразовательные модели и элементы языка. Несмотря на это, иногда появляются и новые высокопродуктивные модели словообразования, или менее активные модели становятся более активными, или наоборот. Наша задача при изучении словообразования и пополнения словарного состава языка выяснить ту роль, которую та или иная словообразовательная модель играет в обогащении словарного состава языка в данное время, увидеть, определить и прогнозировать новые тенденции, модели и словообразовательные элементы, которые, в начале иногда являясь инновациями, могут играть большую роль в развитии языка.

Исследуя конкретный языковой материал, мы видим, что интенсивное расширение словарного состава современного английского языка, связанное с возрастающими темпами изменений в жизни общества, вызывает некоторые новые лексико-словообразовательные процессы особенно при создании новых слов в области научно-технической и общественно-политической лексики, об одном из которых — о создании новых слов по аналогии пойдет речь в нашем исследовании, задачей которого является анализ слов-новообразований типа work-in [3]. Слова этого типа отражают новые формы общественного протеста и общественных акций и представляют большой интерес как для лингвистов, лексикографов и переводчиков, так и для преподавателей английского языка и для студентов, изучающих английский язык.

Словарный состав современного английского языка за последние десятилетия в значительной мере обогащается за счет существительных типа $V+Adv \rightarrow N$ [1], которые создаются [1] путем конверсии (напр., check-up ← to check up), [2] посредством эллипсиса (напр., sit-in ← sit-in strike) или [3] по аналогии (напр., work-in по аналогии с sit-in, teach-in). Слова, созданные по последней модели, являются своего рода инновациями в современном английском языке, хотя и при создании этих слов используются старые, уже существующие в языке элементы (морфемы) и словообразовательный процесс аналогии, который также в принципе не является новым.

Процессу образования слов типа $V+adv \rightarrow N$ способствуют как интралингвистические факторы - способность и активность дать длинные ряды новообразований и частотность употребления этой модели, ее встречаемость в текстах и реализация в речи, так и экстралингвистические факторы - социальная потребность общества в специальных лексических единицах, что также увеличивает продуктивность создания слов этого типа.

В настоящей статье мы рассмотрим, как это уже было отмечено выше, только один из способов образования существительных типа $V+adv \rightarrow N$, т.е. образование новых слов этого типа по аналогии.

Словообразование по аналогии - это весьма специфический способ создания новых слов. Учение об аналогии в языке создал Г. Пауль /5/ и Б.И. Вилер /6/ к концу XIX века. Аналогии уделяли внимание и некоторые другие лингвисты /7/, но еще до сих пор аналогия в словообразовании не изучена полностью.

В настоящей работе под аналогией в словообразовании мы понимаем образование новых слов по моделям известных, уже существующих в языке слов простым суммированием морфем (слов).

Моделью (аналогом) группы слов типа work-in послужили слова sit-in и teach-in, в которых -in является элементом с основным значением "протест; демонстрация протеста" или как бы совмещающим в себя два основных значения: /1/ "протест; демонстрация протеста" и /2/ "разъяснительная кампания" /8/. Частое употребление слов sit-in (с 1961 г.) и teach-in (с 1965 г.) вызвало появление многих других слов этого типа, напр., be-in (= a public gathering of hippies, etc. in protest against something or somebody), pray-in (= praying in segregated churches), sleep-in (= staying, sleeping in a college, library, factory, etc. at night) /9/ и др., образованных по аналогии с вышеупомянутыми sit-in и teach-in, особенно в 60-х годах, в период бурного волнения и различных акции молодежи, негров и других слоев населения в США и других странах английского языка. И в наши дни число существительных типа work-in неуклонно растет, при чем элемент -in становится словообразовательной морфемой, полусуффиксом /10/ для создания новых слов, обозначающих сходные явления вышеупомянутого семантического поля.

Конечно, многие слова этой группы возникли и возникают

оказионально /II/, для одноразового или немногоразового употребления, некоторые свойственны определенным функциональным стилям языка, особенно языку печати, напр.:

A "guitar-in"... will be held at the Royal Festival Hall on September 25.

Morning Star, September 14, 1967

В этом примере guitar-in (= a protest meeting at which famous guitarists perform) является оказиональным образованием, в то время как, например, be-in и squat-in(=an illegal occupation of empty living houses), данные в последующих примерах, обычно употребляются в языке печати:

The Big Be-In, the first Be-In that they called a Be-In, in 1967 - that was the peak.

Plays and Players, 1975, No. 6, p. 47

Stirling University students yesterday had a squat-in...

Morning Star, February 27, 1975

Все слова типа work-in , созданные по аналогии с sit-in и teach-in , являются словами так наз. "прозрачной" морфологической структуры, поскольку знание модели, значения элемента -in и того, что в формированиях этого типа первый элемент слова только показывает, с помощью какого способа эта "демонстрация протеста" или "разъяснительная работа" была осуществлена, дает нам возможность "разгадывания" нового, в начале как бы неизвестного, слова. В качестве иллюстрации приведем несколько примеров:

When we speak of occupying the yards we do not merely mean a sit-in. We intend to continue producing ships... We shall have a work-in, which is unique in trade union history....

Morning Star, July 28, 1971

There have been sit-ins, lie-ins, stand-ins, eat-ins, shop-ins, sleep-ins, swim-ins and sing-ins.

New York Times, March 28, 1965

(Quoted from "Supplement to the CED, vol. II, London, 1976, p. 270)

Из последнего примера видно, что значения слов lie-in (=a protest demonstration in which people lie down to block traffic, the access to a building, etc.), stand-in (=standing in a line to enter segregated facilities, such as theatres, etc.), eat-in (=collective eating in a segregated restaurant, canteen, etc.), shop-in (=a protest boycott by Negroes against white merchants), swim-in (=swimming usu. by Negroes in segregated swimming-pools) и sing-in (=a protest demonstration in which topical songs are sung) могут быть легко "отгаданы". Такие же "прозрачные" значения имеют и слова walk-in, drive-in, study-in и bury-in в следующем примере:

A Civil Rights leader called for walk-ins in art galleries and museums, drive-ins at segregated motels and roadside ice cream stands, sit-ins in court rooms, study-ins at segregated schools, and bury-ins to integrated cemeteries.

Tuscaloosa News, May 18, 1961

(quoted from H. Wentworth and S.B.

Flexner. Dictionary of American Slang.

New York, 1967, p.714).

В настоящей работе мы не ставили своей задачей определить точное место аналогии среди всех словообразовательных средств. Мы также не претендуем на полный охват процесса образования слов типа V+Adv → N по аналогии в современном английском языке, но на основании проведенного анализа образования существительных типа work-in мы все-таки можем сделать несколько выводов.

1. В развитии системы словообразования современного английского языка активную роль начинает играть аналогия, особенно при создании слов типа work-in.

2. Хотя и общее количество слов типа work-in, образованных по аналогии, свидетельствует о продуктивности данной модели, в то же самое время надо учесть, что эта продуктивность должна быть определена как потенциальная возможность этой модели образовывать новые, в том числе и окказиональные, слова.

3. На основании нашего исследования мы можем, хотя бы частично, прогнозировать основные тенденции обогащения словарного состава за счет слов типа work-in и определить некоторые

происходящие изменения в словарном составе современного английского языка.

4. Можно предположить, что закономерности, присущие процессу возникновения новых слов типа work-in обусловлены как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

5. Создание за последние десятилетия довольно большого количества слов типа work-in, способствовало активизации морфемы -in и осознанию ее как словообразовательного элемента, как своего рода нового полусуффикса (или суффикса) существительных с постоянным семантическим значением.

ОСЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. См., напр., Barber Ch. *Linguistic Change in Present-Day English*. Edinburgh-London, 1966; Foster B. *The Changing English Language*. London, 1969; Potter S. *Changing English*. /2nd ed./ London, 1975; Marchand H. *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation*. /2nd ed./ München, 1969; Adams V. *An Introduction to Modern English Word-Formation*. London, 1973; Мешков О.Д. *Словообразование современного английского языка*. М., 1976; Карацук П.М. *Словообразование английского языка*. М., 1977 и др.
2. См., напр., Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Springfield, Mass., 1971; The Random House Dictionary of the English Language. New York, 1966; Supplement to the OED. /Vols. I-II./ London, 1972, 1976; 6,000 Words: A Supplement to Webster's Third New International Dictionary. Springfield, Mass., 1976; Barnhart C., Steinmetz Sol, Barnhart R.K. *A Dictionary of New English: 1963-1972*. London, 1973.
3. Work-in = a protest demonstration in which the workers go on working disregarding the rules and orders of the administration which forbid them to do so; слово образовано в 1971 г. по аналогии с sit-in (= an organized passive protest demonstration in which participants seat themselves and refuse to move until their demands are considered) и teach-in (= a critical discussion of a public issue).
4. V=verb; Adv=adverb; N=noun. Подробнее о существительных этого типа см.: Lindelöf U. *English Verb-Adverb Groups*. con-

- verted into Nouns. Helsingfors, 1937; Raškevičs J. Verb-Adverb Nouns in Modern English. - В кн.: Вопросы германской филологии. Р., 1969.
5. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1880.
6. Wheeler B.I. Analogy and the Scope of its Application in Language. Ithaca, 1887.
7. См.: Никитина Ф.А. Влияние аналогии на словообразование. Киев, 1973; Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1968.
8. Имеются и слова с -in как вторым элементом, принадлежащие к другим подгруппам (семантическим полям), о чем см.: Raškevičs J. Substantives of the sit-in type in Modern Engl.- В кн.: Вопросы английской филологии. Р., 1973.
9. Расшифровка значений дается по словарю: Raškevičs J. Dictionary of Verb-Adverb Nouns. R., 1971.
10. В некоторых лексикографических источниках этот элемент - трактуется уже как суффикс. (См.: Supplement to the OED, vol. II. London, 1976; Hornby A.S. а.о. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. /3rd ed./, London, 1975).
- II. Поскольку при возникновении слова нельзя предугадать, будет ли оно "однодневкой" или войдет в словарный состав языка, в настоящей работе мы подвергаем анализу и так наз. окказиональные слова.
- О границах между окказиональными и узувальными словами см.: Raškevičs J. Longevity or the Occasional Character of Verb-Adverb Nouns in Modern English. - В кн.: Вопросы германской филологии. Р., 1970.

РОЛЬ СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО МЕТОДА ПРИ
ОПРЕДЕЛЕНИИ ИННОВАЦИЙ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА (на материале вещественных
прилагательных)

В предлагаемой статье делается попытка показать роль истории языка в определении инноваций в грамматической системе современного французского языка и тенденций его развития. Мы считаем, что "при структурной характеристике современного языка изучение его вне связи с существующими языковыми состояниями не позволяет определить характер инноваций и тенденции развития данного романского языка"/I, с. 32/.

Обратимся к данным сравнительно-сопоставительного анализа осуществленного автором статьи на материале вещественных прилагательных (ВП) и их функциональных эквивалентов двух исторических срезов (XI-XIII вв. и XX в.).

Наблюдения позволяют установить, что французский язык унаследовал мало собственно латинских ВП: *ciérge cereus* (de *cire* estain *stagnus* (d'*étain*), *linge lineus* (de *lin*), *laage* < *laneu* (de *laine*), *lin* < *lineus* (de *lin*). К тому же, данные единицы вскоре субстантивируются, уступая место своим раздельнообразованным коррелятам *de cire*, *d'étain*, *de laine*, *de lin*. В старофранцузский период основными способами характеристики предмета через отношение к материалу являлись синтетические слова и аналитические структуры модели *prép. + N* типа *d'or*, *d'argent*.

Сопоставление словообразовательных подсистем ВП двух языковых срезов обнаруживает глубокие преобразования в структуре словопроизводства и дает основание говорить о создании новой словообразовательной системы французского языка. В целом модификация происходила в направлении уменьшения вариативности корневых и аффиксальных морфем, усложнения словообразовательной подсистемы ВП и обогащения их структурных моделей. Структурные типы старофранцузских ВП были представлены простыми лексемами (*gris*, *troine*, *vair*, *estain*, суффиксальным мо

лированием (*fustin, cendreaux*) и парасинтетическими образованиями *caergillié, émbetumé*. Современный язык развивает префиксальное моделирование и словосложение на неолатинской и неогреческой основе (*anticalcaire, hydrocristallin, trisodique, monosodique, adipomalique, albumino-caséeux, pero-silicaté*), значительно увеличивается роль конверсии (*beurrer, cotonnier*), исчезают корневые единицы. Инновацией в словопроизводстве ВП являются также образования модели "префикс. + сущ." типа: *anti-brouillard, antirouille antifumée, mi-laine, demi-sel*.

Исследователи /2; 3, с.191/ усматривают в них новую, редкую для префикса функцию транспозитора базового существительного в класс прилагательных, которую связывают с продуктивностью процессов адъективации в современном французском языке. Лексема проявляет тенденцию к морфологическому огласованию с существительным: *des peintures antirouilles* /4, с.185/.

В обоих языках господствующим средством образования ВП выступает суффиксация. Однако, в старофранцузский период аффиксальное моделирование реализуется на народной основе (72,7%), книжные образования и латинские заимствования на фоне словарного состава XI-XIII вв. представляли собой необычные и чужеродные элементы, тогда как в современном языке преимущество на стороне книжных корневых и аффиксальных элементов, а также иноязычных слов (77,5%). Данное обстоятельство подтверждает положение о том, что в современном языке относительные прилагательные создаются в основном от латино-греческих и иноязычных основ, к которым присоединяются, как правило, аффиксы также латино-греческого происхождения /5, с.105, 106; 6, с.93/. Единый путь словопроизводства способствовал этимологической однородности словарного состава древнего языка и обеспечивал четкую структурную оформленность и семантическую прозрачность образований. Двойственный же путь французского словообразования определил дублетный характер его лексики, затемнил и нарушил словообразовательные связи, затруднив тем самым словообразовательные процессы в языке и обусловив изоляцию французского слова в народном фонде. Ср.: *graisseux-adipeux-lipolde; reaucier-cutané-épidermique*. Каждая из основ имеет тенденцию к развитию целой серии однокоренных образований. Особой продуктивностью отличаются книжные и иноязычные основы: *laitier, laitex-lactaire, lactique, lactéal, lactescent, lactifère, lactogène*.

В итоге исторического развития произошла перегруппировка словообразовательных средств, изменилось место отдельных аффиксов в словообразовательной системе языка. Так, в частности, в старофранцузский период наибольшую продуктивность в формировании ВП обнаруживают модели с *-in*, *-e*, *-euz*. Высокая продуктивность и употребительность *-in* позволяет выделить данный формант в качестве специального суффикса старофранцузских ВП /7, с.73/. Исчезновение из словарного состава 70% ВП предопределило судьбу 16 (4%) суффиксов, исчезнувших вместе с ними из категории ВП: *-is*, *-et*, *-ois*, *-aa*, *-easse*, *-enque*, *-age*, *-ace*, *-able*, *-on*, *-ide*, *-oir*, *-art*, *-ol* и др. Однако, вместо утраченных народных появились 26 новых, книжных формантов. Современный язык создал и активизировал модели с латино-греческими словообразовательными морфемами: *-fère*, *-forme*, *-cide*, *-gène*, *-voge*, *-phile*, *-phage*, *-pare*, *-fuge*, *-phobe* и др. Особой продуктивностью отличаются ВП с *-ique*, *-fère*, *-gène*: *amylrique*, *bismutrique*, *aluminifère*, *argilifère*, *phosphorogène*, *lactogène*. Активизация книжных формантов подтверждает мнение ученых, которые утверждают, что в словопроизводстве современного французского языка принимают участие преимущественно книжные формы суффиксов /8, с.44-57; 9, с.39/. Явно выраженный книжный характер современных ВП обуславливает такие их характеристики как однозначность, стилистическая нейтральность, отсутствие эмоциональной окраски, ограниченные возможности окачествления, принадлежность периферийным слоям лексики. Как явствует из анализа, основное пополнение лексико-грамматического класса ВП осуществляется за счет терминологических образований: 90% (193 из 213 ВП) XX в. принадлежат периферийным терминологическим подсистемам. Их переход в общеупотребительный словарь связан с процессами окачествления.

Народные основы и аффиксы имеют ограниченное функционирование в словообразовательной подсистеме ВП. В силу своих лексико-семантических характеристик они служат, как правило, образованию прилагательных широкой семантики, выражающих обобщенное значение качества, часто "отягощенное" различными экспрессивно-эмоциональными оттенками /6, с.281/, что делает предложенное определение основным средством выражения относительного признака в общеразговорном языке.

Существенные изменения произошли в семантическом объеме

словообразовательных типов ВП и всей словообразовательной категории ВП в целом. В центре семантико-грамматического поля старофранцузских ВП находились отношения к материалу, из которого сделан предмет. Данное значение было свойственно 126 из 287 (44%) ВП. В современном французском языке указанный словообразовательный тип смещен на периферию отношений, его место заняло значение "оодержащая данное вещество" (506 из 1008 ВП - 50%). Изменилось также соотношение словообразовательных типов некоторых основных структурных моделей. Так, доминирующим значением $N_{\text{вещ.}} + \text{ia}$ было "сделано из", в настоящий период структура выражает, главным образом, сходство признака по цвету. В целом, основные преобразования семантического объема ВП происходили в направлении постепенного вытеснения из синтетического словообразования словообразовательного типа, указывавшего на отношение к материалу, из которого сделан предмет, а также отношения части к целому. Указанные функции перешли к аналитической модели $\text{prép.} + N$: palais marbré - palais de marbre; branche sauchine - branche de saule. В данных преобразованиях проявляется тенденция языка к специализации и функционально-семантической дифференциации оредотв выражения. С особой силой действие указанной тенденции обнаруживается при сопоставлении однокоренных образований. Наблюдения показывают, что старофранцузскому языку свойственна функционально-семантическая равнозначность различных элементов языковой структуры, выражающей в наличии значительного количества эквивалентных единиц, отношения между которыми основаны на тождестве смысловой, стилистической и дистрибутивных сторон. Ср.: palais marbré - colonnes marbrées - palais marbricis - piles mar'ri -रणण maubrier - usage marbre - fenestres marbrées - palais de marbre,रणण de marbre - piles de marbre - fenestres de marbre. Возможность образования равнозначных производных от одной основы почти утрачена в современном языке /Ю, с.74/. Симптоматично, что семантическое тождество в настоящий период сопровождается, как правило, противопоставлением временного, локального, стилевого и дистрибутивного порядка. Ср.: éclat diamantin (устаревшая форма), une eau diamantée (наиболее употребительная форма), pierre diamantaire (характеризуется фразеологической связанностью, сочетается только с pierre); sel aurique (химический термин), sable aurifère (употребля-

ется в геологии); un blouson pure laine (реклама), une robe de laine (общелитературный язык); fond vaseux (общенародный язык), fond vasard (диалектальное образование). Абсолютная семантико-функциональная эквивалентность характеризует в основном терминологию (*plante saxatile, vaxicole*), тогда как в XI-XIII вв. она являлась неотъемлемой чертой зарождающегося общенародного языка и предопределялась развитием всей его лексико-грамматической системы. Изживание семантической дублетности, излишней полисемии, упорядочение лексики в семантическом и функциональном отношениях составляло, наряду с продолжавшимся обогащением её состава, основное содержание развития лексико-семантической системы языка, получив свое завершение лишь в языке сформировавшейся французской нации.

В целом, словообразовательные процессы категории ВП подчиняются общей тенденции словообразовательной системы современного французского языка к функциональной дифференциации словообразовательных средств, проявляющейся в том, что народная форма образует корневые слова и участвует в безаффиксальных видах словопроизводства, укрепляя аналитические способы выражения в обиходной, бытовой лексике, тогда как книжная форма участвует в синтетическом словообразовании, укрепляя, тем самым, элементы синтеза в научно-технических и публицистических стилях /9, с.40; II, с.56, 57; I2, с.47/. В связи с этим многолетние дискуссии о жизнеспособности французского словообразования представляются необоснованными. Сопоставительный анализ двух этапов развития французской словообразовательной системы (в начальный период её формирования и на современном этапе развития) свидетельствует о жизнеспособности и продуктивности многих моделей в терминологических подсистемах и публицистическом стиле. Об ослаблении деривации можно говорить лишь по отношению к народным формам словообразования в общеупотребительной лексике. Однако, в данном случае аналитические средства компенсируют недостатки французской словообразовательной системы.

Исследование аналитических способов выражения вещественного признака свидетельствует о том, что характеристика по материалу представляла сферу наиболее активного и продуктивного функционирования аналитических способов выражения относительного признака в XI-XIII вв. 797 (58,5%) из 1360. По употребительности аналитические конструкции значительно превосходили

своих соперников. Это говорит о том, что структурные особенности современного языка, характеризующие доминирующее положение аналитических способов выражения вещественного значения, были заложены, очевидно, уже в народной латыни. Изучение устойчивых сочетаний модели $n\text{б}р. + N$ типа *d'ivoire* обнаруживает идентичность процессов лексикализации в старофранцузском и современном французском языке. Параллелизм проявляется как в критериях лексикализации, так и в типах самих лексикализованных образований. Группы вещественной характеристики лексикализуются либо отдельно (*les ages d'or, le siècle de fer, le poële d'or*), либо в составе атрибутивных словосочетаний (*huile d'olive, pain de terre, clous de girofle, mouche à miel, chape à pluie, Dent de Fer, Coste de Fer*). Данный факт свидетельствует о том, что словообразовательный тип $d'or, d'argent$ (*poëse*), *de plomb* (*sommeil*), *poëme de terre, chemin de fer, poële à gaz, roële à bois* не является новым. Новое состоит в том, что в настоящее время этот тип приобретает значительное распространение и характеризуется все растущей продуктивностью /13, с. 91/.

Аналогичный вывод можно сделать относительно конструкций $N + N$ типа *semelle cuir, tablettes bois ou acier*. В современной лингвистической литературе распространенным является мнение о том, что данная конструкция возникла в очень поздний, близкий к современности период /14, с.17; 15, с.46/. Однако, данные сопоставительного анализа свидетельствуют о древности указанного типа. Её существование в старофранцузский период отмечает К.Нирон *une maistre piegre, mon palais enesetre, sobre piliers de pierre marbre* /16, с.315/. Е.М.Чекалина /17, с.15/ проследила, что корни конверсии в области цветообозначения восходят еще к XIII-XIV вв. (*escarlate, rouigre*). Синтаксический прием передачи определительных отношений средствами примыкания получает неограниченные возможности применения в современном французском языке, особенно в языке торговли и рекламы, что свидетельствует о все возрастающей роли порядка слов как средства выражения грамматических отношений между словами. Последнее связано, в свою очередь, с ослаблением не только суффиксальной, но и флективной характеристики французского слова, с его "стерильным характером" /18, с.191/.

Таким образом, сопоставительное исследование двух исторических срезов позволяет определить подлинную сущность инноваций словообразовательных средств относительных прилагательных современного французского языка. То, что происходит в современном французском языке, представляет собой не радикальное преобразование его словообразовательного строя, а всестороннее использование всех его потенция.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Гурычева М.С. Роль истории языка в определении тенденции развития современного языка и инновации в его грамматической системе. - В кн.: Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков. Минск, 1970, ч. I, с. 31-41.
2. Донец И.И. Об одной продуктивной словообразовательной модели в современном французском языке. - Известия Филология, 1966, вып. 10., с. 97-103.
3. Штейнберг Н.М. Аффиксальное словообразование во французском языке. Л., 1976, 203 с.
4. Grand Larousse de la langue française. Paris, Larousse, 1971, t. 1.
5. Левит З.Н. К вопросу о "книжном" словообразовании в современном французском языке. - Учен. зап. Минского ГПИЯ, 1960, вып. 2, с. 99-107.
6. Sauvageot A. Portrait du vocabulaire français. Paris, 1964. 300 p.
7. Аллендорф К.А., Гурычева М.С., Катагощина Н.А. История французского языка, М., 1976. 319 с.
8. Marouzeau J. Notre langue. Paris, 1954. 128 p.
9. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. 264 с.
10. Гурычева М.С. О закономерностях в словообразовании романских языков. - Вопросы языкознания, 1954, № 1, с. 69-84.
11. Левит З.Н. Очерки по лексикологии современного французского языка. М., 1969. 80 с.
12. Dubois J. Etude sur la dérivation suffixale en français moderne et contemporain. Paris, 1962. 118 p.
13. Beauveniste E. Formes nouvelles de la composition nominale. - В. S. L. P., 64 fasc. I, 1966, pp. 82-95.
14. Арутюнова Н.Д., Вольф Е.М., Карулин Д.А., Лухт Л.И. О сопоставительном синтаксисе романских языков. - В кн.:

- Вопросы романского языкознания. Кишинев, 1963, с.17-26.
15. Бородина М.А. Историческая морфология французского языка. М.-Л., 1965. 230 с.
16. Нугор К. Grammaire historique de la langue française. Copenhague, 1908, t.3. 459 p.
17. Чекалина Е.М. Историко-семасиологическое исследование прилагательных цвета во французском языке XI-XVI вв. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1972. 16с.
18. Шигаревская Н.А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Л., 1970. 216 с.

Т. В. КОРОЛЬ

ЛГУ им. П. Стучки (Рига)

ОСОБЕННОСТИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ДЕНОМИНАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

(на материале немецкого языка)

Среди окказиональных единиц обращает на себя внимание деноминативные глаголы. Это всегда глаголы слабого спряжения, образованные от имени существительного - нарицательного или собственного.

Деноминативные глаголы достаточно широко представлены в немецком словообразовании (schaufeln, teeren и т.п.), поэтому образование окказионализмов-глаголов от основ существительного представляет собой относительно закономерное явление. Следует заметить, что окказионализмы данного типа отличаются своей эмоциональной нагрузкой (см. примеры ниже), в которую входит не только прямое соотношение "действие-предмет", но и все явления, сопутствующие существительному, от основы которого образован окказиональный глагол.

Анализируя вербальное словообразование В.Флейшер отмечает среди производных глаголов такие, которые образованы от номинативных единиц.

В разделе об их семантической классификации В.Флейшер выделяет особый вид, в котором существительные, являющиеся основой производного глагола, выполняют функцию обстоятельственного дополнения. Это орнативные глаголы, допускающие трансформу с помощью добавления глагола "снабжать чем-либо". Например: fetten - смазывать жиром (снабжать жиром), teeren - смолить (снабжать смолой). Присоединяясь к мнению Х.Марчанда, В.Флейшер относит к этой группе:

1.) глаголы, отражающие инструментальные отношения, как например: hämmern - бить молотком, kloppeln - бить в барабан;

2.) глаголы, отражающие локальные отношения, как например: knien - становиться на колени, landen - приземляться;

3) кроме того, сюда же относятся и привативные глаголы, формальной отличительной чертой которых являются префиксы "aus-" и "ent-". Этот способ словообразования, как уже указывалось, распространен и среди окказионализмов /I/.

В процессе образования окказионального глагола, соотносимо-го с традиционными глаголами, часто опускается один член (иногда два члена) парадигмы. Таким образом, появляется глагольная форма при отсутствии самого глагола. Например: Hier wird... gerolkt und getangot (F. Wiens). В данном случае образовано причастие прошедшего времени - ge+rolkt+t, ge+tangot+t - без наличия соответствующих глаголов - polka + en, tango + en.

Примечание: В современном немецком языке отметим несколько глаголов, родственных приведенным в качестве примеров окказионализмам. Например - "foxtrotten" и "twisten". Данные глаголы спрягаются аналогично глаголам немецкого языка: "Sie twisteten und foxtrotteten nach den Klängen der Armeekapelle..." "Der Gegner soll nicht wissen, dass Soldaten zuweilen twisten..." /2;3/.

Случаи окказионального словообразования показывают, что без наличия глагола возможно образование:

- а) только 2-го лица единственного числа - "Du iselst mich" (W. Schreier).
- б) только 3-го лица множественного лица - "Tränen wolken, Stürme Mezzern" (W. Schreier).
- в) только причастия прошедшего или настоящего времени (примеры приведены выше).

К числу окказионализмов (окказиональных причастий прошедшего времени), образованных по модели $ge + N_{st} + t$ относятся и такие, где в качестве основы номинативной единицы выступает имя собственное: "Geringelutzt, gemorgensternt und manchmal was dazu gelernt" /4/.

Творчество писателей Х. Morgenstern и Н. Ringeltaub относится к периоду конца XIX и начала XX века. Чтобы понять семантику глагольных форм, образованных от имен этих поэтов, необходимо знать основные направления их творчества. Критические статьи отмечают, в частности, следующее:

Morgenstern, Chr (1871-1914) - Lyriker, Dramatiker, Übersetzer. "Hinter diesen witzig-ironischen, auch gedankentief-melancholischen Gedichten steht das Dichters bohrende, ehr-

liche... skeptische Sinnsuche in einer vom Imperialismus geprägten, die Kontaktlosigkeit des Menschen produzieren - den Welt."

Ringelnatz, J.-(1883-1934). "Dieser Poet des Prosaischen bedachtete triviale Dinge wie Pellkartoffeln und Bedürfnisanstalten, trieb mutwilligen Scherz mit Grammatik und Versform, zerschneidte Wörter und schiedete aus den Bruchstücken neue..."

Иногда окказионализмы данного типа оказываются схожими с традиционными вербальными формами. Например, в следующих случаях: а) Э.Кильвель образует окказионализм "gut geriesel" от имени советского стилиста Э.Ризель. Совпадает в данном случае форма причастия прошедшего времени - "geriesel" от глагола "rieseln" - струиться, течь, "курчать" и окказионального причастия - "ge-Riesel-t" без наличия соответствующего глагола; б) Композитор М.Регер употребил окказионализм "frisch gewagnert", перефразировав известную поговорку - "frisch gewagt ist halb gewonnen". В данном случае преобразовано причастие "gewagt" в "gewagnert", причем последнее образовано от основы - имени собственного - Р.Вагнер, как саркастический намек на далеко не бескорыстное подражание Р.Вагнеру со стороны некоторых молодых композиторов.

Надо указать, что окказионализмы, в основе которых лежит имя собственное, являются в большей или меньшей степени словами-шутками (Wortscherze), или такими словами, в которых говорящий - автор окказионализма - предельно спрессовывает семантическую характеристику, возводя новое слово в ранг понятия. Но для этого необходимо, чтобы партнер был хорошо информирован о лице, имя которого послужило основой новообразования.

Имя собственное может внести в новое словарное образование некоторые признаки, связанные только с лицом-носителем имени. Так в вышеприведенном примере "gut g riesel" автор имеет в виду стилистическую сторону текста, поскольку Э.Ризель является одним из ведущих специалистов немецкой стилистики в СССР. Иные факторы следует отметить в примере из рассказа Х.Нахбара "Bis Feldherr sieht seine Mutter". Ситуация: конец войны; молодой человек приветствует пожилого рабочего словами "Хайль Гитлер!", на что рабочий отвечает: "Es hat sich ausgehiltert, wir sagen wieder "Guten Tag!". Окказиональное образование

"es hat sich ausgehiltert" указывает не только на сему "das Entnehmen, das Schwinden von x", т.е. исчезновение, окончание (ликвидация) чего-нибудь, свойственную префиксу "aus-" в соединении с субстантивной основой, как например в слове - "ausbuchen". В данном случае окказионализм точно определяет, что исчезло, окончилось, было ликвидировано.

Сравните аналогичный пример из романа Ст.Гейма "Die Augen der Verhaft". В предложении "...es hatte sich ausgehiltert" окказиональное причастие прошедшего времени "ausgehiltert" означает отставку министра Долецая и сопутствующие данному событию причины.

— Каспар Какуц образует окказиональные глагольные формы от имен собственных несколько иным путем, а именно - путем гаплогического словосложения. Например: "...man tritt lieber den ausgetretenen epigonischen Pfad und Hilderlitankeit, ringelriket und georgelt nach klassischen Noten..." /5/. В словах "Hilderlitankeit" - произошло слияние 2-х слов: имени собственного "Hilderlin" и глагола "litaneien", то же в слове "georgelt" = George + ergelt". В обоих примерах автор окказионализмов использует словосложение для того, чтобы одновременно показать, кому подражает (Hilderlin, George) и как подражает (litaneien, ergelt).

Окказиональное изменение семантики глагола происходит:

1) за счет изменения слов-образовательной модели. Например: при существовании словообразовательной модели немецкого языка hinaus + основа глагола, обозначающего движение в направлении от говорящего, в окказиональном словообразовании оказывается возможным выделить, модель - "hinaus + основа существительного" с той же общей семантикой глагола, т.е. при обозначении направления от говорящего. Срви: hinausklotzen, hinausschäbeln - "Ich klotze auf meinen neuen Holzprantoffeln hinaus;" (Т. 44). "Es (das Kücken) flüchtet für eine Weile unter die Flügel der Glucke, dann schmäbelt er wieder munter in die Welt hinaus." (Т. 331) или в следующем примере - "Der Kahlk oht schmauft heran" (Т. 221) (Luft keuchend heran); "heran" присоединяется к глагольной основе, обозначающей действие с направленностью к говорящему, "laufen" такого признака не имеет.

2) Семантика глагола изменяется за счет добавления нового элемента значения (новой семы), актуализация которого в данном контексте релевантна для образного восприятия мысли писателя. Например: глагол "flirren" имеет значение - сверкать, мерцать (der Schnee flirrt in der Sonne). Значение глагола "flirren" включает сему "быстрота изменения состояния". Добавляя сему "быстрота изменения движения", автор одновременно не только расширяет семный состав значения слова, но и включает момент сравнения:

flirren_{trad} - der Schnee flirrt (intr.).

flirre_{okkas} - Die Rebhühner flirren über die Felder (intr).

Аналогично следует анализировать и глаголы в следующих примерах:

prellen_{trad} - einen Stab, eine Kugel prellen

prellen_{okkas} - Der Grossvater prellt auf den Hof und fütttert mit viel Geschimpf (T).

В результате, как это следует из примеров, транзитивные глаголы становятся интранзитивными и наоборот.

Как вывод из всего вышесказанного отмечаем следующее: окказиональный характер глаголов, подобных упомянутым, проявляется -

- в парадигматической ограниченности - они выступают, как правило, или только в 3-м лице, или образуют только причастие или только инфинитив;

- в окказиональном переходе транзитивного глагола в разряд интранзитивных и наоборот; при этом меняются традиционно закрепленные за глаголами их валентные показатели;

- в окказиональном переходе глагола из одной лексико-семантической группы в другую (flirren - глагол, обозначающий состояние и "flirren" быстро летать, проноситься, т.е. глагол, обозначающий движение).

Следует подчеркнуть и тот факт, что все окказионализмы - глаголы относятся к слабому спряжению.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1969, S.286 und weiter.
2. Junge Welt. - Beilage, 1964, Heft 7/8 März, S.1.
3. Eulenspiegel. 1964, Heft 3, S.14.
4. Kahlau H. Pensch, in "Neue Texte", 1964, S.345.
5. Kakuz K. Ost und West . 1948, Heft 6.

Примечание.

Примеры взяты из прозаведений В.Итриттматтера "Тинко"
- сокращения "Т".

Н.А. КОЗИНА
ЛГУ им. П. Стучки (Рига)

РЕЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ ЛУНЫ И ЗВЕЗД В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ
М. ГОРЬКОГО "ПО РУСИ"

(Семантическая осложненность слова в
художественной речи)

В произведениях словесного искусства язык выступает в эстетической функции, сущность которой заключается в подчиненности языка художественного произведения идейно-художественному замыслу писателя. Признание эстетической функции языка имеет важное значение: отсюда следует вывод о том, что "изучение литературных видов речи прежде всего должно быть направлено на эстетические их свойства, как отличительные; именно они, — писал Б.А. Ларин, — определяют систему применения языковых элементов в литературном творчестве" /1, 28/.

Выступая в эстетической функции, язык образно отражает действительность, поэтому словесное значение в художественном тексте не остается неизменным. Становясь элементом системы эстетически организованного целого, оно неизбежно претерпевает ряд модификаций, приобретает новые смысловые оттенки, "комбинаторные приращения", "обертоны смысла", создающие семантическую осложненность слова, которую Б.А. Ларин считал всеобщим свойством художественной речи /2, 66/. Поэтому закономерен вывод ученого о том, что "в исследовании художественной речи орфографическими словами в общими значениями ни на какой стадии работы обойтись нельзя.

Здесь нельзя упускать из виду эстетический объект... и главные образы именно обертоны смысла" /1, 35-36/.

Исследования стиля М. Горького показывают, что семантико-экспрессивные сдвиги, преобразования в слове присущи горьковской стилистике в целом.¹ Характер преобразования слов общенародных в слова художественные, эстетически направленные зависит от тех задач, которые решаются в произведении. Мясное

¹ См. напр. Борисова М.Б. Слово в драматургии М. Горького Саратов, 1977; Арпенко М.А., Сиротина В.А. Слово в художественной речи М. Горького. Киев, 1968.

зависит и от того, в каком именно слове лексика происходит эстетизация. Так, изменения семантической структуры в лексике социально-философской, общественно-политической, эстетической непосредственно связаны с горьковским микропониманием и мироощущением. Однако процесс перехода слов из категории нейтральных в категорию эстетических наблюдается и в пейзажной, казалось бы выполняющей только изобразительную функцию лексике, так как и в ней проявляется, и при этом весьма отчетливо, индивидуально-авторское, горьковское видение мира.¹

В данной статье приводятся наблюдения над эстетической функцией слов "луна" и "звезда" в цикле рассказов М. Горького "По Руси". Цель исследования - показать, как в значении этих слов в художественном тексте проявляется горьковское восприятие действительности, отношение писателя к миру, природе.

1. Речевой образ луны

Речевой образ луны в цикле рассказов М. Горького "По Руси" в сравнении с другими пейзажными образами является второстепенными. Строится этот образ на основе одного значения - небесное тело, светящееся отраженными солнечным светом.

Указание на то, что луна светит не собственным светом, а отраженным, очень важно.² Именно этот факт во многом определяет

¹ См. статьи Ковиной Н.А.: Слово "земля" в цикле рассказов М. Горького "По Руси". - В кн.: Инновации на разных языковых уровнях. Р., 1975; Слово "солнце" в контексте рассказов М. Горького "По Руси". - В кн.: Исследования по синтаксису русского языка. Р., 1975; Слова "тишина" в цикле рассказов М. Горького "По Руси". - В кн.: Вопросы стилистики. Саратов, 1974, вып. 6.

² Характерна в связи с этим замена сочетания "лунный свет" описательными конструкциями. Пример из автобиографической трилогии: "Величественно и медленное течение Волги, богато позолоченное лучами невидимого солнца, отраженными мертвой луной" (13-606/). Эпитет - "богато позолоченный" - и использован для описания солнца, о котором Горький не забывает даже тогда, когда его не видно на небе. Пример из статьи "О музыке толстых": "Ночь... Свет исходит как будто не от солнца, отраженного золотом луны, а от этой неутомимо плодородной земли" (24-351/). Вместо слова "луна" использовала поэтическая метафора "золото луны", в тексте присутствует слово "свет", но сочетание "лунный свет" писатель так и не образует, прибегая к описанию "свет...солнца, отраженного золотом луны".

эмоциональное отношение Горького к луне. В автобиографической трилогии он пишет: "Я не люблю луну, в ней есть что-то зловещее, и, как у собаки, она возбуждает у меня печаль, желание уныло завить --" /IЗ-606/ I.

В отличие от солнца, работника на благо земли и людей, неразрывно связанного с жизнью, луна для Горького - "пустое место", она "мертва". Мысль об этом вызывает желание преобразовать мертвое в живое: "Хотелось бы, чтобы на луну упал большой метеор, с силой, достаточной для того, чтобы она, вспыхнув от удара, засияла над землей собственным светом" /IЗ-606/.

Луна не связана с жизнью. Этим в значительной степени и определяется построение данного речевого образа в анализируемом цикле рассказов: сравнительно редко используется олицетворение, активный прием в речевых образах земли и солнца.

В рассказе "На Чангуле" луна олицетворяется благодаря сравнению, которое встречается в изложении песни девушки-валашки: "Боже мой, боже! страшная дорога ночью в степи, а я - сирота, как луна в небе" /II-395/. Та же параллель возникает в стихотворном варианте песни:

Красные зарницы агут ночное небо, -
Страшно в синем небе маленькой луне!
Господи! На счастье или на злое горе
Сердце мое тоже все в гне? /II-395/.

Несмотря на то, что луна обычно появляется на небе в окружении звезд, она представлена в горьковских текстах как символ одиночества.

В большинстве случаев используемые лексические средства передают появление луны на небе, ее свечение. Пример олицетворения луны в рассказе "На пароходе": "Луна смотрела прямо в лицо ему (пассажиру) - оно было синевато, узкие глаза спрятались под бровями" /II-111/.

Глагол "смотреть" в значении быть обращенным, направленным куда-либо распространен и в общепринятом языке и в литературе. В приведенном контексте оживлено исходного значения глагола способствует обстоятельство "прямо в лицо ему".

Здесь и в дальнейшем цитаты даются по следующему изданию: М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах. ГИХЛ, 1949-1956. В скобках обозначен номер тома и страница. Знаком - отмечаются купюры в тексте. Рассказы "По Руси" - II том.

В следующем примере олицетворения способствует, в основном, сравнение: "...луна коснулась краем до черной степи и замерла, стоит неподвижно, точно слушая праздничный шум милой грешной земли" /II-239/.

В рассказе "Тусин" луна воспринимается автором как лицо с присущим ему выражением: "Над салом, в теплом небе наклонилось добродушное лицо старой луны" /II-52/. Определение "старый" способствует олицетворению и вместе с тем передает точное представление о полной луне. В том же рассказе луна описывается с помощью олицетворяющего психологического эпитета "усталый": "Скатилась с неба, усталая луна, а над крестами княжой деревни вспыхнула Венера --" /II-54/. Определение это имеет положительную окраску: усталым обычно бывает тот, кто много трудился. Не случайно это же определение у Горького относится к солнцу и земле. В рассказе "Тусин", следовательно, образ луны имеет положительную эмоциональную окраску.

Приведенные примеры иллюстрируют основные случаи олицетворения луны в рассказах "По Руси".

Значительно активнее в речевом образе луны овеещающая лексика. Если солнце обычно "возносится", "нисходит", и т.п., то луна "выкатывается", "скатывается". Употребление таких глаголов связано со сравнением луны с чем-то круглым - колесом, жерновом и т.д. Например: "Из-за края степи выкатился в небо оранжевый жернов луны--" /II-234/.

Сравнение с жерновом вызывает дополнительное представление не только о круглом, но и тяжелом предмете. Речь в таких случаях идет о луне, поднимающейся над землей на небольшую высоту. Ср.: "Тяжелая луна, поднявшись на сажень над землей, больше не может и снова опускается к степи--" /II-237/. "За рекою, берегом, у самой реки, кто-то вел: вот он закрыл черной головой низко висевшую луну--" /II-393/.

В следующем примере впечатление о предмете большой массы вызывается словом "тяжело" и последующим сравнением: "--тяжело поднималась над землей большая, точно колесо, тускло-медная луна" /II-392/.

Ср. пример из повести "Жизнь Матвея Коз мякина", где это же сравнение дополнено отрицательным психологическим определением: "Луна восходила огромная, словно колесо, багровая и злая" /9-335/. В другом примере из того же произведения представление о большой величине передает нейтральное само по себе определение. Присутствующее в контексте сравнение переводит образ в негативный план: "Луна на восходе - велика и красна, как широе мясо" /9-7/.

олицетворением (ср. глаголы "подняться" - "подниматься", выражение "больше не может", наречие "лениво"). Определительное обстоятельство в приведенном контексте и относительное прилагательное "медный", входящее в состав цветообозначения.¹

Сравнения луны с колесом, зерном носят предметно-бытовой характер. Подобные сравнения и метафоры характерны для речевого образа луны в цikle рассказов "По Руси". Пример из рассказа "В ущелье": "Над горой поднялась, выщероленной секирой, половинка луны--"/II-168/.

Характерен в связи с этим пример из рассказа "В ущелье", где предмет и образ сравнения меняются местами: "--топор на земле светится, как луна в небе"/II-165/.

Знаменательно, что распространение общенародное сочетание "серп луны" в рассказах "По Руси" не встречается. В основе этой общеупотребительной метафоры - бытовой предмет, но предметность ее стерлась, метафора приобретает скорее поэтический характер. Горьковская замена - /"секира" вместо "серп"/ - обновляет образ и в то же время не стирает предметности. Автором избрано слово, точнее передающее его наблюдения. Бытовые метафоры в рассказах нередко поэтизируются: "Над степью - луна, как золотой леток, в синем небе тихонько крулятся звезды - золотые пчелы--"/II-395/. Элементом, поэтизирующим бытовое сравнение луны с летком, является эпитет "золотой".

Восприятие луны как предмета передает форма "висевший": "За рекою, берегом, у самой реки, кто-то шел; вот он закрыл своей черной головой низко висевшую луну"/II-393/.

В рассказе "Калинин" встретилась метафора "опаловое пятно луны": "--небо окутано облаками, только в одном месте среди них опаловое пятно луны, и далеко на темной воде колышется другое, такое же..."/II-186/. Здесь нет овеществления, луна выделяется лишь цветом и воспринимается, скорее, как световое пятно, подобное отражению на воде.²

Возникновению представления о луне как о световом пятне с неопределенными, зыбкими очертаниями способствует глагол "таять"

¹ Ср. метафору "измятый медный круг луны"/9-480/.

² Ср. употребление сходной метафоры для передачи лунного отражения: /Лебников/ -- стал смотреть вслед паре, тихонько уходящей вдоль забора, по медным пятнам луны"/II-348/.

в следующем контексте: "--тихо блестяли редкие звезды и таяла луна"/II-III/. Глагол "таять" использован в значении 'терять четкие контуры, расплываясь в тумане'. Это подтверждается и следующим контекстом: "И все вокруг - мягкое, текучее, тащее - возбуждало тоскливое чувство неустойчивости, непрочности". /II-III/.

Итак, исходным моментом, определяющим содержание речевого образа луны, является то, что в творчестве М.Горького луна не связана с жизнью и деятельностью людей, это символ безжизненности.

Если солнце - творец жизни, активный ее участник, то луна подобна равнодушному наблюдателю. Случаи олицетворения луны немногочисленны, обычно она изображается как предмет. Исключительно редки при этом случаи опозитивирования луны, она лишена особой красоты. Сравнения, на основе которых строится образ, обычно имеют предметно-бытовой характер.

Содержание речевого образа луны во многом определяет и тот факт, что луна светит отраженным светом. Поэтому в ряде случаев образ этот строится так, что луна утрачивает и признаки предметности, изображается как световое пятно неясных, зыбких очертаний. Есть в цикле рассказов "По Руси" и традиционный план изображения луны как символа одиночества.

2. Речевой образ звезд¹

Пейзаж ночного неба в цикле рассказов "По Руси" расцвечен звездами. Любовь писателя к солнцу - самой яркой и крупной звезде - распространяется и на далекие маленькие светила.² Характерно, что даже сам факт их отсутствия не проходит незамеченным: "За окном густочерная ночь, без звезд, многими голосами шептала о чем-то жалобном и грустном--"/II-136/.

Значение слова "звезда" - 'небесное тело, светящаяся точка на ночном небе'. На его основе и строится речевой образ звезд.

Вопреки ожиданию, традиционное описание звезд вместе с луной встретилось в рассказах "По Руси" только один раз. Более

¹ Форма слова в заголовке вызвана тем, что слово "звезда" в 30 случаях из 39 употреблено в рассказах во множественном числе.

² Ср. в повести "Хозяин": "На земле жилось нелегко, и поэтому я очень любил небо. Бывало, летом, ночами, я уходил в поле, ложился на землю вверх лицом, и казалось мне, что от каждой звезды до меня - до сердца моего - спускается золотой луч--"/14-271/.

характерен для Горького пейзаж, в котором звезды изображены в единстве с землей. В космическом восприятии, присудем писателю, звезды и земля предстают как явления одного плана: "Посеяны звезды в небе, и земля - звезда--" /II-213/. Так, даже при описании небесного пейзажа ассоциации (небо - поле, звезды - зерна), на которых строится метафора, возвращают сознание к земле.

В изображении ночной земли вместе со звездами размываются границы земного и небесного пейзажей, создается пейзаж единый, который скорее воспринимается как земной, лишь дополненный красотой небесного: "Были те минуты перелома ночи, - когда вся земля кажется глубоко и надолго погруженной в непробудный сон, когда полночь тишины возбуждает в душе особенную чуткость, звезды странно близки к земле --" /II-113/. "Спит земля, и все ближе к ней опускаются звезды" /II-169/.

В описании из рассказа "Покойник" в единстве представлены земля, солнце и звезды: "В степи -- чувствуешь, что земля живет внутри неба в обитии солнца, в сонме звезд, ослепленных его красотой" /II-212/.

Сочетание "ослеплять красотой" имеет в общепринятом языке переносное значение. Однако в приведенном контексте действительно и прямое значение слова "ослеплять" - временно притуплять зрение: в ярком свете солнца звезды не видны на дневном небе.

В рассказе "Тубин" возникает образ дневных звезд. Их видит Проходящий со дна глубокого колодца: "...Я стою на дне глубокого, свыше трех сажен колодца --. Черная грязь ведром, сливая в бадью--. Бадья качается. Темный круг ее дна закрывает выгоревшее небо и чуть видимые мною звезды; так хутко и приятно - видеть звезды, зная, что в небе горит солнце. -- Хочется видеть эти дневные звезды, и нельзя оторвать глаз от них: они показывают все небо новым и почему-то хорошо знать, что солнце не одиноко в нем" /II-55/.

Дневные звезды "показывают все небо новым", т.е. 'незнакомым, не виданным прежде'. При этом они не просто украшают небо, но и окружают солнце. что очень важно для Горького.

Звезды у него неизменно красивы: каждая из них - это маленькое солнце, поэтому в построении речевого образа звезд часто встречается параллель: звезда - солнце. Уподобление звезд солнцу возникает на основе прямого сравнения: "Утренняя

звезда ярка, точно маленькое солнце /II-II2/. Как и солнце, звезды у Горького вовлекаются в сравнение с цветами, и в этом случае параллель звезда - солнце оказывается не лежащей на поверхности, а более глубинной: "Но уже небо, холодно серая, незаметно теряет ночную мягкость и теплоту; лучи звезд опадают, как лепестки цветов--" I/II-II3/. Сравнение разворачивается здесь на основе образного употребления глагола "опадать" в значении 'исчезать, становиться незаметным'.

Одно и то же основание для сравнения - птица-встречается в описании одновременного явления на небе солнца и утренней звезды: "-- солнце жар-птицей всплывает все выше в зеленовато-голубые небеса, где, угасая, серебряная Венера - тоже как птица"² /II-II4/.

Анализ глаголов, передающих свечение звезд, также выявляет сходство речевых образов звезд и солнца. Все эти глаголы объединяются тем, что в своей семантике содержат элементы интенсивности. Так используются глаголы "сверкать" и "блестеть", синонимичные в своей основе. Глагол "сверкать" имеет значение 'ярко блестеть, сиять ярким, переливчатым, искристым светом'. Например: "В поле над туманами сверкают звезды --" /I¹-239/. Глагол "блестеть" имеет значение 'ярко сверкать, сиять, излучать блеск'. Например: "Над полем висели черные клочья облаков, между ними, в синих просветах, блестят круглые звезды" /II-347/. В другом контексте глагол "блестеть" использован в сочетании с наречием "тихо": "--Тихо блестели звезды и таяла луна" /II-III/. Можно предположить, что наречие "тихо" здесь не столько выражает небольшую степень яркости свечения, сколько по ассоциации с тишиной ночи обозначает "безмолвно".

В глагольной лексике, на которой строится речевой образ звезд, в отличие от речевого образа луны, большую группу составляют глаголы горения: "вспыхивать", "пылать" и им подобные.

Глагол "вспыхивать" в значении 'начинать ярко светиться' характеризует внезапность появления звезд на небе: "Ближе ночи

¹ Ср. прямое уподобление звезд цветам: "Звезды, живые цветы неба, горели над нами..." /3-315/.

² Ср.: "--Сверкают золотыми каваронками большие звезды--" /13-607/.

Плотно покрыла земля **теплой** черной шапкой, в траурном небе вспыхнули синие звезды и серебряным маревом наметился звездный путь" /II-389/.

Глагол "пылать" в значении 'излучать яркий свет' характеризует интенсивность процесса звездного свечения. При этом интенсивность признака может увеличиваться введением наречий: "--в зените неба уже ярко пылают звезды" /II-207/.

Как и земля и солнце, звезды часто изображаются Горьким в динамике. Так, например, в рассказе "На Чангуле" дана зарисовка падающей звезды: "По синей тверди небес ослепительно черкнула серебряная звезда" /II-396/. Глагол "черкнуть" и соединен с его со словами "по синей тверди небес" вызывает представление о следе, оставленном звездой, о воображаемом звуке, рожденном падением. Форма глагола передает стремительность движения. В движении представлены звезды в рассказе "Тубин": "И -- молчу, глядя в небо, где идут звезды, догоняя друг друга" /II-44/. Глагол "идти" использован в значении 'казаться плавно движущимся'.

Иногда употребление глаголов движения вызвано сравнением. Так, сравнение полосы неба с рекой обуславливает появление глагола "плыть" в следующем контексте: "Изорванная полоса неба над ущельем была похожа на синюю реку, течет она тихонько над землей, окутанная ночью, и плывут в ее гладких волнах яркие звезды" /II-182/. Глагол "плыть" употреблен здесь в значении 'выделяться на фоне движущихся облаков'.

Сравнение звезд с пчелами объясняет употребление глагола "кружиться" в значении 'витья в воздухе': "Над степью - луна, как золотой леток, в синем небе тихонько кружатся звезды - золотые пчелы--" /II-395/.

Предметом сравнения являются лучистые звезды. Мерцание лучей вызывает ассоциацию с трепетным движением крыльев. Звезды, лишенные лучей, кажутся неподвижными, они наподобие луны обладают правильной круглой формой: "Над полями висели черные клочья облаков, между ними, в синих просветах, блестят круглые звезды" /II-347/.

Представление о неподвижных, лишенных лучей звездах передает следующее сравнение: "Звезды в небе - точно шляпки медных гвоздей--" /II-260/.

Следует заметить, что сравнения из предметно-бытовой области редко встречаются в речевом образе звезд. В таком случае сравнения приобретают поэтический характер, например: "В черной воде Чангула сверкали золотые иглы звезд" /II-392/. Сравнение звезд со шляпками медных гвоздей и с золотыми иглами передает представление о металлическом блеске и форме звезд.

В создании речевого образа звезд большую роль играют цветочные определения. Традиционное метафорическое сочетание "золотые звезды" в тексте рассказов не встретилось (исключение - метафоры: "золотые пчелы", "золотые иглы звезд"). Среди определений - несколько необычных при описании звезд - "серебряный" в уже цитированном тексте: "По синей тверди небес ослепительно черкнула серебряная звезда"/II-396/. ☉

В речевом образе звезд в рассказах "По Руси" встречаются цветообозначения "синий" и "голубой": "Джмал ночь плотно покрыла землю теплой, черной шапкой, в траурном небе вспыхнули синие звезды и серебряным маревом наметился звездный путь" /II-369/. "Над ущельем, на изорванной по краям полосе неба сверкают синие звезды--"/II-167/.

Интенсивность действия, присутствующая в семантике глаголов "вспыхнуть" и "сверкать", накладывает отпечаток на признак, выраженный цветочным прилагательным. Поэтому цвет, обозначенный словом "синий", воспринимается как яркий, интенсивный. И еще одна деталь. Звезды, цвет которых передан эпитетами "золотой", "серебряный" представляются яркими, блестящими, но небольшими. Синие же звезды на темном фоне неба могут быть заметны при большой величине. Сказанное относится и к определению "голубой" в сочетании "голубые звезды": "Голубые звезды сверкают в бездонной тьме небес--"/II-219/.

Следует отметить, что слово "голубой" имеет в большинстве горьковских описаний поэтическую окраску и кроме цветообозначения передает ощущение нежности, мягкости.¹

Итак, наблюдения показывают, что лексические средства, участвующие в создании речевого образа звезд, подчинены цели показать их неизменно прекрасными. Однако описание звезд не

¹ Подробно об этом см. статью Трифионовой С.В. "О прямом и образном употреблении слова "голубой" у Горького". - В кн.: Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962.

служит лишь целям изобразительным - созданный образ активно участвует в раскрытии идейной направленности цикла.

Звезды - один из элементов контраста между красотой природы и безобразиями жизни. Так; в рассказе "Тубий" Проходящий размышляет о неизбывной скуке, безысходной, бесподобной тоске "русской жизни, разогнанной по глухим лесным уездам, покорно осевшей на топких берегах тусклых речек, в маленьких городах, забытых счастьем"/II-41/.

Красота ночного неба вызывает мысль о дисгармонии этой красоты с серой, тоскливой жизнью, которую ведут на земле "неудавшиеся", "зимние" люди: "Я смотрю на темное небо и звезды, и, деревеняя под тяжестью уныния, думаю: "Неужели небо и звезды для того, чтобы прикрыть эту жизнь? Такую?"/II-42/.

В рассказах "По Руси" несколько раз встретилось описание не звезд, а их отражений. Взятый сам по себе, этот факт ни о чем не говорит. Действенным делает его сопоставление с некоторыми моментами идейно-содержания рассказов.

Так, в центре рассказа "Страсти-Мордасти" жизнь женщины и ее маленького сына-калека Леньки. Условия жизни таковы, что мать вынуждена зарабатывать деньги, занимаясь проституцией. Ребенок, напоминающий цветок, втоптаный в грязь жизни, видит это и принимает как должное.

Мать мальчика Проходящий впервые видит пьяной: "--женщина села в грязь и, разгребая ее руками, завязкала гнусаво и дико: --Как по-о мор-рр..."

Недалеко от нее в грязной жирной воде отражалась какая-то большая звезда из черной пустоты над нами"/II-369/.

Представляется не случайным, что автор упоминает об отражении звезды в луже, образно рисуя этим извращение красоты: прекрасные звезды оказываются "в грязной жирной вод."¹

В рассказе "В ущелье", где речь идет о поражающей своей бессмысленностью убийстве человека, пейзаж тоже как бы перевернут. Характерно, что до описания драматического события пейзаж дан в своем обычном виде: "Над ущельем, на взорванной по краям подоше неба сверкают белые звезды --/II-167/.

Но вот произошло убийство, и пейзаж воспринимается и описывается по-иному. Темнеет, не видно упоминавшейся на протяжении

¹ О теме извращения красоты см. Ермилов В. О гуманизме Горького. М., 1949. *

всего рассказа реки, только "полоса исса над ущельем была похожа на синюю реку, течет она тихонько над землей, окутанной ночью, и плывут в ее гладких волнах яркие звезды"/II-182/.

Звезды оказываются не на небе, а в реке.

Тот же образ встречается в рассказе "На Чангуле". На одной из первых страниц дан пейзаж ночного неба: "Длинная ночь плотно покрыла землю теплой, черной шапкой, в траурном небе вспыхнули синие звезды и серебряным маревом наметился звездный путь" /II-389/.

Характерно, что ночное небо названо не черным, а траурным. Употреблено слово, с которым неизбежно ассоциируется печаль, слезы. Если в этом описании упоминаются звезды, то позднее — лишь их отражения: "--в черной воде Чангула сверкали золотые иглы звезд"/II-392/.

Детали эти выделены не случайно. Дальше рассказывается о том, что оставшись ночевать на мельнице, Проходящий слышит песни девушки-валашки, а затем узнает трагическую историю ее жизни: ее жених убит, сама она искалечена. Так возникает еще один рассказ об изуродованной жизни, и как параллель ей — пейзаж, где звезды опрокинуты в реку.

В рассказе "На пароходе" также идет речь об извращенных отношениях действительности: убийстве отца сыном. И снова дано описание отражений звезд: "В реке тускло блещат звезды --" /II-108/.

Указанная деталь каждый раз как бы подчеркивает ненормальность происходящего, его бессмысленность. Слово "звезда" в этих случаях оказывается в специфическом употреблении, которое в лексикографической практике получило бы характеристику 'отражение звезды'. Следует заметить, что образ отраженных звезд не встречается в рассказах, где отсутствует драматическая ситуация.

Итак, речевой образ звезд играет значительную роль в раскрытии идейной направленности рассказов "По Руси". Звезды — один из элементов контраста между красотой небесного пейзажа и уродливостью жизни на земле. Особенно ярок в изображении этого контраста образ отраженных звезд.

Лексические средства, участвующие в создании речевого образа звезд, позначены цели — показать их неизменно прекрасными. Этому служат, например, глаголы горения и свечения, цветные эпитеты. Нередко звезды сравниваются с солнцем, сравне-

ния же из предметно-бытовой области для этого образа не характерны.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что исследуемые слова, сохраняя конкретные значения, приобретают в рассказах "По Руси" символический подтекст, раскрывающий горьковское восприятие мира, природы. Обычное значение слова в художественном тексте отмечено авторским отступением к жизни.

Семантико-экспрессивное обогащение слова происходит обычно благодаря особой композиционной роли его в контексте. При этом писатель использует различные средства, среди которых особую роль играет олицетворение речевых образов с положительной окраской и овеществление пейоративных речевых образов.

Итак, отдельное слово воспринимается во взаимосвязи с единством целого, в свете основных идей произведения, его общей художественной направленности, всей системы образов, и это находит свое отражение в его семантике, эмоционально-экспрессивной окраске.

Сущность художественного значения, следовательно, не в сложных метафорах, а в его смысловой емкости и многоплановости, возникающей в композиции сложного художественного целого.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи (Семантические этюды). - В кн.: Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
2. Ларин Б.А. О лирике как разновидности художественной речи. - В кн.: Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.

Н.Ф.РЯБОВА
ЛГУ им. П.СТУЧКИ (Рига)

ПУТИ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ
(на материале производных от индоевропейских корней
*bhel- и *ǵhel- в английском, латышском и русском
языках)

Цветообозначения - раздел лексики, привлекавший в последние два десятилетия пристальное внимание как советских, так и зарубежных лингвистов. Работы, посвященные цветообозначениям, затрагивают различные стороны диахронного и синхронного существования цветových систем. Это и исследования по истории развития цветообозначения в каком-либо языке или группе родственных языков /1/, и сопоставительные исследования /2/, и исследования в области интерференции и конвергенции контактирующих языков /3/, исследования по литературной цветописси /4/ и др.

Меньше всего эти исследования касаются непосредственно происхождения основных терминов цвета. Точка зрения, принятая большинством исследователей /5/, объясняет происхождение всех цветообозначений через название цвета по предмету - "эталону" этого цвета с дальнейшим абстрагированием отпредметного прилагательного и преимущественное, если не полное, использование его для обозначения цвета. Согласно этой точке зрения, наиболее древние цветovые прилагательные просто потеряли связь с предметом, явившимся их основой.

К таким цветообозначениям, бесспорно, относятся основные термины красного цвета, которые в большинстве индоевропейских языков генетически теснейшим образом связаны со словами, обозначающими кровь /и.е. корень *ǵh₂d-* - присутствующий в англ. *red*, нем. *rot*, др. *raudr*, лит. *raudonas* - "красный"; лит. *raudas* "красноватый", *rudas* "коричневый, рыжий", лит. *rudas* "рыжий", русск. *рыжий, румяный*/. Ср. также англ. *violet*, русск. *коричневый* и др.

Однако при рассмотрении цветovых терминов, возводимых к и.-е. корням *bhel- и *ǵhel-, возникает сомнения в универсальности данной точки зрения. Дело в том, что сами эти корни

есть производные от *bha-* (Рок. 104) и *gha-*(?) /х/ "снять, сверкать", и, в свою очередь, имеет значения "сверкающий, сияющий, белый" /*bhel-* / и "сверкающий, мерцающий" /*ghel-* / . Их производные присутствуют:

1. *bhel-* : в обозначениях белого цвета - гр. $\varphi\alpha\lambda\beta\iota$ "белый", кельт. *balo-* "сверкающий, белый", лит. *baltas*, лтш. *balts* /*bholatos* / "белый", отсл. /продолженная ступень аблаута *ghal-* /*ghelo-* / "белый". Дви. *blanch*, сви. *blank* "мерцающий, сверкающий, белый", дшв. *blakkr* "бледный", но также "черный, темный", англ. *black* "черный" /герм. формы *bhelg-* через *belenk-*, *blank-* / . В обозначениях желтого и синего цветов: форма *bhils-cho-s* / *bhij-cho-s*, *bhils-go-s*, *bhils-go-s* аблаутные формы от *bhal-*, *bhelo-* /: лат. *flavus* "золотисте-желтый, красновато-желтый", *fulvus* "коричневато-желтый"; ивирск. *blawr* "серый"; дшв. *blao*, ивн. *blau*, англ. *blue* "синий" /сви. *bla* также "желтый" /6/. Форма *bher-* /чередование 1-г /присутствует в обозначениях коричневого цвета. /Рок. 118 и далее/.

2. *ghel-* : в обозначениях желтого, зеленого, серого, синего цветов; форма *ghils-* лит. *galias*, лтш. *galis*, дпр. *saligan* /с применением аблаута/ "зеленый", лит. *silas* "седой", лтш. *silas* "синий", русск. зеленый. Форма с балто-слав. *g-* /*gelta-*, *gilta-* "желтый" /в лит. *geltonas*, лтш. *dzeltonas*, русск. желтый. Здесь же русск. голубой /Рок. 430, но см. также Преображенский, 142, Фасм. I, 432/, дпр. *golimban* "синий". Формы с расширением в или *st* : ир. *glaw* "зеленый, серый, синий", ивирск. *glaw* "синий", брет. *glaw* "зеленый". Формы *ghel-cho-*, *ghij-cho-*, *ghils-go-* - в наименованиях желтого цвета в герм. яз. как.

Эти древнейшие цветообозначения находятся на высшей ступени обобщения, включая в себя некоторый довольно широкий участок спектра /blue, yellow, sila, голубой.../ или ахроматической гаммы /black, baltas, balts, белый/ и входят в основной лексический фонд каждого языка. Все они имеют производные, обозначающие цвет, приближающийся к основному /англ. *bluish*, лтш. *zilgane*, *izaligane* рус. голубоватый/.

Корень *gha-* в чистом виде не зарегистрирован, в словаре И.П. Корня отсутствует. Однако наличие параллелизма форм и значений корней *ghel-*, *bher-*... (Рок. 118 и далее) корни *bhel-*, *bher-*... (Рок. 428 и далее); производным от *bha-*, позво-
ляет предположить возможность реконструкции данной праформы

Следующей ступенью развития цветообозначения является уточнение оттенка цвета при помощи модификаторов, которые могут быть нескольких типов:

1. Модификаторы, обозначающие светлоту, глубину, насыщенность тона. Наиболее употребляемые из них "темно-" и "светло-" /англ. dark и pale, лтв. tumš(1) и gaiš(1), соответственно/. Количество таких модификаторов варьируется в разных языках. Наибольшее их число используется в английском (более 30). Особенностью английского языка является также употребление производных от модификаторов /"deeper and deeper blue" / и употребление двух модификаторов подряд / "bright deep blue"/. В последнем случае первый из модификаторов обозначает светлоту или яркость тона, а второй насыщенность. В латышском языке употребляется более 20 модификаторов, в русском - более 10. Число их постоянно увеличивается за счет освоения языком авторских идиоматик.

Необходимо отметить различия этого типа цветообозначения внутри отдельных языков и между исследуемыми языками. В английском языке - это словосочетания /dark blue /, в латышском и русском им соответствует как словосочетания, так и сложные прилагательные /tumš zils и tumšzils, темно-голубой и насыщенный голубой цвет/. В латышском языке, равно как и в русском, все модификаторы могут выступать в качестве члена словосочетания. Вхождение же их в сложное прилагательное зависит в латышском языке от оформленности слова - модификатора /bāli zils и bālzils, но только dzidri zils /, в русском - от семантики модификатора /темно-синий и темный зеленый цвет, но только глубокий зеленый цвет/. Это связано с тем, что модифицирующий цвет компонент их значения является вторичным по отношению к основному значению.

2. В роли модификатора оттенка может выступать цветовой термин /greenish blue, melnzils, зеленовато-голубой/. Во всех трех языках такие сложные цветообозначения распадаются на два подтипа: а) сочетание двух основных терминов: англ. black blue словосочетание, обозначающее оттенок цвета; лтв. pelēkzils, zaķkapzils - сложное прилагательное, обозначающее сочетание цветов; русск. красно-синий - сложное прилагательное, обозначает сочетание цветов.

б) аффиксированная форма модифицирующего термина+основной

термин. Все они обозначают оттенок цвета. Но в английском языке деривация модификатора происходит при помощи одного суффикса - *ish* / *greenish blue* /, в русском - одного: -оват- / -еват- / *красновато-голубой, синевато-белый* /, в латышском - двух суффиксов: -*ig-*, -*gan-* и одной приставки *ie-* / *pelēcīgi zils, zaļganzils, iezaļgani zils* /.

3. Наиболее интересным является уточнение оттенка цвета путем соотнесения с предметом - "эталоном" данного оттенка. Этот тип цветообозначения присутствует в настоящее время во всех трех исследуемых языках, но история его становления различна.

Наиболее широко этот тип цветообозначения представлен опять - таки в английском языке. В словарях зарегистрировано только для синего цвета около 350 терминов. Высокая продуктивность их образования обуславливается возможностью четко определить необходимый оттенок.

Уже издревле в русском и английском языках появляются цветообозначения типа *снежно-белый*, но особенно бурное их развитие происходит в конце XVII-XVIII веке для английского языка и в конце XVIII - начале XIX для русского в связи с широкой волной заимствований из французского. Начиная с XVII века Франция была законодательницей мод для всей Европы. Для обозначения модных цветов и их оттенков во французских салонах создавалось множество названий, состоящих из одного слова, описательных, соотносящих цвет с каким-либо предметом - "эталоном" или произвольных, рассчитанных на то, чтобы поразить воображение людей самой необычностью термина. Вместе с модой распространились по Европе и французские цветообозначения. Английский язык до сих пор сохраняет некоторые из них, имевшие предметную соотнесенность, как, например, *Medici blue, powder blue, poudre blue, gendarme blue*. Зародившись в XVIII веке, традиция создания звучных названий оттенков жива до сих пор. Так термин *Elephant's breath*, как сообщает DC/c.156/, известен всему старшему поколению, хотя авторам словаря, несмотря на все усилия, не удалось обнаружить, какому же цвету он соответствует. Наше время тоже не отстает в создании забавных цветообозначений. В том же словаре для оттенков синего цвета приведены, например, *Wireless, Radio, Fox Trot, Basketball*, предметную ответственность которых вообразить трудно /хотя порой труднообъясня-

ыми бывает и реально употребляемые термины, например, "Ch'ing" - a vivid blue that is redder and duller than Cleopatra and greener and duller than ultramarine (Webster).

В русский язык из французских салонов пришли такие цвето-обозначения, как, например, колумбиновый /colombin - "синий"/, селадоновый /Селадон - герой модного в XVIII веке пастушеского романа, носившего ленты зеленовато-голубого цвета/, голубая элодия /навеяно "Отшельником" Виконта Д'Арленкура/, нильская вода и др./?/. Пестрота цветообозначений, как указывает Л.М.Грановская, создавалась также за счет того, что один и тот же цветовой термин мог входить в русский язык в нескольких формах, например, Bleu Raymond - блёреймон, блё-Раймондовный, синераймондовый.

К середине XIX века большинство такого рода обозначений выходит из употребления и в дальнейшем используется в пародиях и сатире. Прекрасным примером пародии, показывавшим потенциальные возможности русского языка является отрывок из одного из фельетонов И.Ильфа и Е.Петрова: "Продаются мужские костюмы. Фасон один... А цвета какие? О, огромный выбор цветов! Черный, черно-серый, серо-черный, черновато-серый, серовато-черный, грифельный, аспидный, наждачный, цвет передельного чугуна, коксовый цвет, земляной, торфяной, мусорный, цвет лихка и тот цвет, который в старину назывался "сон разбойника". В общем... цвет один, чистый траур на небогатых похоронах" /8/. Однако в профессиональной лексике красильного и текстильного производства заимствованная терминология сохранялась дольше, ввиду того, что литература этих отраслей была, в основном, переводной. До сих пор употребляются такие термины, как электрик, перванш, королевский синий. Но в той же профессиональной лексике все большее употребление получают описательные обороты. Вот, к примеру, список обозначения голубого и синего цвета, используемых в Рижском доме моделей: цвет неба раннего утра /розовато-голубой/, синева полудня, цвет сумерек /сиреневато-голубой/, цвет бархатной ночи /темно-синий, очень густой/, электрик, космический голубой /со стальным отливом/, цвет раннего и позднего василька /когда говорят о них, имеют в виду контраст с полем салатным и золотым/, цвет льва, цвет увядшего льва, цвет неба над пустыней, цвет средиземноморского

неба, русский голубой, цвет дымки и другие.

Однако модель "отпредметное прилагательное + основной термин" осталась продуктивной в русском языке. По ней образовалось и продолжает образовываться множество названий оттенков типа небесно-голубой, дымно-голубой, дымчато-голубой, известково-белый, огненно-белый.

В латышский язык цветообозначения, в которых определителем оттенка является предмет, были калькированы в конце XIX века с немецкого языка. В настоящее время цветообозначения этого типа достаточно широко распространены, хотя дискуссия о правомерности их существования и употребления ведется до сих пор. Трудность освоения их языком заключается в том, что в большинстве случаев определяющее цвет существительное стоит в форме родительного падежа единственного или множественного числа, что соответствует русским относительным прилагательным и выражает принадлежность. Но необходимо отметить, что уже с 50-х годов цветообозначения типа *sniegbalts, debeszils, juras zils* получили даже среди лингвистов право на существование. А.Ахеро в статье "О сложных прилагательных типа *debeszils, sniegbalts*" /9/ отмечает, что появление подобных цветообозначений вполне закономерно, т.к. до этого в латышском языке существовали только прилагательные, обозначающие "основное свойство" /*ramatīra-šību aršmašumi*/, такие, как *zils, zāls, melns, balts, bāls, blāvs, cieta, aas* и т.п. Но основные признаки, и оптические признаки в особенности, имеет множество нюансов, тонов, оттенков, ступеней интенсивности, и для их обозначения необходимо было появление соответствующих прилагательных. Хорошую службу тут сослужили сложные слова.

До проникновения калек с немецкого существовали, конечно, сравнительные обороты типа *zils ka debess*. По мере освоения языком сложных цветообозначений происходило стилистическое разграничение: *debeszils* стало нейтральным *zils ka debess* - стилистически окрашенным.

В настоящее время и в устной речи, и в литературе цветообозначения этого типа встречаются достаточно часто, постоянно образуются новые термины, что говорит о продуктивности модели. Развитием данной модели в латышском языке можно считать употребление вместо основного прилагательного цвета его производных /*zilgans, zaigana*/.

По источникам переноса цвета /предметам - "эталонам"/ цветообозначения распадаются на группы, наиболее обширными из которых являются следующие:

1. Вода, небо: англ. Horizon blue, moonlight blue, Nile blue; лтв. debeszils, siegbalts, juras zils ; русск. небесно-голубой, снежно-белый.

2. Место /город, страна, где выпускается тот или иной краситель, где изготавливаются или находятся предметы - "эталон" оттенка/: англ. Russian blue, Peking blue; русск. саксонский синий; лтв. krievu zils /диал./.

3. Люди /художники, для творчества которых данный цвет был характерен, профессиональные группы, одежда которых была определенного оттенка, исторические личности, предпочитавшие тот или иной цвет/: англ. Victoria blue, Air Force blue, Nattier blue; русск. королевский синий.

4. Минералы и драгоценные камни: англ. turquoise blue, sapphire blue ; лтв. tirkizis; рус. сапфировый, бирзовый.

5. Флора, фауна: англ. Diana Squill blue, cornflower blue, Robin's egg blue, Peacock blue; лтв. rudzruku zils, vijolišu zils; baložrelēks; русск. васильковый, вишневый.

6. Произведения искусства: англ. Majolica blue, Sistine blue.

Дальнейшим развитием этого типа цветообозначений является употребление только отпредметного термина, который при этом структурно совпадает с древнейшими отпредметными цветообозначениями. Процесс образования таких цветообозначений наиболее широко развернулся в английском языке, где некоторые из сложных терминов становятся настолько употребительными, что отпадает необходимость использования основного цветообозначения для указания участка спектра. В этом случае цветное, качественное значение прилагательного превалирует над относительным /sapphire sea, navy skirt, forget-me-not eyes. Такие прилагательные широко образуются в настоящее время в английском языке от различных семантических групп слов.

В русском языке продуктивность образования отпредметных прилагательных, обозначающих цвет, гораздо ниже, чем в английском. Только прилагательные, образованные от названий цветов, плодов и драгоценных камней могут функционировать самостоятельно. При этом, прилагательные, образованные от названий цветов, завершают процесс абстрагирования, употребляются преимущественно

в качественном, цветовом значении: васильковое платье - венки из васильков, незабудковая лента - букет незабудок. Существование в языке таких "ответочных" терминов, как розовый, облегчает процесс абстрагирования. Относительное значение подобных прилагательных проявляется только в некоторых сочетаниях /васильковое поле, незабудковая поляна, розовое масло/. У прилагательных, образованных от названий драгоценных камней, качественное, цветовое значение является преобладающим /сапфировое море - сапфировое ожерелье - ожерелье из сапфиров/. Здесь, возможно, одной из главных причин выступает экстралингвистический фактор. Драгоценные камни и, особенно, изделия, изготовленные из большого их количества, не играют в наше время значительной роли в жизни общества /ср.: янтарный мед - янтарный берег - янтарные бусы/. У прилагательных, образованных от названий плодов и ягод, качественное и относительное значения находятся почти в равновесии /вишневая валя - вишневое варенье - компот из вишен, абрикосовое платье - абрикосовая пастила/.

В латышском языке употребление для обозначения цвета названий предметов без основного цветового термина или использование отпредметных цветовых прилагательных есть чрезвычайно редкое явление. За исключением заимствованных или калькированных цветообозначений *goša*, *gošaina*, *violeta* и др., уже получивших право на существование в языке, встречаются occasionally кальки типа *gabziriķi aši*, которые воспринимаются как авторские инновации. Кроме вышеуказанных причин, здесь сказывается еще недостаточная освоенность языком сложных цветовых терминов, являющихся во многих случаях индивидуальной литературной цветописью писателей.

Подводя итог сказанному, можно отметить:

1) структура семантического поля цвета в английском, латышском и русском языках в основном совпадает; существующая разница является следствием различия грамматических систем языков, их исторического развития;

2) во всех трех языках основные цветообозначения - это древнейшие отпредметные и неотпредметные термины, находящиеся на высшей ступени обобщения;

3) и.-е. корни **bhel-* и **ghel-* - присутствуют в обозначениях белого, синего, коричневого, черного /**bhel-* /, желтого, зеленого, голубого, синего / **ghel-*/ цветов;

4) дальнейшее развитие цветových систем происходит несколькими путями: а) за счет уточнения оттенка при помощи модификатора, обозначающего светлоту - темноту, яркость, насыщенность тона;

б) за счет уточнения промежуточного оттенка путем комбинации двух цветových терминов;

в) за счет соотношения оттенка с предметом - "эталоном". Этот тип является наиболее продуктивным во всех трех исследуемых языках. По нему образуется наибольшее количество инноваций, многие из которых входят в словарный фонд языка;

г) для английского языка характерно дальнейшее развитие модели "отпредметное прилагательное + основной термин", при котором отпредметное прилагательное начинает употребляться как самостоятельное цветообозначение, структурно совпадая с древнейшими отпредметными цветообозначениями.

Сокращения

англ. - английский	кельт. - кельтский
герм. - германский	кипрск. - кипрский
гр. - греческий	лат. - латышский
двн. - древневерхненемецкий	лит. - литовский
ди. - древнеисландский	лты. - латышский
дпр. - древнепруссский	нем. - немецкий
дшв. - древнешведский	русск. - русский
и.-е. - индоевропейский	свн. - средневерхненемецкий
ир. - ирландский	стсл. - старославянский

- Преображенск. - Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959, т. I, 2.
- Фасм. - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964, т. I.
- DC - Maerz A., Paul M. A Dictionary of Color. N.Y., 1950.
- Рок. - Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern - München, 1949-1959.
- Webster - Webster's World Dictionary of the American Language. N.Y., 1967.

ОСЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. См. Бахлима Н.В. История цветообозначения в русском языке. М., 1975; Грановская Л.М. Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке XVIII-XX вв. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филологических наук. М., 1964; Деева Н.И. К вопросу о некоторых особенностях английских цветообозначений. - В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1968; *Vesetlāne J. Krāsai kosmiskā latviešu valodā. - Grām.: Latviešu valodas kultūras jaunājumā. R., 1971.*
2. Корсунская Т.Г., Фридрих Х., Черемисина М.И. О системе цветообразования в русском, английском и немецком языках. - Учен. зап. Горьковского ГПИЯ, 1963, вып. 25; Крик В. А. Опыт структурного анализа семантического поля цвета в русском и латвийском языках. - Учен. зап. ЛГУ им. П. Стучки, 1958, № 25; Jean N. Ure. A comparative study of registers. The distribution of color words in Romanian and English. - В кн.: *Actes du Xe congrès international des linguistes. Vol. 1. Bucarest, 1969.*
3. Сьюзен Н. Эрвин. Семантический сдвиг при двуязычии. - В кн.: Новое в лингвистике. М., 1972.
4. Качаева Л.А. О прямом и образном употреблении прилагательного ЖЕЛТЫЙ в прозе А.И. Куприна. - В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969; Язикова Д.С. Красный цвет в окурновском цикле М. Горького. - В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969.
5. См.: Bock C.D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European languages. Chicago, 1949, с. 1053; Порциг Ё. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, с. 246; Суровцева М.А. К истории слова СИНИЙ в русском языке. - Учен. зап. Кишиневского ун-та, 1962, т. 47, вып. 1, с. 89.
6. О перебое в значениях между терминами синего (голубого) и желтого цвета см.: Бахлима Н.В. Ук. соч., с. 38 и 193.
7. См. Грановская Л.М. Заметки об усвоении иноязычных цветообозначений в XVIII - начале XIX вв. - В кн.: Образование новой стилистики русского языка. М., 1965.
8. Ильф И., Петров Е. Фельетоны и рассказы. М., 1957, с. 16.
9. *Abers A. Paļ debessils, smiegalta... tīpa salikterājam. - Latviešu valodas kultūras jaunājumā. R., 1965.*

Т. А. АМЕЛИНА
РПИ (Рига)

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ НОВАТОРСТВО ДЖЕЙН ОСТЕН
(к вопросу о структуре образа автора)

Анализ языка художественного произведения подразумевает не только изучение особенностей его образного строя, но, прежде всего, предусматривает выяснение тех специфических закономерностей, благодаря которым осуществляется взаимодействие всех структурных элементов в стилистической системе каждого автора. Теоретики литературы справедливо утверждают, что для выявления внутреннего единства всех стилистических средств в пределах литературного произведения, самое важное — раскрыть речевую структуру образа автора.^{1/1}

Образ автора, возникающий в литературном произведении, является таким образом решающим структурным элементом и во многом определяет отношение читателя к тем ценностям, которые утверждаются повествователем. Проблема образа автора привлекала внимание как западных, так и советских литературоведов^{2/2}, но попыток раскрыть воплощение этого образа в конкретных произведениях было немного и они обычно сводятся к перечислению идей, выраженных автором в его произведении. Это, однако, не исчерпывает сущности образа автора, а также не объясняет, как он сообщается читателю.

В известной степени проще проследить воплощение образа автора в произведениях тех писателей, которые часто включают в свое повествование авторские пояснения. Так, например, в английском романе повествование Филдингга отличается постоянным, активным вмешательством автора в ход событий с публицистическими комментариями, рассуждениями, оценками, которые раскрывают духовный мир автора, его интересы, знание действительности, отношение к политическим, социальным, философским, литературным и этическим проблемам.

Характерно, что почти во всех произведениях английской прозы как XVIII, так и XIX веков (речь идет о повествовании в третьем лице единственного числа), где преобладают прямые средства характеристики действительности, образ автора вос-

принимается из непосредственного изложения писателем своих взглядов. Подобно тому, как формируется образ автора в повествовании Фильдинга, создается образ автора романов Смолета, Диккенса, Теккерея, Джорд Элиот, Мередита.

В произведениях, в которых писатель окупно выражает себя, преследить постепенное возникновение образа повествователя несколько сложнее, поскольку в них авторы стремятся беспристрастно рассказать о людях и событиях, ставят своей задачей как бы исчезнуть из текста. В связи с этим некоторые теоретики литературы ставят вопрос о том, в каждом ли произведении воспринимается образ автора. Как доказывает М.М. Янсон^{3/}, рассуждения критиков об "исчезновении автора"^{4/}, об авторе, который "стал до того незаметен, словно он улетучился"^{5/} или "покинул сцену"^{6/}, вводят в заблуждение, т.к. даже при самой большой авторской сдержанности невозможно устранить образ автора, который в любом художественном произведении воспринимается читателем.

Сдержанная, внешне неэмоциональная манера письма особенно характерна для прозы XX века; ее придерживались Генри Джеймс, Э.М. Фостер, Вирджиния Вульф, Катрин Мэксфилд, Сомерсет Моэм и др. Все эти авторы разрабатывали технику объективного искусства, т.е. технику косвенной характеристики человека и явления жизни, но все они следовали по пути, который был проложен как предшествовавшим развитием прозы, так и литературной деятельностью отдельных выдающихся художников-новаторов. В этом смысле творчество Джейн Остен, стоящее у истоков английского реализма XIX века, заслуживает серьезного внимания.

Реалистическое творчество Джейн Остен представляет собой пыливое исследование общественной нравственности в узких рамках знакомой ей среды. В своих романах Остен воспроизводит малопримечательные события, заурядные отношения между людьми, в которых она обнаруживает противоречия, трагизм, лиризм. В тривиальных вещах, описываемых романсткой, проясняются характеры людей, их истинное лицо и духовная сущность. Избрав предметом пристального внимания обыденную жизнь, Остен тем самым протестует против основной направленности предшествовавшего и современного ей романа. Она выступает против изображения в литературе маловероятных, сменяющих друг друга при-

ключений героев, т.е. против одного из средств раскрытия персонажей в просветительской, принявшей к ней сентименталистской, а также предромантической и романтической прозе.

Мировоззрение Джейн Остен, конкретно разрешаемые ее идейно-художественные задачи выступают как стилиобразующие факторы, определяют взаимосвязь всех используемых ею художественных средств. Психологический характер творчества Остен обуславливает ее стремление к созданию такой стилистической системы, которая способствует наибольшей объективизации повествования. Целенаправленная художественная объективизация жизненного материала достигается писательницей различными средствами: необычайной для ее времени драматизацией эпического повествования, незаметным слиянием голосов автора и действующих лиц с помощью несобственно-прямой речи, редким использованием прямого описания внешнего мира. Остен также не свойственны многословные авторские отступления, отражающие ее понимание действительности. Все эти особенности стиля Остен относятся к числу новаторских повествовательных приемов прозы начала XIX столетия.

Какая-то беспристрастность авторского голоса, тем не менее, не означает, что Остен отстраняется от посредничества между изображаемым ее миром и читателем. Образы, рожденные писательницей, говорят не только сами за себя. На каждой странице ее романов ощущается присутствие автора, который постепенно передает читателю свое миропонимание.

х х

х

Ощущение образа автора в романах Остен обостряется благодаря присущим ее стилю противоположным чертам - особому совмещению живости и сдержанности в проявлении эмоций. Это кажущееся противоречие находит удачное решение в ее романах, в которых скупость авторского комментария стимулирует активное сопереживание читателя и, в сочетании с живым эмоциональным повествованием, образует единое художественное целое. Следовательно, романы Остен, вопреки их мнимой простоте слога. Это значит, что сложен и воспринимаемый читателем образ автора.

Образ повествователя в романах Остен складывается до-

разному. Иногда - из прямого, правда, редко встречающегося изложения авторских оценок. Время от времени Остен в каждом романе вкрапливает в свое повествование одно-два предложения, не больше, от первого лица.

В "Мэнсфилд парке", например, Фанни Прайс, возвратившись в Мэнсфилд, застаёт всех в горе и отчаянии. Старшая дочь сэра Томаса бежала от мужа с лондонским повесой, младшая - скомпрометировала себя побегом с авантюристом, старший сын - тяжело болен, младший - обманут в своих надеждах на счастье. Скорбь потрясенных родителей, разочарование влюбленного - эти человеческие переживания переданы Остен на протяжении нескольких глав. Открывая следующую часть романа, автор пишет: "Let other pens dwell on guilt and misery. I quit such odious subjects as soon as I can"¹⁷¹.

Образ повествователя складывается здесь не из авторского утверждения, а из иронического подтекста, который читатель должен уловить и сделать правильный вывод. Драматические события, о которых рассказывалось на страницах романа, служат выразительным отрицанием подобного заверения. Пугливой авторской ремаркой Остен добивается разрядки напряжения, создавшегося от изложения цепи несчастий в семье сэра Томаса. За иронически легкомысленной позой автора мы ощущаем чуткость и психологическую проницательность. Сострадание повествователя избегает очевидных проявлений. В этом заключается одна из особенностей структуры образа автора в романах Джейн Остен.

В произведениях Остен недоговоренность, неуловимость суждений повествователя сочетается с ненавязчивой, но очевидной апелляцией автора к читателю. Иногда события, сцены, диалоги, раскрывавшие сущность персонажей, вводятся или завершаются одним, редко двумя предложениями авторского обобщения, в котором неперсонифицированный повествователь как бы резюмирует свои наблюдения над человеческой природой.

Время от времени, например, анализ социального сознания людей сгущается в резко очерченные иронические афоризмы:

"...there certainly are not so many men of large fortune in the world, as there are pretty women to deserve them"¹⁷¹.

Иногда максимум врезается в повествование как ироническое обобщение психологического процесса:

"How quick come the reasons for approving what we like!"^{18/}

"Perfect happiness, even in memory, is not common"^{19/}.

Образ автора в этих афоризмах, как и во всем взаимодействии слов, сцен, характеров, деталей в романах Остен, выражен при помощи тонкой, всеобъемлющей иронии. Особенность иронии Остен состоит в том, что романистка проводит резкую границу между иронией как оружием критики, разоблачающей социально-детерминированные черты характера человека,^{20/} и иронией умудренного опытом, сочувствующего комментатора, который видит и сознает все несовершенства и противоречия законов жизни и человеческой природы, но не в состоянии ничего изменить.

Н.М. Демурова справедливо выделяет иронию как основной творческий прием романистки^{10/}. Ирония, окрашивающая повествование Остен, неразрывно связана с образом автора, выражая в конечном итоге иронический склад его мышления. Ирония в произведениях Остен всеобъемлюща. Она проявляется себя и в авторских ремарках, обобщающих основные черты характера отдельных действующих лиц. Открыто осуждающий тон такого рода иронических обобщений бросается в глаза, указывая на авторские мнения.

Например, характер сэра Уолтера Элиота, тщеславного аристократа, суммируется одной уничтожающей фразой:

"Vanity was the beginning and the end of Sir Walter Elliot's character, vanity of person and of situation"^{18, p. 36/}.

Сатирические ноты в иронии Остен преобладают в тех случаях, когда автор раскрывает социально-обусловленные человеческие черты, пагубно влияющие на отношения между людьми.

Так, в "Эмме" Джейн Остен обобщает характер миссис Элтон следующим образом:

"She had a little beauty and a little accomplishment, but so little judgement, that she thought herself coming with superior knowledge of the world to enliven and improve a country neighbourhood"^{19, p. 202/}.

В этой разоблачающей персонаж характеристике автор доносит до читателя свое презрение в трехкратном повторе слова "little", в нарастающем изменении вложенного в него смыслового значения. В первых двух характеристиках миссис Элтон наречие "little" в сочетании с артиклем, вносящим некоторый положительный оттенок, смягчает несовершенства внешности и образования персонажа. Автор дает понять, что такого рода не-

достатки вызывает лишь сожаление. Третий недостаток новопри-
бывшей - неспособность к здравому суждению - раскрывавшийся
с помощью "little" в его полном значении при поддержке эффа-
тистического "so". Остен относит к разряду человеческих изъянов,
проистекающих от злоупотребления социальными превосходством и
вредных в нравственном отношении.

В обобщениях таких человеческих слабостей, которые не
приносят серьезного вреда окружающим, авторская ирония смяг-
чается, и нужная повествователю оценочно-критический эффект
достигается благодаря тонкому юмору.

С мягким юмором, например, суммируются автором основные
черты семейства Масгров в "Убеждении":

"The Musgroves, like their houses, were in a state of al-
teration, perhaps of improvement. The father and mother were
in the old English style, and the young people in the new.
Mr. and Mrs. Musgrove were a very good sort of people; friend-
ly and hospitable, not much educated, and not at all elegant.
Their children had more modern minds and manners" /8, p. 67/.

В иронии Остен даже тогда, когда она не окрашена ярко
критическими оттенками, всегда чувствуется, какие человече-
ские ценности отстаивает автор. В этом примере очевидные сим-
патии повествователя вызывает старшее поколение Масгровов:
старомодных, малообразованных, не отличающихся изысканностью
манер, но искренних и отзывчивых людей. Недосказанная харак-
теристика их детей насыщена суггестивным смыслом и авторским
отношением. Остен сдержанно высмеивает современную ей моло-
дежь, поверхностную, но с претензией на образованность и на-
пускным светским лоском.

Ирония Остен с ее большим диапазоном накладывает свой
отпечаток на каждую страницу повествования, окрашивая все
изображаемое то насмешкой, то сарказмом, то обаянием остро-
умия и добродушного юмора. Являясь определяющей для художест-
венного метода Остен, ирония - одновременно и исследование,
и интерпретация явления объективной действительности.

Американский исследователь М. Мадрик приходит, на наш
взгляд, к необоснованному выводу о функции иронии в романах
Остен. По его мнению, ирония писательницы является защитой,
к которой Остен прибегает для того, чтобы "у нас не осталось

чувства потерянности" /II/ из-за нежелания повествователя связывать себя оценками и посредничеством между вымышленным им миром и читателем.

С нашей точки зрения, контакт между писателем и его аудиторией для Остен был необходимостью; для нее - это сложная взаимосвязь: с одной стороны - желание автора передать свое видение жизни, с другой - активное участие читателя, воспринимающего звучащее повествование. Все это осуществляется в произведениях Остен, как нам представляется, именно благодаря иронии, присущей отразившемуся в романах образу автора. С помощью тонкой иронии Остен не "уклоняется от оценок", а избегает неприемлемой для нее нарочитой морализации, заставляя читателя чувствовать подтекст, тем самым принуждая его критически отнестись к самому себе и окружающей его действительности.

x

x

x

В романах Джейн Остен действия и диалоги персонажей, раскрывавшие их характер, часто обрамляются повествованием бесстрастного созерцателя. Излагая прошлое действующих лиц автор как бы берет на себя роль повествователя-историка и создает иллюзию полной объективности воспроизведения действительности. Но даже в такого рода хроникальных пассажах, в выборе определительных слов, в акцентировке тона можно уловить голос автора, сочувствующий или осуждающий, серьезный или иронический.

Роман "Убеждение" открывается историей родословной сэра Уолтера Элиота:

"Then followed the history and rise of the ancient and respectable family in the usual terms; how it had been first settled in Cheshire, how mentioned in Dugdale - serving the office of High Sheriff, representing a borough in three successive parliaments, exertions of loyalty, and dignity of baronet, in the first year of Charles II, with all the Marys and Elizabeths they had married; forming altogether two handsome duodecimo pages, and concluding with the arms and motto: "Principal seat, Kellynch hall, in the country of Somerset" /8, p. 61/

Это пересказ содержания семейного генеалогического трактата. Кажущееся впечатление беспристрастности обманчиво. Уже в самом нежелании автора приводить подробности из этого трактата улавливается авторская оценка. В глазах романистки тома родословной любой аристократической семьи так же бессмысленны и ничтожны, как и люди, которых в этих томах пытаются увековечить. Перечисляя скороговоркой заслуги поколений Элиотов, Остен в авторской ремарке "in the usual terms" дает понять, какими напыщенным слогом они изложены, и тем самым высмеивает кичливость английской аристократии. Сам перечень вскрывает разительное несоответствие между деяниями, личными качествами представителей рода Элиотов и pompезным оформлением труда, прославляющего их. Это несоответствие обнаруживает себя в констатации автором "выдавшихся" событий в семье - with all the Marys and Elizabeths they had married - факты, которые описаны в "two handsome duodecimo pages", а также в ссылке на потомственные чувства достоинства и верноподданничество, которые были особенно проявлены предками сэра Уолтера в первый год царствования короля Карла II. Известно, что во времена правления Карла II титул баронета можно было получить лишь за деньги. По-видимому, Остен потешается здесь над тем, что предок сэра Уолтера проявил свою "лояльность" в первые годы реставрации тем, что внес необходимую сумму денег, в которых так нуждался король, и получил за это титул, ставший предметом гордости последующих поколений Элиотов.

В конце абзаца автор с напускной серьезностью приводит девиз рода Элиотов, которым гордятся, несмотря на его полную бессодержательность. Осмеяние Остен чванства знати усиливается еще и тем обстоятельством, что Элиоты не обладали никакими другими поместьями, кроме того, которое значится в качестве главного.

Итак, в описательных пассажах, содержащих необходимые сведения о героях, образ автора строится не из прямых рассуждений, одобрения или порицания, а из различных косвенных проявлений - незаметной расстановкой повествователем нужных акцентов, общим эффектом внутривидовой связи.

В сценах, повествующих о действиях героев, голос автора

также как будто не звучит, но тем не менее, его скрытые интонации всегда прорываются, приобретая едва уловимое качество - они как бы окрашены тональностью речи персонажей.

Например, в романе "Убеждение" осуждение слабоволия и легкомыслия Чарльза Масгрова передано почти неуловимо в описании его действия во время болезни сына. После неудачного падения ребенка Чарльз под впечатлением только что пережитых волнений за жизнь мальчика твердо отклонил приглашение на званый обед. Но на утро после недолгих колебаний он принимает другое решение:

I. The child had a good night, and was going on well the next day. 2. It must be a work of time to ascertain that no injury had been done to the spine, but Mr. Robinson found nothing to increase alarm, and Charles Musgrove began consequently to feel no necessity for longer confinement. 3. The child was to be kept in bed, and amused as quietly as possible, but what was there for a father to do? 4. This was quite a female case, and it would be highly absurd in him, who could be of no use at home, to shut himself up. 5. His father very much wished him to meet Captain Wentworth, and there being no sufficient reason against it, he ought to go; and it ended in his making a bold public declaration, when he came in from shooting, of his meaning to dress directly, and dine at the other house" /9, p. 246/.

В этом примере Остен, казалось бы, на незначительном материале, ненавязчиво передает метаморфозу в мыслях героя, а также свойства его натурн. Весь абзац - авторское описание, но писательница становится между читателем и повествователем настолько неназойливо, что у нас создается ощущение, будто мы являемся соучастниками события. Чувство соперничества создается самой структурой отрывка.

Первое предложение - информация невозмутимого повествователя о состоянии больного. Начало второй фразы отличает очевидное сближение речи автора с подразумеваемой речью врача; она не приводится, но ощущается в формальном тоне сообщения, изложенного медицинским языком. Конец этого предложения, начиная с союза "and" продолжает автор-повествователь, но это уже не бесстрастный рассказчик, а критически настроенный оче-

видец происходящего. Чарльз даже в мыслях не признался себе, что его временное безвыездное пребывание дома тяготит его подобно заточению. Авторское определение положения мистера Масгроува (confinement) перекликается с невысказанной точкой зрения героя, но стилистически не согласуется с ней. В обобщающем наречии "consequently" Остен как бы суммирует свои многочисленные наблюдения над женатыми мужчинами.

Часть третьей фразы до точки с запятой - снова незаметный переход к предписаниям доктора. Конец этого предложения, четвертое предложение и часть пятого (до "and it ended...") передает невысказанное соображение Чарльза в пользу его решения отправиться развлечься. Эта часть, так же как и весь абзац, представляет собой авторское повествование, не выделяющее мысли героя во внутренний монолог, но оно дается в самоубеждающем, раздраженном тоне, которым он пользовался бы сам. Тут и оттенок насмешки в речи автора, выступающего в роли человека, который понимает мужскую психологию ("but what was there for a father to do?"); тут и слова, выделяющие непримиримость раздосадованного папаша ("quite a female case", "highly absurd", "to shut himself up"), тут дается и процесс самовнушения, характерного для человека, который оправдывает свои намерения: "(he) could be of no use at home, his father very much wished him to meet Captain Wentworth, and there being no sufficient reason against it, he ought to go."

Пассаж завершается изложением намеченного героем поведения. В наигранно-деловое перечисление повествователем действия Чарльза, быстро сменяющих друг друга, проскальзывает неожиданная деталь: "when he came in from shooting".

Об этом автор до сих пор молчал, в то время как читатель был уверен, что все изложенные выше колебания одолевали героя, когда он находился в доме, рядом с больным ребенком. Значение вскользь сделанного Остен сообщения осмысливается в полной мере при сопоставлении этой информации с позицией автора. В квалифицирующем поведении Чарльза определении "bold" повествователь выступает как бы на стороне "многотерпеливого" отца, его "страдающего" мужского достоинства, тогда как на самом деле "bold" выражает насмешку автора по адресу персонажа. Кажущееся отождествление точек зрения автора и героя в этом пред-

лоении, а также на протяжении всего отрывка, приобретая иронический оттенок, воспринимается читателем как авторская оценка.

В последнем примере особенно отчетливо проявляется характерная особенность повествовательной техники Остен - выводы не навязываются читателю, он сам должен постичь смысл изображаемого и почувствовать авторский голос. Воспринимая идеи повествователя из подтекста, читатель проникается авторским видением мира и одновременно мало-помалу строит образ создателя произведения.

Среди художественных средств, способствующих восприятию образа автора в романах Остен, особенно выделяется прием изображения действия в специфически субъективном восприятии одного из действующих лиц. Изображение событий с точки зрения персонажа ("point of view" или "limited point of view") - стилистический прием, получивший особое распространение в прозе XX столетия^{/12/}. Некоторые критики определяют степень литературного мастерства по умению писателя пользоваться ограничительной точкой зрения^{/13/}. Истинное значение повествовательной точки зрения состоит, однако, не в виртуозности авторской техники. Подобно другим аспектам стиля, повествовательная точка зрения является составной частью сложной взаимозависимости содержания и формы.

Э. Уоррен и Р. Уэллек определяют точку зрения как "отношение автора к своему произведению"^{/14/}. Это обобщение принципиально важно, т.к. ограничительной точкой зрения часто и многосторонне пользуются писатели, для которых существенным условием художественного творчества является сдержанность авторской манеры. Представляя особо важное средство раскрытия характеров героев, "point of view" нередко заключает в себе скрытое, авторское "я" и воспринимается как оценка повествователя, данная без его одутого посредничества.

В английской литературе повествовательная точка зрения применялась издавна в прозе, где рассказ велся от лица одного или нескольких героев (эпистолярный роман). В творчестве Джейн Остен и Вальтера Скотта ограничительная точка зрения проникает в роман, в котором повествование ведется в третьем лице. Но романисты по-разному используют точку зрения. Скотт применяет ее редко и только лишь как внешний

технический прием. Так осада замка Фрон-де-Бефа в "Айвенго" изображена через восприятие Ревекки.

Художественные особенности языка Скотта в этой сцене отметил еще в 1864 г. критик Несо Сениор. Несмотря на то, что исследователь еще не пользовался термином "point of view", его рассуждения указывают на то, что Скотт намеренно ограничил описание битвы передачей впечатлений одного из персонажей, вопреки возможному изложению этих же события историком с осылками на все доступные источники. Скотт "заставил нас представить себя на месте Ревекки и тем самым добился концентрированного и яркого изображения - всего того, чего недоставило бы в отчете историка" /3, с. 107/.

В романах Остен повествовательная точка зрения, в отличие от редкого применения этого приема в произведениях Скотта и других писателей начала XIX века, становится одним из основных художественных средств, приобретая новое эстетическое качество. В каждом произведении Остен авторское повествование в какие-то моменты как бы трансформируется; речь повествователя становится незаметно для читателя созвучной языку персонажа /15/. Обнаруживаются особенности восприятия, меры оценок, свойственные не только определенному персонажу, но и его создателю. Ограничительная точка зрения у Остен - это "хорошо проложенный канал, по которому течет авторский комментарий" /16/.

Воздействие "point of view" не всегда одинаково в повествовании Остен; иногда изображаемая точка зрения не совпадает с подразумеваемой точкой зрения автора. Нередко мнимым отождествлением точки зрения персонажа и автора, как это видно из ранее приведенной сцены самоубеждения Чарльза Мэстрова, писательница вносит иронический контраст между характером события и неадекватным тоном, которым оно излагается, тем самым давая понять, что позиция повествователя абсолютно противоположна той, в которой он казалось бы выступает. Следовательно, под незримым руководством повествователя, читатель улавливает его скрытое толкование действительности, а также воспринимаемые образ создателя произведения.

Итак, повествовательная точка зрения у Остен впервые в английской литературе становится существенной частью структуры произведения? По-разному воздействуя на читателя, она является и немаловажным структурным элементом образа автора. Грстав Флобер, придерживавшийся, как известно, "безличного"

искусства, тем не менее, писал: "Автор должен незримо присутствовать в своем произведении, как бог во вселенной"^{17/}. Этот постулат как нельзя лучше применим к произведениям Джейн Остен. Несмотря на то, что она часто выступает в роли объективного историка или передает события в осмыслении одного из персонажей, образ автора непрерывно ощущается читателем. Он является важной частью ее творчества.

Образ автора романов Остен воспринимается в авторской речи, в каждом аспекте ее оригинального стиля. Речь Джейн Остен лишена всякой риторики, нравоучения. Яркие, живописные впечатления и прозаические факты рисуются с одинаковой кажушейся легкостью; эмоциональное напряжение сочетается с сатирическими и юмористическими оттенками и лаконичным изложением; тон повествователя всегда остается естественным и ненавязчивым. Благодаря всем этим качествам повествование Остен представляет собой новое явление в английском романе того времени, предвещающее лучшие образцы прозы XIX века, с характерными для художников нашего столетия способами воссоздания действительности.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с.92; Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971, с.107; Брандес М.П. Стилистический анализ. М., 1971, с.52.
2. Boothe W. The Rhetoric of Fiction, Chicago, 1961, pp. 73-75; Tillotson A. The Tale and the Teller. L., 1959, p.22; Бушмин А.С. Сатира Салтыкова-Щедрина, М., 1959, с.436.
3. Jansone M. Some Problems of Katherine Mansfield's Style. R., 1970, p.90.
4. Beach J.W. The Twentieth Century Novel. L., 1932, p.14.
5. Stang R. The Theory of the Novel in England 1850-1870. L., 1959, p.99.

6. Затонский Л. Век двадцатый. Киев, 1961, с.82.
7. Austen J. Mansfield Park. Penguin Books, 1966, p.446.
8. Austen J. Persuasion. Penguin Books, 1965, p.46.
9. Austen J. Эмма. Л., 1968, p.381.
10. Демурова Н.М. Особенности художественной манеры Джейн Остен. -Учен.зап.Моск.гос. пед. ин-та им.В.И.Ленина. Зарубежная литература, 1964, №218, с.92.
11. Mudrick M. Irony as Defence and Discovery. Princeton, 1952, p.91.
12. Lubbock P. The Craft of Fiction. N.Y., 1957, p.99; Dorothy van Ghent. The English Novel. Form and Function. N.Y., 1953, p.45.
13. Beach J.W. Op. cit. p.183; Friedman N. Point of View in Fiction. The Development of Critical Concept. PMLA, 1955, v. IX, No.5, Dec., p.1163.
14. Warren A., Wellek R. Theory of Literature. L., 1955, p.231
15. Lascelles M. Jane Austen and Her Art. Oxf.Univ. Press. 1963, p.203.
16. Forster E.M. Abinger Harvest. L., 1936, p.149.
17. Шлобер Ф. Соч .М., 1937, т.7, с.424.

АНТОНИМИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ

Известно, что появление новых слов в языке и речи вызывается и обуславливается различными причинами как экстралингвистического, так и внутриязыкового характера, причем возможности образования слов заложены не только в словообразовательной, но и в лексико-семантической системе языка. Одним из проявлений системности лексики, как отмечают многие исследователи, является антонимия /1/. "Проблема использования антонимов в художественных и публицистических произведениях затрагивает ряд вопросов, - пишут Л.А.Введенская и Ю.М.Белкина. - Так, можно говорить о функции синонимичных антонимов, о соотношении общенародных и окказиональных антонимов, о характере окказиональных антонимов, о стилистических фигурах, основанных на антонимах"/2/. В данной статье, опирающейся в основном на анализ художественных и публицистических текстов, взятых из центральных литературно-художественных и общественно-политических журналов 60-70-х гг., преследуется, однако, цель иного характера, заключающаяся в анализе связи явления антонимии с образованием новых слов. Подобную связь целесообразнее всего выявить с позиций ономастологического аспекта исследования/3/.

Ономастологический аспект предполагает выяснение вопроса, связаны ли антонимические отношения (их знание носителем языка) с самим образованием слова, в частности, с причинами лексической объективации /4/. Теоретически допустимыми могут быть два решения поставленной проблемы: 1)новообразование вступает в антонимические отношения с общеязыковыми словами (или с новообразованиями же) после создания, и, следовательно, антонимия не имеет непосредственного отношения к образованию нового слова; 2)антонимические отношения учитываются при самом образовании слова, являются одной из причин словотворчества, состоящей в возникшей у говорящего ("отправителя") необходимости выразить значение, противоположное значению другого слова. Рассмотрим, как реализуются эти два теоретических предположения *

в языковой (речевой) действительности.

Деятельность индивида по созданию новой лексической единицы имеет те же "образующие", что и любая человеческая деятельность. В числе этих "образующих" выделяется мотив деятельности /5/. Мотив, по мнению А.Н.Леонтьева, "может быть как вещественным, так и идеальным, как данным в восприятии, так и существующим только в воображении, в мысли" /6/. Мотив словотворческой деятельности - понятие довольно широкое, включающее разнообразные причины образования новых слов. Выявляя причины, обусловившие образование слова, исследователь по существу анализирует функции новообразования, уже употребленного в том или ином тексте, и поэтому в большинстве случаев причины лексической объективации можно установить лишь опосредованно, через проецирование на них функциональной характеристики слова. В связи с этим уместно подчеркнуть необходимость и важность использования традиционного в лингвистике метода контекстуального анализа при решении поставленного выше вопроса.

В разнообразных контекстах мы встречаемся с неоднотипными случаями "представленности" слова, антонимичного неологизму, причем данная неоднотипность наблюдается как двухплановая: с точки зрения наличия или отсутствия антонима в тексте и с точки зрения отношения этого антонима к языку.

1. Неологизм противопоставляется по значению слову, существующему в общем языке, и это узусальное (обычное, "реальное", "каноническое") слово приведено в контексте. Антонимы при этом могут быть как однокорневыми, так и разнокорневыми.

а) Однокорневые антонимы: ушелец - пришелец ("Так или иначе попадаешь в историю как свидетель, например, космических пришельцев или каких-нибудь ушельцев". Г.Даворонков. Рассказы об ушельцах. - Пионер, 1973, №11, с.67); антиигра - игра ("Только одну игру Виктор Макарович отверг прямо у меня на глазах. Он не захотел играть в поддавки. - Это какая-то антиигра, - сказал он. - Победа состоит в поражении". А.Алексин. Позавчера и послезавтра. - Юность, 1974, №4, с.12); антикино-кино ("Антикино у Уорхола привело к абсурду, уничтожив не только смысл, но одно из главных средств кино-движение". С.Руткевич. Движение искусства. - Юность, 1972, №9, с.60); антимышь-мышь ("Давайте запойним эти последние строчки цитаты - насчет мышей и антимышей". Г.Горышин. Остров большой - остров маленький.

Наш современник, 1975, №3, с.104).

При образовании однокорневых антонимов выявляется влияние антонимических отношений на создание слова. Возникшее мыслительное содержание включает в себя узуальное слово-антоним: ушелец - "человек, противоположный пришельцу", а не просто "человек, который ушел", антигра - "действие, противоположное игре" и т.п.

2. Материальная структура новообразований при разнокорневой антонимии не "подсказывает" соответствующего антонима. Анализ ряда текстов убеждает в том, что само развертывание мысли автора, ход его рассуждений приводит к необходимости создания неологизма-антонима. Например, в диалоге с критиком Е.Сидоровым Е.Евтушенко говорит об адресованных ему упреках во всеядности, неразборчивости во вкусах и поведении, и образование слова чистуализм диктуется стремлением выразить противоположный смысл: "Кстати, эти упреки во всеядности, в неразборчивости, в отсутствии вкуса мне приходится слышать не только в литературной, но и в личной жизни. Например: "С кем это ты вчера сидел за столом? Ну что это за странная компания? Как ты неразборчив в знакомствах..." Конечно, есть люди, которым стыдно пожимать руку. Но порой надменный "чистуализм" обедняет людей, мешает познанию разных сторон жизни" (Диалог поэта и критика. - Литературная газета, 1973, 28 фев. с.5). Постпозиция неологизма - антонима в данном случае служит доказательством "заданности" его образования именно как слова, противоположного по значению предыдущим словам.

Подобную направленность на выражение антонимических отношений при создании новообразований можно отметить, анализируя следующие тексты, где неологизмы ничегонепрошение, остроантифашистский, впроголос, научно-осознание также постпозитивны по отношению к своим антонимам - словам узуальным: "И они подходят молча, и там тоже молчат, все глаза на них с завистью и удивлением, с насмешкой и любопытством, с тайным всепониманием и ничегонепрошением" (И.Ефимов, Лабрантка. - Еность, 1974, №2, с.38); "Эту внешне вполне невинную, а по содержанию остроантифашистскую книгу дал мне прочесть социал-демократ Кипрас Белинис" (Д.Палецкис. Накануне. - Знамя, 1967, №7, с.165); "Немало навек здесь уснуло ребят, высотку залив своей кровью. Здесь ветры то тихо и грустно свистят, то впроголос плачут

по-вдовьи" (Ю.Грачев. На бывшей "ничейной" земле. - Днось, 1974, ВЮ, с.59); "Анализируя - скорее подсознательно и интуитивно, чем научно-осознанно - почерк личности или специфику стиля, пародист "отражает" их в форме доводимых до абсурда крайностей" (В.Р.Костомаров. Русский язык на газетной полосе. М., 1971, с.101).

В тех случаях, когда **узуальное** слово-антоним воспроизведено в тексте, но после неологизма, вопрос об антонимии как одной из причин словотворчества решить значительно сложнее. Ср.: ледовость - теплота ("Тут все - удивленье и новость. Там давних волнений места. Тут зданий - кристаллов ледовость, Там старых дворов теплота". С.Ботвинник. Память. - Нева, 1973, №4, с.53); каменно-легко ("Там, в заливе, полно камней, Как купающихся коней. Вспомню каменно и легко. Все, что дорого и далеко". Р.Казакова. Чрибалтика. - Октябрь, 1967, №3, с.112). Препозиция антонимановообразования, казалось бы, может показывать, что созданное слово влечет за собой появление в речи узуального антонима, найденного автором по признаку противоположности значения в словарном составе общего языка; в таком случае антонимические связи не имеют отношения к словопроизводственному процессу, не служат причиной словотворчества, а возникают после образования слова. Однако такое рассуждение было бы, на наш взгляд, несколько прямолинейным, упрощенным, так как оно исходит из признания тождественности двух типов текстов: 1) текста, в котором употреблено (реализовано) новообразование (так называемого контекста употребления, или коммуникативного контекста), 2) описания, объективирующего возникший смысл на этапе синтаксической объективации /7/. Между тем порядок расположения антонимичных слов в данных текстах может не совпадать.

Возможно предположить, что в самом возникшем мыслительном содержании уже "задана" противоположность значений общеязыкового слова. Л.А.Новиков считает, что антонимичность заложена в самом значении слова. "...антонимичность, - пишет он, - оказывается компонентом смыслового содержания слов. Она выступает как особая характеристика лексического значения слова, специфически языковое отражение различий, противоречий в предметах объективного мира... Противопоставление включается (в виде компонентов значения) в само предметно-логическое содержание соотносительных слов, так что осмысление одной из противополож-

ностей невозможно без её противочлена, без её "своего иного". Качество (например, черный) без заложенной в нем самой противоположности другому качеству (белый) потеряло бы свою определенность. Каждый антоним фактически заключает в себе самом (в явной или неявной форме) свою противоположность /8/. Л.А.Новиков анализирует общеязыковые слова, в значении которых антонимичность закреплена, но его мысль представляется нам глубоко справедливой и по отношению к возникавшим новообразованиям. Закономерно включение отношений противоположности в смысловое содержание, возникшее в сознании индивидуума на этапе синтаксической объективации, т.е. до словопроизводственного процесса Э(лексической объективации). Например, при образовании слова ледовость возможно описание "холодность, свойственная всему ледовому (льду), контрастирующая с теплотой (или: противоположная теплоте)". В контексте употребления созданное слово затем актуализируется ранее общеязыкового антонима.

Таким образом, в ходе мыслительной деятельности, происходящей до словопроизводственного процесса, узуальный антоним предшествует новообразованию, а-конструирование речевой цепи осуществилось в иной последовательности, когда узуальный антоним оказался в постпозиции к неологизму. Следовательно, независимо от позиции новообразования по отношению к общеязыковому антониму стремление носителя языка выразить антонимические отношения выступает как причина образования нового слова.

2. Неологизм является антонимом узуального слова, которое, однако, не приведено в контексте. Это слово легко восстановить, поскольку оно "подсказывается" материальной структурой новообразования: нефизик-физик ("Космынин понимал, что обстоятельства взрыва совсем не просты, что они наверняка кроются в какой-то тонкой физической закавыке, запряженной для него, нефизика, за семью печатями. "В. Петров. Сигма-эф.-Юность, 1974, №1, с.28); контрсчет-счет ("Ну что ж! Придется набраться терпения. И на требования уплатить долги с любезной улыбкой предъявлять контрсчет" (Б.Мошпилевский. Призвание инженера Красина. - Нева, 1966, №11, с.120); по-нерусски-по-русски ("Действительно, я прямо спятил с этич янглийским. Ложусь с ним и встаю, ем и пью, кричу и пою, даже спорю понерусски с Мебиусом". Г.Ихасенко. Милый Эп. - Юность, 1974, №6, с.5); антиромантичный-романтичный ("Судя по всему, В.П.Калицкая была женщиной край-

не трезвой, рассудочной, антиромантической". В.Ковский. "Будь заодно с гением"... - Новый мир, 1974, №1, с.235); немужской-мужской ("Друзья горячо обнялись и сразу смутились, словно стыдясь такого "немужского" проявления чувств." В.Собоко. Красная нить. - Октябрь, 1967, №4, с.54).

Поскольку общеязыковый антоним "подсказан" новообразованием, хотя и не приведен в контексте употребления, легко предположить, что в синтаксическом описании антонимичность отношений была выражена и, следовательно, в определенной мере предопределила словотворческий акт.

3. Новообразование не имеет антонима не только в пределах данного текста, но и в общем языке. Антоним можно восстановить только в индивидуальном языке, в "идеолексиконе" /9/, ибо, в отличие от фактов, представленных выше (пункты 1 и 2), в качестве антонима выступает не узусальное слово, а новообразование: несорильщик - сорильщик, неходильщик - ходильщик, немяльщик-мяльщик, нетоптальщик-топтальщик ("И кому они это пишут? Карлсону! Самому Карлсону, который, как известно, самый лучший "несорильщик, неходильщик, немяльщик, нетоптальщик в мире!" Л.Лиходеев. Крыша, на которой живет Карлсон. - Литературная газета, 1972, 29 марта, с.8); "непокупабельность" - "покупабельность" ("Но если вы из любознательности обратитесь к нему за информацией, то, несмотря на вашу "непокупабельность",... все толком объяснят" (Б.Рост. Птичий рынок. - Комс. правда, 1973, 21 янв., с.8). Антонимия заложена здесь уже в самом объективируемом значении (несорильщик - "не сорильщик" и т.п.) и, несомненно, влияет на образование слова.

4. В тексте приведены оба антонима, являющиеся новообразованиями: "Попытки некоторых родителей "омальчить" дочь... приводят к столь же печальным последствиям, как и попытка "одевичить сына" (А.Белкин. Мужчина и женщина: стирание психологических граней? - Литературная газета, 1973, 1 авг., с.13).

Трудно решить, какой из двух окказиональных слов - антонимов был создан раньше. Возможно, второе слово создавалось как антоним первого: не исключено также, что порядок образования антонимов и порядок их реализации в тексте не совпадают. Однако, независимо от решения данного вопроса, можно утверждать, что словопроизводственный процесс был вызван к жизни необходимостью выражения противоположности значений.

5. Созданный неологизм противопоставлен по смыслу не слову (оказиональному или узуальному), а словосочетанию или ряду словосочетаний. Данный случай выходит за пределы лексической антонимии, вместе с тем с позиций ономаσιологического анализа его интересно рассмотреть. Если в приведенных выше текстах (пункты 1-4) новообразование противопоставлялось по значению слову-единице, целостной в семантическом и фонетико-грамматическом отношении, то в данном случае неологизм находится в отношении противоположности с единицей иного плана, которая является раздельнооформленной, конструируется в процессе речи, а не является элементом вокабуляра (словарного состава общего языка) или идеолексикона (словарного состава индивидуального языка). Например: "Я тоскую по Тбилиси, По глазам его огней, По его тяжелолистью и по легкости теней" (Е.Евтушенко. Я тоскую по Тбилиси... - Новый мир, 1973, №4, с.31). В значении "тяжесть листьев", объективируемое в слове тяжелолистье, может включаться семантическое противопоставление, существующее между словами: тяжесть-легкость.

Антонимом новообразования осерьезнивание выступает словосочетание комедийная условность: "Комедийная условность не выносит насильственного осерьезнивания" (В.Демин. Заговор серьезных. - Советский экран, 1973, №2, с.2). В значении новообразования "действие, состоящее в том, чтобы сделать серьезным" компонент "серьезный" предполагает противопоставленность компоненту "комедийный". Антонимия указанных компонентов является основой семантического противопоставления неологизма словосочетанию в целом.

Данный тип антонимии имеет особое значение для ономаσιологического исследования, ибо в тексте одновременно представлено два типа объективации значения: лексическая объективация (тяжелюлистье, осерьезнивание) и синтаксическая (легкость теней, комедийная условность). Внешняя "выраженность" синтаксической объективации служит реальным подтверждением мысли о возможном существовании описания, в которое включено слово-антоним, до словопроизводственного процесса (см. пункты 1-4).

6. Как более сложный можно выделить случай, когда новообразование в тексте противопоставлено по смыслу не одному словосочетанию, а их ряду: "Чрезвычайно плодотворен в этом отношении статистический метод исследования, если только он применяется целенаправленно, со знанием дела, с теоретическим обоснованием"

ванием, в соединении с качественным анализом, а не формально-механистически" (М.Н.Коліна. О задачах, предмете и методах исследования художественной речи в аспекте функциональной стилистики. - Уч. зап. Пермского университета, 1966, №162, с.169). В значении созданного наречия "формально и механистически" также можно усмотреть противопоставленность тем или иным компонентам значений слов, входящих в состав словосочетаний (в частном случае - всему словосочетанию, если оно является устойчивым: со знанием дела).

7. Созданный неологизм противопоставлен по значению не отдельному слову или словосочетанию (или ряду слов и словосочетаний), а тексту, описывающему целую художественную картину. В романе К.Бондарева "Берег" трудности и ужасы войны, пережитые Никитиным и его товарищами, противопоставляются красоте жизни, которые вдруг почувствовали советские воины в период временной передышки, и неологизм солнценосный (воздух) занимает важное место в этом противопоставлении: "Война, Берлин, сопротивление эсэсовских частей в Австрийских Альпах, наступление американской армии в Чехословакии, весь фронтовой мир вроде бы незаметно отделился, отошел на тысячи километров, канул в туманную и далекую нереальность, и осталась только действительность - одурманивающая тишина, запахи весенней свежести, солнценосный воздух, наполненный прозрачной синевой, радостная беззаботность отдыха" (К.Бондарев. Берег. - Наш современник, 1975, №3, с.61).

Впоследствии, через много лет, Никитин вспоминает это чувство: "Госпожа Герберт, я заметил, что вы молчали и о чем-то думали... - сказал Никитин, стараясь не видеть чистую седину в её волосах, а сидясь сравнить, сопоставить случайное, когда-то бывшее в их молодости благостное утро и вот этот прозрачно-синий, устреленный в его зрачки взгляд, в котором ему хотелось увидеть и её и себя не неправдоподобно другой, чудилось, приснившейся жизни, где была райская тишина без войны, теплая трава, счастье светоносного весеннего воздуха..." (К.Бондарев. Берег. - Наш современник, 1975, №5, с.82). Узуальное слово светоносный, синонимичное по значению неологизму солнценосный, также служит целям антитезы.

8. В антонимических отношениях находятся слова, моливирующие новообразования: бывше-будущий - бывший и будущий, темно-светло, светло-темно - светло и темно: "Бывше-будущие базы.

(Б. Агапов. Воспоминание о Японии. - Москва, 1974, №1, с.96);
"Так, значит, как вы делаете, други? Пораньше встаю, пока
темно-светло. Открыв тетрадь, перо берете в руки и пишете?
Как, только и всего? Нет, у меня все хуже, все иначе. Свечу истрачу,
истрачу, взор сошло в окно. Как второгодник, не решив задачи.
Меж тем в окне уже светло-темно. (Б. Ахмадулина. Из цикла "Ген-
цины и поэты". - Октябрь, 1975, №3, с.25).

Анализ антонимических отношений между новообразованиями
и различными единицами (прежде всего и главным образом - лекси-
ческими) позволяет прийти к некоторым выводам. Антонимические
отношения как один из типов системных отношений в лексике не
только "широко используются в языке в качестве одного из выра-
зительных средств", /I/, но и являются одной из причин, вызы-
вающих к жизни словопроизводственный процесс. "Осознание не-
обходимости лексического объективирования, - отмечает И.С. Ло-
ропцев, - и есть выбор словопроизводственной модели" /II/. По-
добное осознание приводит носителя языка к установке на созда-
ние нового слова. Причины, ставящие человека перед необходи-
мостью выбора модели и осуществления словопроизводственного
процесса, могут быть самого различного характера; кроме того,
в большинстве случаев акт словотворчества вызывается не одним,
а целым комплексом факторов.

Среди разнообразных причин лексической объективации опреде-
ленное место занимает установка на выражение отношений противо-
положности, которые существуют в объективной действительности
и выражаются в языке прежде всего через антонимию. Поэтому из
двух теоретических допущений, намеченных в начале данной статьи,
приемлемым оказывается лишь первое: антонимические отношения
учитываются при самом образовании слова, являются одной из при-
чин словотворчества, состоящей в возникшей у говорящего ("от-
правителя") необходимости выразить значение, противоположное
значению другого слова.

6

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. См., напр.: Васильев Л.М. Теория семантических полей. Вп,
1971, №5; Гмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лек-
сики. М., Наука, 1973; Долгих Н.Г. Теория семантического
поля на современном этапе развития семасиологии. Филологи-
ческие науки, 1973, №1; Степанов В.С. Основы общего языко-
знания. М., Просвещение, 1975.

2. Введенская Л.А., Белкина Е.М. Антонимы как художественно-образительное средство в публицистике Л.Н.Толстого. - Материалы толстовских чтений (республиканский сборник). Проблемы языка и стиля Л.Н.Толстого. Тула, 1974, с.48.
3. Об особенностях ономастологического подхода к исследованию новообразований см.: Габинская О.А. Различные аспекты анализа лексических новообразований. - В кн.: - Вопросы лексикологии русского языка. Курск, 1974, с.5-8.
4. Лексическая объективация - "процесс возникновения лексической единицы, который представляет собой материализацию, закрепление в звуковой оболочке идеального содержания, типичного для идеального содержания лексических единиц." Торопцев И.С. Предмет, задачи, материал и методы ономастологии. Научные труды Курского госпединститута, том 21 (II4). Проблемы ономастологии. Исследования проблемной лаборатории по ономастологии кафедры общего языкознания и истории языка Орловского госпединститута, I.Орел, 1974, с.3).
5. Леонтьев А.Н. О значении понятия предметной деятельности для психологии. - Материалы XX Международного психологического конгресса (Япония, Токио, 13-19 августа 1972 г.). М., 1975, с.61.
6. Там же, с.58.
7. "Специфика синтаксической объективации, - отмечает И.С.Торопцев, - не в соединении материального с идеальным, а в возникновении идеального содержания, из которого в дальнейшем может быть сформирована идеальная сторона будущей лексической единицы... Описательное сочетание слов, предложение или сочетание предложений служит первоначальной объективной материальной базой, первоначальной формой объективации нового знания, значения. Поэтому синтаксическая объективация и является долексической объективацией" Торопцев И.С. Исходные моменты лексической объективации. - В кн.: Проблемы ономастологии. Курск, 1975, с.67,68).
8. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. (Семантический анализ противоположности в лексике). Изд-во Московского университета, 1973, с.59-60.

9. "Вокабуляр определенного языка, - пишет Е.В.Розен, - представляет собой в идеале полный список материально существующих слов. В идеале потому, что практически составить такой список невозможно, а также потому, что нет ни одного человека, кому были бы известны все слова данного языка, как нет и ни одной книги, где были бы эти слова зафиксированы. Но в индивидуальной языковой памяти каждого носителя языка "записана" какая-то известная ему часть вокабуляра. Эту часть можно назвать лексиконом, или, точнее, идеолексиконом".
Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. М., Просвещение, 1971, с.14).
10. Новиков Л.А. Средство выражения-антонимия. Русская речь, 1973, №1, с.5.
11. Торопцев И.С. Предмет, задачи, материал и методы ономастологии, с.51.

С о д е р ж а н и е

J. Kārklipš. Teikuma struktūras pārveidojumi kon- sistēncijas ietekmē (Par dažām latviešu valo- das sintakses attīstības tendencēm)	3
Л.А. Орловская. Окказиональная фразеологическая деривация	40
В.П. Рапа. Лексическая деривация на базе герунди- ального существительного	51
И.А. Наумова. К вопросу об адъективизации при- частия в современном английском языке	61
А.Я. Банков. Аналитическая глагольная лексика и некоторые вопросы инноваций (на материале французского и латышского языков)	70
Я.К. Рапкевич. Роль аналогии при образовании суще- ствительных типа work-in в современном ан- глийском языке	77
О.Л. Озолинъ. Роль сравнительно-сопоставительного метода при определении инноваций в слово- образовательной системе французского языка (на материале вещественных прилагательных) ...	84
Т.В. Король. Особенности окказиональных деномина- тивных глаголов (на материале немецкого языка)	92
Н.А. Козина. Речевые образы луны и звезд в цикле рассказов М. Горького "По Руси" (Семантичес- кая осложненность слова в художественной речи)	98

Н.Ф.Рябова. Пути образования и развития цвето- обозначений (на материале производных от индоевропейских корней *bhel- и *shel- в английском, латышском и русском языках)	III
Т.А.Амелина. Стилистическое новаторство Джейн Остен (к вопросу о структуре образа авто- ра)	121
О.А.Габинская. Антонимия как одна из причин возникновения лексических новообразований	135

44/5453

72 K.

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509023289